ПЛУТАРХЪ

ДЛЯ ПРЕКРАСНАГО ПОЛА,

или

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ВЕЛИКИХЪ И СЛАВНЫХЪ ЖЕНЪ ВСѢХЪ НАЦІЙ, ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Сочин. Гг. Бланшарда и Пропіака.

ЧАСТЬ II.

Изданіе С. и Г.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1816.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Іюля 31 дня 1816 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Цензоръ Михайло Снѣгиревъ.*

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
31-2299а

ПЛУТАРХЪ
ДЛЯ ПРЕКРАСНАГО ПОЛА.

МАРГАРИТА АНЖУЙСКАЯ,

Королева Англинская.

Маргарита Анжуйская родилась 1429 года Марта 23 дня. Она была дочь Рене Анжуйскаго, Короля Сицилійскаго, Неаполитанскаго и Іерусалимскаго. Во все теченіе своей безпокойной жизни она всегда оказывала постоянство и твердость. На престолѣ и въ темницѣ повсюду она имѣла одинаковой характеръ; показывая себя выше всѣхъ произшествій, она заставила и самыхъ непріятелей своихъ себѣ удивляться.

Не описывая ея красоты, довольно сказать, что Генрихъ VI, Ко-

роль Англинскій, увидя ея портретъ, влюбился въ нее и просилъ себѣ въ супружество, хотя совершенно чувствовалъ несообразность сего брака; потому что отецъ ея, и при прехъ Королевствахъ, не владѣлъ ни однимъ аршиномъ земли. Рене, отецъ Маргариты, хотѣвшій чрезъ сей союзъ поправить свое щастіе, не замедлилъ дать на то своего согласія, и Генрихъ оказалъ ему свою признательность, уступивъ ему Герцогство Анжуйское и Графство Майнъ, которыя принадлежали тогда Англіи. Бракъ былъ празднованъ въ Нанси 1444 года; а въ слѣдующемъ году Маія 30 го Маргарита была коронована въ Вестминстерѣ.

Генрихъ VI, коего неопытность еще болѣе увеличивала природную слабость, позволилъ своему дядѣ, Герцогу Глочестерскому, управлять вмѣсто его, оставивъ себѣ только титулъ Короля. Мудрый и опытный Герцогъ былъ обожаемъ народомъ, и всѣ довольны были его правленіемъ,

взирая съ удовольствіемъ на слѣпую довѣренность, которую въ нему имѣлъ Король. Напротивъ того Маргарита, всегда завидуя такой власти и имѣя довольно силъ, выдумала планъ, сколько дерзкій, столь же и трудный, овладѣть Королевствомъ. Она начала съ презрѣніемъ и укоризнами говорить объ этомъ своему супругу, представляя ему, сколь постыдно отдать правленіе Министру своему. Надѣясь, что оскорбленное самолюбіе супруга ея возпоржествуетъ надъ его слабостію, она выдумала послѣднее средство. Изобличивъ Герцога въ преступленіи (что для нее весьма было удобно), она взяла его подъ карауль и посадила въ башню, а убійца, подкупленный и обѣщавшій хранить сіе втайнѣ, умертвилъ его.

Такимъ образомъ Маргарита вступила въ управленіе всѣхъ дѣлъ, будучи руководима на семъ трудномъ поприщѣ Графомъ Суффолькомъ, котораго пожаловала она Герцогомъ. Однако благосклонность Королевы не могла ни-

чего сдѣлать противъ волненій народа, который смерть Герцога Глочестерскаго приписывалъ Графу. Палата Перовъ внесла противъ него доносъ, которого каждый пунктъ осуждалъ его на величайшее наказаніе. Маргарита, видя, что не можетъ его спасти своею защитою, отправила его тайно во Францію: но онъ былъ убитъ на дорогѣ, и Герцогъ Соммерсетъ заступилъ его мѣсто.

Какія бы попеченія ни употребляли повелители народовъ, и сколь бы ни были святы намѣренія ихъ въ дѣлахъ; но, увы! къ нещастію, они всегда найдутъ неблагодарныхъ и недовольныхъ. Англичане оскорбленные, видя себя подъ управленіемъ иностранной Принцессы, пожелали тотчасъ новой системы. Ричардъ, Герцогъ Іоркскій, желая воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ, рѣшился вступиться въ права свои, которыя онъ имѣлъ на престолъ Англинской; но, зная политику, онъ еще не хотѣлъ самъ дѣйствовать открыто, не будучи увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, а началъ посред-

ствомъ Ирландскаго дворянина, по имени *Каде*. Было положено, чтобы сей Каде назывался Мортимеромъ Графомъ де ла Маршъ, Принцемъ изъ дому Іоркскаго, погибшимъ въ Лондонѣ на ешафотѣ, и чтобы онъ возвратился въ Провинцію Кентъ, дабы увѣрить народъ, что Мортимеръ еще живъ. Каде сдѣлался тотчасъ начальникомъ многочисленной партіи. Онъ надѣлъ бѣлую розу, сей роковой знакъ дома Іоркскаго со времени первой вражды его съ домомъ Ланкастерскимъ, которой также съ своей стороны принялъ красную розу. Тогда напалъ онъ на Королевскія войска, разбилъ ихъ, и распространилъ ужасъ до самой столицы. Король скрылся въ замокъ Кенельворшъ; и Каде, которому ничто не противилось, вступилъ въ Лондонъ. Но Король употребилъ въ семъ случаѣ удивительное средство; онъ обнародовалъ всеобщее прощеніе — и Каде ночью былъ оставленъ всѣми своими солдатами, голова его была оцѣнена, и потому

онъ былъ убитъ дворяниномъ Кентскимъ. Герцогъ Іоркскій, не смотря на совершенное разсѣяніе войскъ Каде, надѣялся на привязанность къ нему Англичанъ и не упускалъ изъ виду исполненія своихъ намѣреній.

Маргарита, будучи девять лѣтъ неплодною, родила наконецъ сына, котораго назвали Едуардомъ. Радость, по случаю рожденія сего дитяти, была нарушена болѣзнію Короля, которой примѣтно день отъ дня становился слабѣе. Къ сему безпокойству присоединилось еще и предчувствіе намѣреній Герцога Іоркскаго. Она старалась отразить ударъ, угрожавшій ей присутствіемъ сего Принца при Дворѣ подъ предлогомъ исправленія злоупотребленій, вкравшихся во многія части правленія, она старалась внимательно наблюдать всѣ поступки Герцога; однако на сей разъ политика ея и дальновидность были недостаточны: ибо едва только Герцогъ дважды показался въ Совѣтѣ, какъ и овладѣлъ всѣми умами, и про-

стерѣ дерзость свою до того, что приказалъ захватить Герцога Соммерсета въ самой даже комнатѣ Королевы. Онъ сдѣлалъ еще болѣе: явился въ Парламентъ, гдѣ разсуждалъ съ такою важностію, что провозглашенъ былъ покровителемъ Королевства и защитникомъ свободы Церкви и Государства, до самаго того времени, когда Едуардъ будетъ въ совершеніи опять принять въ свои руки бразды правленія.

Столь непредвидимый ударъ весьма огорчилъ Королеву. Она положила, если не найдетъ вѣрной партіи — уѣхать во Францію съ своимъ сыномъ; но, принявши опять на себя твердость, рѣшилась все предпринять для поддержанія своихъ правъ и для спасенія своего Министра. Она разсуждала, что самое вѣрнѣйшее средство успѣть въ своихъ предпріятіяхъ — притворство, и потому употребила оное такъ благоразумно, что всѣ и даже самъ Герцогъ были обмануты ея хитростію.

Сей Принцъ, коего Маргарита умѣла обмануть, отдавъ на его волю управленіе Государственными дѣлами, явился въ Совѣтъ, на которой онъ былъ приглашенъ. Онъ не зналъ, что Король выздоровѣлъ, и еще его удивленіе умножилось, когда увидѣлъ онъ Генриха, предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ, и услышалъ, что онъ опять принялъ въ свои руки правленіе, которое вѣрено было Герцогу Нарламентомъ, по причинѣ худаго состоянія его здоровья. Не извѣстно, Маргарита дѣйствовала ли въ семъ случаѣ; но Герцогъ Іоркскій внутренно увѣрился, что ето была хитрость, дабы вручить бразды правленія Королевѣ, и не могъ противиться.

Вскорѣ послѣ сей перемѣны Соммерсетъ былъ освобожденъ и призванъ опять ко Двору. Тогда Герцогъ Іоркскій не наблюдалъ болѣе осторожности. Онъ поднялъ оружіе, набралъ войска во Франціи, гдѣ имѣлъ много сообщниковъ, и вскорѣ сдѣлал-

ея начальникомъ значительной арміи. Соммерсетъ пошелъ навстрѣчу къ нему, предводительствуя Королевскими войсками. Сраженіе происходило подлѣ Сентъ-Албана. Герцогъ, съ помощію Графа Варвика, начальствующаго авангардомъ его, одержалъ побѣду. Соммерсетъ былъ убитъ, и Король, раненный стрѣлою, принужденъ былъ удалиться въ замокъ нещастнаго Соммерсета. Герцогъ окружилъ войскомъ оный замокъ, завладѣлъ имъ и привелъ Короля въ Лондонъ.

Парламентъ, преданный Герцогу, объявилъ, что Королева и Герцогъ Соммерсетъ худо управляли Королевствомъ, и наименовалъ Герцога Іоркскаго покровителемъ Англіи. — Маргарита, погруженная отъ сего въ ужасную печаль, находилась тогда въ Гревичѣ, какъ Генрахъ, сынъ Герцога Соммерсета, сообщилъ ей нѣкоторые планы, могущіе перемѣнить теченіе дѣлъ. Королева предалась надеждѣ и, настроивши Короля, разположила все такъ, чтобы онъ явился въ Перла-

ментъ. Тамъ объявилъ онъ во второй разъ, что здоровье его поправилось, и онъ можетъ теперь самъ управлять, и благодарилъ Герцога Іоркскаго за хорошее его попеченіе объ управленіи Государствомъ, въ продолженіи его болѣзни. Герцогъ и его сообщники такъ были симъ разстроены, что принуждены возвратиться въ свои владѣнія.

Королева вмѣстѣ съ Королемъ, осматривая провинціи Королевства, приобрѣла любовь и почтеніе народа своимъ пріятнымъ и обворожительнымъ обхожденіемъ. Она желаетъ, говорили многіе, воспользоваться хорошимъ къ ней расположеніемъ умовъ, дабы тѣмъ убѣдить своего супруга отказаться отъ короны и уступить ей всѣ права до совершеннолѣтія Едуарда. Но Генрихъ, не смотря на слабость своего здоровья, не исполнилъ ея желанія.

Между тѣмъ новая туча носилась надъ главою Маргариты. Графъ Салисбури и Графъ Варвикъ, сынъ его;

сдѣлавшись начальниками 40-тысячной арміи, приближились къ Лондону, который и отворилъ имъ ворота. Королева сама шла противъ нихъ до Нортамптона. Войска Королевскія были разбиты. Королева убѣжала съ молодымъ Принцомъ; а Король, не оставлявшій даже ни на минуту своей палатки, былъ захваченъ Графомъ Варвикомъ и приведенъ въ Лондонъ.

Герцогъ Іоркскій не показывался еще въ столицу; но, послѣ сего происшествія, Графъ Салисбури отправилъ къ нему курьера въ Ирландію, съ приглашеніемъ принять корону. Герцогъ прибылъ въ Лондонъ, гдѣ, послѣ долгихъ споровъ о правахъ своихъ на тронъ, объявленъ былъ, по торжественному акту, наслѣдникомъ Генриха.

Въ продолженіи сего времени Маргарита находилась въ Дюргамѣ съ осмью особами, которыя были больше ея рабы, нежели совѣтники. Она отправила молодаго Герцога Сомерсета во Францію для исходатайствованія ей помощи. Она получила

приказаніе возвратившъся въ Лондонъ. Честолюбіе и нѣжная ея любовь къ сыну заставили ее предпринять все то, на что не могла она отважиться въ щастливѣйшіе дни своей жизни. Она разпространила слухъ, будто намѣрена отправиться во Францію, и внезапно оставила Дюргамъ. Намѣреніе ея было удалиться въ помѣстья Лордовъ Рооца и Клиффорда въ Сѣверной Англіи. Путешествіе ея было продолжительное и трудное; она принуждена была ѣхать болѣе ночью, нежели днемъ, и терпѣть иногда недостатокъ въ необходимыхъ вещахъ.

Случай привелъ ее нѣкогда въ домъ одного Офицера, котораго сынъ Герцога Іоркскаго, Графъ де ла Маршъ, убилъ въ бою. Дѣти его дышали однимъ только къ нему мщеніемъ. Она, воспользовавшись ихъ усердіемъ, убѣдила собрать большую партію, обѣщая имъ не денегъ, потому что не имѣла ихъ, но отдать на разграбленіе всѣ земли Герцога Іоркскаго и всѣхъ помѣщиковъ его партіи. Сіе

обѣщаніе имѣло удивительный успѣхъ, и вскорѣ она увидѣла себя начальницею 25 тысячъ человѣкъ, съ которыми и остановилась лагеремъ при Вакфельдѣ. Герцогъ Іоркскій шелъ къ ней на встрѣчу съ 20 ю тысячами человѣкъ, будучи раздраженъ оскорбительными угрозами Королевы, которая, дабы привлечь его къ сраженію, укоряла его, какъ человѣка, жаждущаго короны, въ трусости предъ женщиною; онъ началъ первый сраженіе. Армія его была совершенно разбита, и онъ, оказавши чудеса храбрости, кончилъ жизнь свою на семъ сраженіи. Лордъ Клиффордъ, отрубивши ему голову, поднялъ ее на копье и представилъ Королевѣ, которая приказала положить ее предъ собою на цѣлый день, а послѣ велѣла ее воткнуть на стѣнѣ города Іорка. Графъ Салисбури, взятый въ плѣнъ и находясь при семъ печальномъ зрѣлищѣ, испыталъ подобную ему участь, и былъ убитъ по приказанію Королевы.

Графъ Варвикъ былъ оставленъ въ Лондонѣ. Узнавши все сіе, онъ пошелъ на встрѣчу Маргаритѣ и принудилъ слѣдовать за собою Генриха; но Королева обратила его въ бѣгство, и принудила оставить Короля, который такимъ образомъ получилъ свободу. Графъ де ла Маршъ, по совѣту Варвика, пошелъ прямо въ Лондонъ, и провозгласилъ себя Королемъ подъ именемъ Едуарда IV. Никакой сообщникъ дома Ланкастерскаго не смѣлъ подать голоса, и Королева, желавшая уже вступить торжественно въ свою столицу, увидѣла новыя препятствія. Едуардъ, не давши времени своимъ непріятелямъ укрѣпиться, пошелъ къ Іорку, гдѣ онъ узналъ, что Генрихъ и Маргарита находятся. Обѣ противныя арміи сошлися на равнинѣ Тутонской, и сразились съ чрезмѣрною яростію и остервененіемъ. Графъ Варвикъ одержалъ побѣду, и принудилъ Маргариту съ ея супругомъ убѣжать въ Шотландію, откуда она потомъ отправилась во Францію. Людовикъ XI

принялъ ее очень хорошо; но, будучи слишкомъ занятъ въ своемъ Государствѣ, онъ не могъ ей дать большой помощи, и позволилъ ей употреблять въ свою пользу тѣхъ, которые будутъ расположены къ ея выгодамъ. Господинъ де ла Варенъ, великій Президентъ Нормандіи, дворянинъ богатый и хитрый, былъ избранъ ею въ шпіоны. Она отправилась съ 500 человѣкъ, которыми онъ ее снабдилъ, прибыла въ Бервикъ, испросила позволеніе Короля Шотландскаго набрать нѣсколько войскъ въ его Государствѣ. Генрихъ, вышедшій наконецъ изъ своей безчувственности, набралъ армію, съ которою онъ остановился при Екзамѣ, въ ожиданіи вспомогательныхъ войскъ, которыя стекались со всѣхъ сторонъ. Но въ то время, когда онъ ограждалъ свой постъ окопами, Маркизъ де Монтегю, Военачальникъ Едуарда, атаковалъ его, часть его войскъ побилъ, а другую обратилъ въ бѣгство и принудилъ его самого удалиться въ Шотландію.

Нещастная Маргарита, ведя юнаго Едуарда, сына своего, за руку, достигла такимъ образомъ ближайшаго лѣса, гдѣ уже застигла ее ночь. Разсказываютъ, что на нее напали разбойники и отняли у нее всѣ ея драгоцѣнныя вещи. Она, воспользовавшись споромъ, возставшимъ между разбойниками о раздѣлѣ добычи, ушла въ густоту лѣса. Юный Принцъ не имѣлъ уже болѣе силъ итти, и она, положивъ столь драгоцѣнное для нее бремя на руки, продолжала такимъ образомъ дорогу. Другой разбойникъ, встрѣтясь съ нею, подходитъ съ обнаженною саблею; Маргарита, призвавъ тогда на помощь свою бодрость, и представляя Принца ему, сказала: другъ мой, спаси сына, твоего Короля. При имени Короля разбойникъ роняетъ свою саблю и предлагаетъ услуги Королевѣ. Онъ проводилъ ее съ юнымъ Принцемъ въ ближайшую деревню, въ которой онъ имѣлъ жену и свой домъ. Президентъ Нормандскій, Герцогъ Екчестеръ, и Едмондъ, братъ

Герцога Соммерсета, присоединились въ ней въ ея убѣжищѣ. Она отправилась съ сими преданными ей сообщниками и въ сопровожденіи начальника разбойниковъ, прибыла въ Карлиль, а оттуда въ Кембриджъ. Нѣкто Англичанинъ, по имени Коркъ, узналъ ее и измѣнилъ бы ей, еслибы храбрость Президента не извлекла ее изъ сей опасности. Тогда она отправилась въ Едимбургъ, гдѣ узнала, что мужъ ея, по неблагоразумію своему, вышедши изъ Шотландіи, попался въ руки своимъ непріятелямъ, и заключенъ былъ въ Лондонѣ въ башню. Въ сихъ столь трудныхъ обстоятельствахъ она рѣшилась отправиться въ другой разъ ко Двору Людовика XI и все употребить, для полученія помощи отъ него.

Неблагоразуміе Едуарда было полезнѣе ей, нежели всѣ ея усильныя старанія. Едуардъ поссорился съ Графомъ Варвикомъ, который, будучи раздраженъ безчестнымъ поношеніемъ, какое учинилъ ему сей Государь,

возсталъ противъ него и сдѣлался начальникомъ арміи. Едуардъ пошелъ противъ него, но былъ захваченъ въ своемъ лагерѣ и объявленъ плѣнникомъ. Варвикъ ввѣрилъ стражу надъ нимъ Архіепископу Іоркскому, своему брату. Сей Прелатъ, по нерадѣнію или по измѣнѣ, упустилъ своего плѣнника, который взошелъ въ Лондонъ при восклицаніяхъ преданныхъ ему друзей.

Первые успѣхи Графа Варвика возобновили было надежду въ сердцѣ Маргариты; но, видя себя снова обманутою, она удалилась во Францію; Графъ Варвикъ послѣдовалъ за нею. Она, встрѣтившись съ нимъ въ Діеппѣ, заключила съ нимъ тѣсную дружбу, обѣщаясь соединить сына своего съ Анною Невиль, дочерью Графа. Варвикъ, который до сего времени имѣлъ намѣреніе возвести на престолъ Герцога Кларанскаго, началъ стараться теперь въ пользу Генриха. Людовикъ XI снабдилъ его флотомъ съ 4000 человѣкъ, и Варвикъ съ нимъ пристalъ къ Портсмут-

ской гавани. Въ скоромъ времени сообщники его собрались со всѣхъ сторонъ, и онъ сдѣлался начальникомъ 60-тысячной арміи. Не теряя времени, Графъ Варвикъ заставилъ провозгласить Генриха VI Королемъ. Едуардъ, оставленный своими друзьями и солдатами, которые передались Королевѣ, заперся въ замкѣ де Линь, находящемся на берегу моря, а оттуда переправился въ Голландію.

Маргарита прямо отправилась въ Лондонъ, гдѣ первое ея попеченіе было, увѣдомить мужа своего о перемѣнѣ его щастія. Она присовѣтовала ему показаться верхомъ на лошади и желала, чтобы онъ проѣхалъ въ тріумфѣ чрезъ весь городъ. Будучи сама научена въ школѣ нещастій, она не издѣвалась надъ бѣдствіемъ Елисаветы, супруги Едуарда; она имѣла къ ней все уваженіе, должное Королевѣ, и доставляла въ ея убѣжищѣ все могущее сдѣлать жизнь приятною.

Умѣренность Маргариты сдѣлала ее достойною того щастія, которымъ

она наслаждалась. Но судьба, показавшаяся къ ней благосклонною, опять сдѣлалась противъ нее жестокою, и отдалила ее отъ той пристани, которой она было достигла. Едуардъ опять явился въ Англію. Онъ имѣлъ тамъ много друзей, и народъ, который онъ привлекъ къ себѣ ласковымъ и простымъ обхожденіемъ, былъ преданъ ему. И потому какъ скоро показался онъ: то набралъ многочисленную армію, и явился къ стѣнамъ Лондона, гдѣ принятъ былъ съ величайшею радостію. Не теряя времени, онъ пошелъ противъ Графа Варвика, и встрѣтясь съ нимъ при Барнѣ, далъ битву 14 Августа 1471 года, на которомъ Графъ Варвикъ, вмѣстѣ съ жизнію, потерялъ пораженіе.

Маргарита и ея сообщники, не пришли въ уныніе, — и новая армія уже готова была сражаться за Королеву. Какъ скоро Едуардъ узналъ о семъ, то повелъ войска свои противъ непріятеля, дабы не дать вре-

мени ему укрѣпиться. Войска Маргариты, подъ предводительствомъ Герцога Соммерсета, были совершенно разбиты. Онъ вмѣстѣ съ молодымъ Герцогомъ Гальскимъ былъ взятъ въ плѣнъ. Сей молодой Принцъ, бывшій тогда 18 лѣтъ, явился предъ побѣдителемъ съ благородною гордостію. Едуардъ спрашивалъ его, за чѣмъ пришелъ онъ въ его Государство? „Я пришелъ, такъ отвѣчалъ сей Принцъ съ твердостію, отнять имѣніе мнѣ принадлежащее, и которое у меня столь несправедливо похищено.“ Едуардъ, раздраженный сими словами, ударилъ его по лицу перчаткой, и оборотился къ нему спиною; находившіеся при немъ бросились тотчасъ на нещастнаго сына Маргариты и закололи его.

Маргарита, узнавъ о смерти столь нѣжно любимаго ею сына, предалась совершенному отчаянію. Она въ первомъ жару своей горести произнесла много ругательствъ на щетъ Едуарда, которыя едва ей не стоили жизни; однакожъ онъ удовольствовал-

ся тѣмъ, что заключилъ ее въ Лондонскую башню, гдѣ находилась она пять лѣтъ. Наконецъ, по прошенію Людовика XI, она получила свободу, которая очень дорого ей стоила, потому что, прежде нежели вышла изъ темницы, принуждена была отказаться отъ своей части, отъ своихъ драгоцѣнныхъ вещей и отъ всего того, что могла требовать отъ Англіи, въ качествѣ вдовствующей Королевы. Рене, ея отецъ, въ награду за исходатайствованіе ей свободы Людовикомъ XI, уступилъ ему всѣ свои права на Провансъ, Анжу, на Герцогство Лорренское и Барское, — и такимъ образомъ Маргарита въ одно время лишилась всего, что могла требовать отъ Англіи и Франціи. Она отправилась въ 9 къ своему отцу, гдѣ и находилась до смерти сего Короля въ совершенномъ отдаленіи отъ дѣлъ. Потомъ возвратилась она въ замокъ Дампіеръ въ Анжу, гдѣ и заключила тѣсную связь съ Графомъ Ричмондомъ, послѣднимъ изъ Лан-

кастрскаго Дому. Мѣстопребываніе ея было средоточіемъ всѣхъ заговоровъ противъ Едуарда, въ пользу сего Графа; но смерть лишила ее удовольствія видѣть на тронѣ сего Принца. Кровь ея, изнуренная волненіями, сдѣлалась подобна яду, отравляющему всѣ части тѣла, вмѣсто того, чтобы питать оныя. Кожа ея превратилась почти въ прахъ, и ея глаза, впалые и какъ бы нѣкою силою вдавленные, потеряли всю живость, которая столь долгое время показывала величіе ея духа. Наконецъ она умерла 1482 года, 25 Августа, въ замкѣ Дампіеррѣ. —

МАРГАРИТА ВАЛУА, КОРОЛЕВА НАВАРРСКАЯ.

Если красота, прелести, умъ и добродѣтели могутъ прославить женщину, которую судьба поставила въ обыкновенномъ состояніи: то какую силу получаютъ преимущества сіи, когда онѣ бываютъ соединены съ преимуществами знаменитаго происхожденія! Половина дороги, ведущей ихъ къ безсмертію, совершена, и очарованіе сіе, производимое богатствомъ и знатностію, не есть болѣе идеалъ, исчезающій при малѣйшемъ злополучіи.

Маргарита Валуа родилась въ Ангулемѣ 1492 года, 11 го Апрѣля. Она была дочь Карла, Графа Ангулемскаго, и Луизы Савойской. Природа осыпала ее драгоцѣннѣйшими дарами своими. Принцесса сія, бывшая украшеніемъ Двора брата своего, Франциска I, по справедливости заслужила первое мѣсто между знаменитыми женами.

Въ 1509 году вышла она за Карла, послѣдняго Графа Алансонскаго,

съ коимъ провела счастливые дни до 1525 года, когда Принцъ сей умеръ. Въ продолженіи сего союза, по чрезмѣрной привязанности къ брату своему, который сдѣлался плѣнникомъ Карла V го, она отправилась въ Испанію, чтобы облегчить его участь въ неволѣ и ходить за нимъ, со всею нѣжностію сестры, въ болѣзни его. Прежде своего отъѣзда она выразила свое безпокойство и желаніе узнать объ его выздоровленіи въ слѣдующихъ словахъ: „Еслибъ кто пришелъ извѣстить меня о выздоровленіи Короля, брата моего, хотя бы онъ усталъ и утомился отъ дороги, хотябъ былъ въ грязи и нечистотѣ: то и такого я обнимy и облобыжу, какъ Принца и дворянина Французскаго; когдабъ ему не случилось найти постели: тогда я дала бы свою постелю — и для радостныхъ вѣстей, лучше легла бы на жеской и дурной постели.

Изо всѣхъ ощущеній для сердца чувствительнаго, всего сладостнѣе признательность — и всего пріятнѣе

отвѣчать на нее. ФранцискЪ I искалЪ всѣхЪ случаевЪ доказать Маргаритѣ за ея привязанность кЪ нему свою признательность. Сперва почтилЪ онЪ ее величайшею довѣренностію, прося ее помогать матери его въ управленіи Государствомъ, въ дѣлахъ и въ воспитаніи Дофина; сію довѣренность она не употребила во зло; съ нею заслужила обожаніе Вельможъ и народа. Наконецъ въ 1527 году признательный братъ сей выдалъ ее за Короля Наваррскаго, Генриха Альберта II сего имени, и далъ за ней въ приданое Герцогства Алансонское, Беррійское и Графство Арманьякъ. Онъ даже обѣщалъ ей требовать у Императора возстановленія для Генриха Королевства Наваррскаго и въ случаѣ отказа, подкрѣпить свое требованіе силою.

Маргарита съ новымъ супругомъ своимъ занималась единственно благоденствіемъ владѣній своихъ. Вскорѣ Беарнъ, коего плодоносныя нивы оставались долгое время необработанными,

покрылся изобильными жатвами; по гласу Альберта и Маргариты отвсюду землепашцы туда стекались, благословляя добрыхъ Государей, возстановившихъ земледѣліе для благосостоянія ихъ.

Многіе обвиняютъ Маргариту въ томъ, что она покровительствовала Реформаціи и даже имѣла тайныя сношенія съ Кальвинистами. Правда, что она ходатайствовала за нихъ у Короля, обезоруживая часто гнѣвъ, которой старались ему внушить противъ нихъ. Но слѣдуетъ ли изъ сего заключать, по терпимости сей кроткой и чувствительной Государыни, что вѣра ея была подвержена сомнѣнію? Скажутъ, что Сорбона осудила ее за одну изъ книгъ ея, подъ заглавіемъ: *Зерцало кающейся души*. Неуже ли по нѣкоторымъ сатирическимъ мыслямъ о Римской церкви, заключающимся въ сей книгѣ, можно почесть Маргариту раскольницею?

Какія бы ни были обнародованы мнѣнія Маргариты; однако извѣстно,

что умерла она въ нѣдрахъ Церкви, основанныя ею въ Парижѣ госпиталя, между прочими госпиталь *Красныхъ дѣтей* (enfans-rouges), доказываютъ ея вѣру и набожность.

Она скончалась въ Одоскомъ замкѣ, что въ Бижоррѣ, 21 го Декабря 1549 го, на пятьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія своего.

Государыня сія оставила послѣ себя многія произведенія, изъ коихъ извѣстнѣйшее есть: *Сто новыхъ новостей* — и писано пріятно и легко; оному сочиненію неподражаемый Лафонтенъ и другіе знаменитые Писатели не стыдились подражать. Она писала также стихи, помѣщенные въ собраніи оныхъ, подъ названіемъ Les marguerites de la marguerite des Princesses, т. е. Маргаритки Маргариты Государыни. Она сочинила шесть піесъ театральныхъ и le Triomphe de l'agneau.

Однако не должно смѣшивать сію Принцессу съ другою Маргаритою Валуа, также Королевою Наваррскою, до-

(*) См.

черью Генриха II и Катерины Медицисъ, рожденной въ Фонтенебло 14 го Мая, 1552 года, которая писала свои записки.

По единогласному свидѣтельству всѣхъ современныхъ Французскихъ писателей (*), Маргарита была въ то время, когда ее назначили въ супруги Принцу Наваррскому, прекраснѣйшею и занимательнѣйшею дѣвицею во всей Франціи. Слава объ высокихъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ достоинствахъ ея, привлекала въ Парижъ чужестранцевъ изо всѣхъ странъ Европы — и всѣ признавались, что ничего лучше ее не видали. Ростомъ была она высока, волосы у ней прекрасные черные, кроткій и томный взоръ, величественная осанка. Съ перваго взгляда замѣтна въ ней прелесть, всякаго плѣняющая; она умѣла со вкусомъ и пріятностію возвысить убранствомъ свои прелести. Превосходныя способности ея души образованы были съ великимъ

(*) См. Bartolomäus-Nacht, von Curths 1816.

попеченіемъ. Она знала много языковъ и наукъ, въ коихъ несвѣдущи были тогда знаменитые мужчины при Дворѣ: когда она давала аудіенцію Польскимъ Посланникамъ, прибывшимъ въ Парижъ для предложенія Герцогу Анжуйскому Польской короны: тогда Архіепископъ Краковскій говорилъ ей Латинскую рѣчь, на которую отвѣчала Маргарита на томъ же языкѣ съ великою легкостію и изяществомъ, къ немалому удивленію Поляковъ, которымъ чрезвычайнымъ показалось то, что прелестная и юная Принцесса имѣла столько свѣдѣній, между тѣмъ какъ мущины, ея соотечественники, столь были невѣжественны.

ІОАННА ФРАНЦУЗСКАЯ.

Іоанна Французская родилась въ 1464 году. Она была дочь Людовика XI, Короля Французскаго, и Шарлотты Савойской. Природа, кажется, поступила съ нею какъ мачиха. Она была мала, уродлива и горбата; впрочемъ сіи недостатки замѣнены были основательнымъ умомъ и добродѣтельнымъ сердцемъ. Не однимъ однакожъ естественнымъ напастямъ подвержена она была; мужъ ея, который всегда взиралъ на нее съ отвращеніемъ, развелся съ нею и принудилъ ее уступить право свое Іоаннѣ Бретанской.

Отецъ ея, не имѣвшій къ ней почти никакой любви, не радѣлъ о ея воспитаніи; однакожъ онъ назначилъ ее въ супруги Герцогу Орлеанскому, Принцу крови, который царствовалъ потомъ подъ именемъ Людовика XII. Іоанна въ то время имѣла едва двенадцать лѣтъ, а Герцогъ Орлеанскій четырнадцать, когда Король имъ объ-

явилъ свое намѣреніе. Молодой Герцогъ очень бы желалъ отказаться отъ сего; но Людовикъ не терпѣлъ противорѣчія, и потому свадьба была совершена въ 1476 году.

До тѣхъ поръ, пока Людовикъ XI живъ былъ, Герцогъ оказывалъ наружно своей супругѣ всѣ знаки уваженія, которыя она заслуживала по своимъ добродѣтелямъ. Но какъ скоро Карлъ VIII, преемникъ Людовика XI, взошелъ на престолъ: то своимъ обращеніемъ далъ ей почувствовать, что онъ помышляетъ только о средствахъ, какъ бы разлучиться съ нею. Добродѣтельная сія Государыня сносила его обиды съ мужественнымъ терпѣніемъ, и даже, когда онъ при Сен-Обинѣ взятъ былъ въ плѣнъ, она изходатайствовала у своего брата ему свободу.

Такое великодушіе, оказанное презираемою имъ супругою, по видимому, сдѣлало большое впечатлѣніе въ сердцѣ Герцога Орлеанскаго; если бы онъ не имѣлъ къ ней непреодолимаго от-

вращенія, и не былъ страстно влюбленъ въ Іоанну Бретанскую. И какъ скоро Карлъ VIII окончилъ поприще своей жизни: то первѣйшее его дѣло было, при возшествіи на престолъ — просить у Папы разрѣшенія о разводѣ съ своею женою. Онъ его вскорѣ и получилъ — и Іоанна, не смотря на всѣ ея доказательства, была отвергнута своимъ супругомъ. Однакожъ приговоръ свой приняла она съ спокойнымъ духомъ и покорностію, которая даже тронула весь Дворъ — и сказала: если польза Государства сего требуетъ, то я очень довольна, что Король получилъ желаемое; только бы его совѣсть не упрекала въ томъ.

Людовикъ XII женился на Іоаннѣ Бретанской; Іоанна, видя себя низринутою съ того мѣста, которое принадлежало ей по праву рожденія и назначенія ея родителя, покорилась опредѣленію Промысла, возбраняющаго ей занимать такое званіе.

Она возвратилась въ Буржъ. Король, въ утѣшеніе ея, далъ ей Герцог-

ство Берри, Шатильіонъ, Шатонёфъ на Лоарѣ и Понтезъ. Получаемый съ сихъ провинцій доходъ употребляла она на облегченіе участи бѣдныхъ и на другія благодѣянія, посредствомъ которыхъ приобрѣла она себѣ друзей, болѣе надежныхъ, нежели тѣ, которые оставили ее, какъ скоро она перестала быть Королевою. Удалена будучи отъ Двора, она совершенно посвятила себя Богу. Въ 1501 году учредила она въ Буржѣ монашескій Орденъ, а чрезъ три года послѣ того въ Троицынъ день сама вступила въ оный. — Но Богъ, желая вознаградить за ея благочестіе и добродѣтели, не долго продлилъ ея жизнь и принялъ ее въ нѣдра свои, спустя годъ послѣ ея постриженія.

Принцесса сія, жившая только 42 года, была украшена всѣми душевными совершенствами. Въ 1744 году 18 Іюня, Папа Венедиктъ XIV своею грамотою причислилъ ее къ лику праведныхъ. —

КАТЕРИНА МЕДИЦИСЪ.

Катерина Медицисъ родилась во Флоренціи 1519 года Апрѣля 15го дня. — Она была дочь Лаврентія Медицисъ и Магдалины де ла Туръ, Буллонской Графини. Вотъ какъ Варилласъ описываетъ сію Государыню: „У ней былъ станъ удивительный, и величественное лицо ея не отнимало у ней пріятности. Она превосходила всѣхъ своихъ современницъ бѣлизною лица и живостію глазъ, и хотя часто перемѣняла платье, но только всѣ уборы такъ были ей къ лицу, что не льзя примѣтить, который изъ оныхъ присталь къ ней лучше. Время отъ времени выдумывала она моды, какъ щегольскія, такъ и прекрасныя, и никогда не видано такъ много прекрасныхъ дамъ, какъ при ней, въ ея свитѣ. Казалось, что самая природа, съ избыткомъ надѣлила ее всѣми достоинствами и всѣми пороками ея предковъ. Она, также какъ и Козьма, имѣла страсть къ богатству, но сбе-

регала оное не лучше какъ и Петръ I, сынъ Козьмы, ея прапрадѣда. Она, какъ Лаврентій, ея прадѣдъ, любила пышность, которой до нее не было, и не менѣе его была тонка въ политикѣ, — однако не имѣла его проницательности, ни снисходительности къ великимъ умамъ. Ея честолюбіе не уступало честолюбію Петра II, ея дѣда, и для полученія короны она не полагала никакого различія между средствами законными и непозволительными. Увеселенія были для нее приятны; но, по примѣру Лаврентія, ея отца, она только любила ихъ, смотря по издержкамъ, нужнымъ для оныхъ."

Какъ только наступилъ ей 14й годъ, то Папа Климентъ VII, ея двоюродный дѣдъ, выдалъ ее за Генриха, Герцога Орлеанскаго, сына Франциска Iго. Бракъ сей празднованъ былъ въ Марсели 28го Октября 1533. Въ скоромъ времени она, по своей красотѣ, была единственнымъ украшеніемъ Двора и умѣла снискать себѣ дружбу

Франциска I, приноровлялась къ его склонностямъ и характеру.

До того времени, какъ сей Государь былъ на тронѣ, она умѣла скрывать честолюбіе, ее пожиравшее, и даже тогда, какъ была она коронована, принуждала себя до того, что никогда не жаловалась ни на благосклонность своего супруга къ Герцогинѣ Валентинской, ни на достоинство, въ какое облеченъ былъ Коннетабль Монтморанси. Но, по кончинѣ Генриха II, она сняла съ себя сію личину, и оказала себя таковою, какова она была.

Однако она находила еще затрудненія. Гизы, Монтморанси и Принцы крови полагали непреодолимыя преграды ея честолюбію, и какъ не возможно ей было сразить однимъ ударомъ сіи три партіи; то она пристала къ сильнѣйшей партіи Гизовъ, рѣшась оную оставить, и сразить тогда уже, какъ можно ей будетъ обойтиться безъ оной.

Чтобы удобнѣе присвоить себѣ власть, Катерина учредила свой Дворъ въ Сен-Жерменѣ, и отправила туда своего сына. Но не смотря на сію предосторожность, царствованіе Франциска II го было, лучше сказать, царствованіе Гизовъ, а не Катерины. Сей Монархъ сочетался бракомъ съ Маріею Стуартъ, племянницею Гизовъ, и до того ее обожалъ, что ни въ чемъ не отказывалъ Гизамъ, чтобы могло доказать и увеличить его къ нимъ довѣріе. Тщетно Катерина препятствовала тому; и если бы смерть не похитила Франциска II во цвѣтѣ его лѣтъ: то вѣрно бы она, къ большей печали, увидѣла себя лишенною и послѣдней власти, которую предоставили ей Гизы. —

Принцъ Конде былъ въ оковахъ, смертный приговоръ надъ нимъ произнесенъ и Гизы исполненіе онаго умедляли только для того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ погубить и Короля Наваррскаго, его брата, также заключеннаго въ темницѣ. Одна только

Катерина могла воспользоваться сими произшествіями. Она имѣла столько искусства, что заставила всѣхъ сомнѣваться, была ли она довольна или огорчена арестомъ и осужденіемъ Принца. Болѣзнь и смерть Франциска II открыли обширные ея замыслы.

Кардиналъ Лотарингскій, намѣреваясь привесть ее въ изумленіе, открылъ ей, что она подвергнется опасности, если не заставитъ исполнить приговора противъ Принца Конде и начать дѣло Короля Наваррскаго. Но Канцлеръ де л' Опиталь легко показалъ ей сѣти, какія для нее были разставлены, чтобъ сдѣлать ее ненавистною народу, который не могъ спокойно видѣть смерть двухъ Принцевъ крови, коихъ онъ уважалъ; хотя и были они виновны. Онъ совѣтовалъ ей воспользоваться симъ случаемъ и принудить сихъ двухъ Принцевъ уступить ей правленіе съ тѣмъ условіемъ, что Принцъ Конде будетъ выпущенъ изъ темницы, а Король Наваррскій удовольствуется, получивши достоин-

ство Генералъ-Лейтенанта Государства. Принцы обѣщали все. Правленіе было присуждено Катеринѣ, и это подтвердило Государственное собраніе въ Орлеанѣ.

Принцъ Конде снова появился при Дворѣ, спустя годъ и нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Короля; Королева приняла его съ живѣйшимъ изъявленіемъ дружбы, и велѣвши все прошедшее предать забвенію, примирила его съ Гизами. Но Принцъ, который не могъ забыть своего заключенія и который искалъ только случая отмстить за себя, ободрялъ Короля Наваррскаго, негодовавшаго на то, что ему предоставлено было только пустое ничтожество, что Гизы присвоили себѣ право носить ключи Королевскаго Дома, между тѣмъ какъ сіе право принадлежало ему по мѣсту Генералъ-Лейтенанта — наконецъ угрожалъ, оставя Дворъ, лишить Катерину правленія съ помощію провинціальныхъ областей. —

Устрашенная Катерина всячески старалась успокоить Принцевъ, которые ничего не хотѣли слушать. Она собрала свой совѣтъ, который опредѣлилъ, чтобы, по малолѣтству Короля, она давала отъ себя повелѣніе, чтобы Коннетабль никогда не оставлялъ ея особы. Не смотря на всѣ сіи предосторожности, она узнала, что Депутаты провинціальные переговаривали о преобразованіи Государства и о провозглашеніи новаго Правителя. Она тотчасъ, посредствомъ Коннетабля, примирилась съ Королемъ Наваррскимъ и обѣщалась ничего не дѣлать безъ его согласія. Но съ сего времени она, примиря Коннетабля съ Гизами, старалась ихъ поссорить — въ чемъ и успѣла. Поступокъ Королевы поселилъ въ Коннетаблѣ подозрѣніе: нѣтъ ли тайной связи у нее съ Королемъ Наваррскимъ, чтобы благопріятствовать Гугенотамъ? Онъ почиталъ себя погибшимъ и старался примириться съ Принцами и ихъ племянниками Шатильонами; но гордость его мно-

го бы пострадала, когда бы онъ сдѣлалъ сей поступокъ; наконецъ почелъ онъ приличнѣе соединиться тѣснѣе съ Герцогомъ Гизомъ и Маршаломъ Сенп-Андре. Сіе тріумвираштво поклялось, въ день Святыя Пасхи, защищать свою религію и свое счастіе.

Сія новость привела въ трепетъ Королеву, но еще не совсѣмъ лишила ее бодрости. Она, чтобъ изтребить злобу враговъ своихъ, удалилась въ Реймсъ и короновала тамъ юнаго Принца.

Между тѣмъ появлялись въ Государствѣ великіе раздоры у Гугенотовъ съ Католиками. Королева, твердо рѣшившись во всю жизнь свою быть скрытною, не приставала открыто ни къ какой сторонѣ; но, узнавши о планѣ, увезти Короля, а ее заключить въ темницу — умолила Принца Конде принять ее съ дѣтьми въ свое покровительство, и удалившись въ Мелюнской замокъ, заперлась въ оном. Но Король Наваррскій преслѣдовалъ ее,

и она удалилась оттуда въ Фонтенебло; однако, не много спустя времени, опять привезла Короля въ Парижъ.

Увидя, что партія Гугенотовъ была слабѣе, Катерина приступила къ Тріумвиратству; но всячески старалась причинить имъ безпокойства, предоставя Принцу Конде занять нѣсколько крѣпостей въ Государствѣ. Принцъ пошелъ гораздо далѣе, не такъ какъ ей хотѣлось, и завладѣлъ Орлеаномъ. Сія новость огорчила Катерину: страхъ, чтобъ одна изъ двухъ партій, сдѣлавшись побѣдительницею, не присвоила себѣ власти, заставилъ ее искать средства къ сохраненію мира. Многіе были совѣты по сему предмету; однако они не имѣли никакого успѣха; начались непріятельскія дѣйствія съ той и съ другой стороны.

Сначала для Католиковъ оныя были выгодны. Королева сыскала себѣ одно убѣжище въ Нормандіи, а другое у Герцога Савойскаго, и дабы въ случаѣ нужды заставить сего Принца оказать ей услугу, она возвратила

ему всѣ мѣста обратно, полученныя по трактату Като-Камбрейскому, подъ предлогомъ, что не льзя ихъ сберечь, и что Гугеноты завладѣли бы оными.

Между тѣмъ послѣдніе завладѣли Руаномъ и Орлеаномъ. Но какъ Руанъ могъ получить отъ Англичанъ помощь: то и рѣшились осаждать сей городъ. Герцогъ Гизъ, для ободренія солдатъ, перевелъ Дворъ въ сію столицу. Король Наваррскій былъ тамъ смертельно раненъ. Король и Королева имѣли вѣздъ въ сей городъ въ проломъ. Чрезъ нѣсколько времени Калвинисты потеряли Дрёвское сраженіе. Никогда не было дня столь чуднаго. Принцъ Конде попался въ руки Королевы, Коннетабль де Монтморанси въ руки Калвинистовъ, а Маршалъ Сенъ-Андре убитъ на полѣ сраженія.

Тріумвиратство существовало только въ лицѣ Герцога Гиза. Королева думала, что уже болѣе нечего бояться; однако въ томъ обманулась.

ибо всѣ доблести Тріумвировъ соединялись въ одномъ Герцогѣ. Онъ началъ войну съ Кальвинистами съ такою твердостію, что окончилъ бы сію брань только въ одну кампанію, если-бы одинъ дворянинъ Протестантъ, по имени Полтранъ, не убилъ его предъ Орлеаномъ.

Катерина, опасаясь, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія, будто бы водила она рукою убійцы, отправилась на поле Орлеанское и допрашивала Полтрана въ комнатѣ Герцога Гиза, въ присутствіи его фамиліи и Вельможей Государства. Она изъявляла великую печаль во все время допроса. Но здѣсь были тѣ, кои ея не знали, и коихъ могли обмануть ея слезы. —

Въ самомъ дѣлѣ смертію Герцога Гиза исполнилось сильное ея желаніе управлять Государствомъ. Миръ показался ей самымъ лучшимъ средствомъ утвердиться во власти; она предложила его Принцу Конде, хотя онъ былъ ея плѣнникъ и хотя городъ Орлеанъ не

могъ болѣе себя защищать. Принцъ, не колеблясь, принялъ сдѣланныя ему предложенія. Онъ получилъ при Дворѣ достоинство, приличное его сану; употреблены были всѣ средства къ отвлеченію его отъ партіи Кальвинистовъ. И какъ Королева не увѣрена еще была въ его чувствахъ: то и отлагала всякой день дать ему въ Государствѣ мѣсто Генералъ-Лейтенанта, будто бы для того, чтобы народъ забылъ его поступокъ, какъ поднялъ онъ оружіе противъ верховной власти.

Не смотря на благоразуміе Катерины, должно было опасаться, чтобъ война снова не возгорѣлась: ибо домъ Гизовъ обвинялъ Адмирала де Шатильіона въ сообщничествѣ съ Полтрашомъ и явно требовалъ удовлетворенія. Сколь опасно было согласиться на оное, столь же опасно и отказать въ ономъ. Королева, чтобы прекратить вражду между двумя партіями, предоставила сіе дѣло совѣту, сыскавъ средство, соединить Католиковъ съ Протестан-

тами, заставя ихъ возвратить потерянный Гаврь де Грасъ, который Протестанты предали Англичанамъ. Во время сей осады, она приближилась даже до Фекампо — и тутъ заключила самый выгодный миръ съ Королевою Елисаветой, по коему сія обязывалась возвратить ей всѣ мѣста, занятыя Англичанами во время междоусобной войны. Сей миръ доставилъ ей столько чести, что самая большая часть преданныхъ Тріумвирамъ пристали къ ея сторонѣ. Канцлеръ де л'Опиталь, который во время Тріумвирашства, удалился отъ Двора, былъ опять ею призванъ. Онъ ознаменовалъ свое возвращеніе важнымъ совѣтомъ, предлагая Королевѣ — заставить признать Короля совершеннолѣтнимъ, хотя ему только еще былъ 14 й годъ. Но какъ боялись, чтобы Парижской Парламентъ сему не возпротивился: то и сдѣлали о томъ предложеніе Руанскому Парламенту, котораго сія

честь столько польстила, что онъ согласился на всѣ предложенія ихъ.

Прекративши многія распри, которыя появлялись по случаю обнародованія Тридентинскаго Собора, Катерина вознамѣрилась обозрѣвать свое Королевство. Она начала свое путешествіе съ города Санси, потомъ поѣхала въ Троа и въ Байонну, гдѣ имѣла свиданіе съ Испанскою Королевою, своею дочерью. Тайные переговоры, которые тутъ происходили въ ночное время съ Герцогомъ д'Албе, заставили Гугеноповъ подозрѣвать обѣихъ Королевъ, что онѣ заключили союзъ къ уничтоженію новой религіи. Они принялись за оружіе. Катерина хотѣла ихъ разувѣрить, и даже согласилась дать имъ нѣкоторыя преимущества. Но Гугеноты, будучи убѣждены, что симъ только хотѣла она разставить для нихъ сѣти, рѣшились увезти Короля, когда онъ будетъ въ г. Мо. Ето происходило тайно — и Королева ничего не могла узнать объ ономъ. Но случай, которой часто значитъ

болѣе, нежели самое благоразуміе, споспѣшествовалъ ей и въ сіе время. —

Принцъ же Конде, раздосадованный отсрочиваніемъ подъ разными видами, дать ему мѣсто Государственнаго Генералъ-Лейтенанта, требовалъ исполненія, ему обѣщаннаго. Королева показывала, что требованіе его находитъ справедливымъ; но между тѣмъ вооружила 6000 Швейцарцевъ и препоручила Герцогу Анжуйскому, коему было 16 лѣтъ, и которой только хотѣлъ себя показать, чтобы оспорить у Принца Конде достоинство Генералъ-Лейтенанта. Герцогъ Анжуйскій съ такою кичливостію говорилъ Принцу Конде, что сей съ гнѣвомъ удалился отъ Двора, принялся за оружіе и объявилъ, что Герцогъ д' Албе вооружился только для того, чтобы исполнить намѣренія Королевы касательно Калвинистовъ. —

Дѣло дошло до сраженія; съ обѣихъ сторонъ произошла битва на равнинѣ Сен-Дени; каждая сторона приписывала себѣ побѣду; но сей день былъ

счастливъ только для Королевы, которая освободилась отъ Коннетабля Монтморанси — послѣдняго Тріумвира.

Монтморанси умеръ. Катерина требовала — и получила для Герцога Анжуйскаго достоинство Генералъ-Лейтенанта въ Государствѣ. Къ молодому Принцу, для совѣтовъ, были опредѣлены два опытнѣйшіе Генерала, Коссе и Биронъ. Но когда онъ долженъ былъ находиться въ сраженіи: тогда Королева страшилась, чтобы онъ не лишился жизни; она желала заключить миръ въ Шалонѣ. Кальвинисты, возгордясь симъ, дѣлали чрезмѣрныя требованія и осадили Шартръ. Между тѣмъ заключенъ былъ миръ въ Лонжумо, которой, къ нещастію, продолжался только три мѣсяца. Кальвинисты и Католики истребляли другъ друга.

1569 года, Марта 13го, Герцогъ Анжуйскій выигралъ сраженіе Жарнакское, Принцъ Конде былъ въ ономъ убитъ; всѣ думали, что смерть пришла сразить всю партію Кальвинистовъ; но

явился Колиньи, одержалъ важную побѣду при Роше-Абеилѣ, и прошелъ всю Францію, какъ побѣдитель. Королева, устрашенная такими успѣхами новаго своего непріятеля, отправилась къ Герцогу Анжуйскому, въ намѣреніи воспрепятствовать соединенію Нѣмцовъ съ Адмираломъ: но она въ томъ не успѣла и, къ горести своей, узнала, что Католики разбиты въ другой разъ. — Будучи не въ силахъ побѣдить Колиньи, она старалась его ослабить, сдѣлавши диверсію въ Беарнѣ. Адмиралъ же приготовился къ осадѣ Пуатье. — Королева всячески старалась освободиться отъ столь страшнаго непріятеля — единой надежды Кальвинистовъ. Она преклонила на свою сторону его камердинера, по имени Бланка, обѣщала его осчастливить; если онъ согласится помочь ей въ ея намѣреніяхъ — отравить своего Господина. Но, къ счастію Адмирала, предатель, готовый уже содѣлать сіе преступленіе, былъ узнанъ и повѣшенъ.

Тогда Колиньи снялъ осаду съ Пуатье, и далъ сраженіе Герцогу Анжуйскому въ Монконтурѣ, Октября 3го 1569 года. Молодой Принцъ одержалъ побѣду; но не умѣлъ ею воспользоваться, и вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать непріятеля, онъ завладѣлъ Сен-Жан-д'Анжели.

Не смотря на ето, Катерина, видя, что Кальвинисты находили всегда себѣ помощь въ Германіи и что Король, соревнуя славѣ своего брата, рѣшился самъ начальствовать надъ арміею, предложила миръ на условіяхъ, выгодныхъ для Кальвинистовъ и славныхъ для ея сына.

Сей давно желанный миръ лишь только былъ заключенъ, какъ Катерина всячески старалась его нарушить. Связи ея съ молодымъ Герцогомъ Гизъ должны были Адмиралу открыть ея намѣренія; но могъ ли сей великій человѣкъ, будучи самъ неспособенъ къ вѣроломству, подозрѣвать въ ономъ другихъ? И обманываясь довѣріемъ и дружбою, которую

извѣщали ему въ продолженіи 18 мѣсяцовъ, онъ не хотѣлъ слѣдовать совѣтамъ Кальвинистовъ, которые его заклинали сохранять себя и ихъ.

Между тѣмъ, какъ сія грозная туча висѣла надъ его главою, Королева сочетала бракомъ сестру Короля съ сыномъ Королевы Наваррской, который извѣстенъ былъ послѣ подъ именемъ Генриха IV. Колиньи почиталъ сей бракъ неразрывными узами мира, и потому явился при Дворѣ, куда до того времени имѣлъ предосторожность не показываться. — Но среди увеселеній и празднествъ, кои давались по сему случаю, Адмиралъ былъ убитъ — и смерть его была предзнаменованіемъ страшной ночи Св. Варѳоломея, 25го Августа, 1572 года. — Намѣреніе Катерины было, искоренить партію Гизовъ, Колиньи и Монтморанси. Но Герцогъ Гизъ, котораго она сдѣлала главою убійцъ, не подвергался никакой опасности. Огорчившись такимъ препятствіемъ, она обратила на него весь ужасъ адскаго

своего намѣренія. — Одно повѣствованіе о свирѣпости, какую она употребила въ сихъ обстоятельствахъ, приводитъ всякаго въ трепетъ. Она приказала къ себѣ принесть голову Адмирала, и разсматривала ее съ варварскимъ удовольствіемъ. — Нѣсколько дней спустя, она привела своего сына на Гревскую площадь, чтобъ онъ тамъ видѣлъ казнь Брикемана, 70-лѣтняго старика, и Каваньи, Рекетмейстера, обвиненныхъ въ заговорѣ съ Адмираломъ въ мнимомъ злоумышленіи противъ Двора. Протестанты, которымъ посчастливилось избѣгнуть убійства, удалились въ ла-Рошель, гдѣ ихъ осадили; но какъ избраніе Герцога Анжуйскаго на тронъ Польской навело другіе хлопоты: то Дворъ и освободился отъ осады, сколь сомнительной, столь и трудной.

Катерина провожала Герцога Анжуйскаго даже до Лотарингіи. Монтморанси, пользуясь ея отсутствіемъ и приобрѣлъ себѣ любовь

Герцога Алансонскаго, Королевскаго брата; и какъ только Катерина появилась при Дворѣ: то молодый Принцъ и началъ съ гордостію требовать достоинства Генералъ-Лейтенанта въ Государствѣ. Но она умѣла своею хитростію предупредить послѣдствія сего домогательства и совсѣмъ оное уничтожить. —

Карлъ IX умеръ 30го Мая, 1574 года. Во время междуцарствія и даже до возвращенія Генриха III, Короля Польскаго, Королева получила совершенно верховную власть — Герцогъ де Гизъ пользовался при ней большою довѣренностію. Кальвинисты желали провозгласить Правителемъ Дюка д'Алансона и объявили противъ Катерины ругательныя письма. Нещастный Монгоммери, который былъ невинною причиною смерти Генриха II, содѣлался жертвою ея гнѣва. Онъ предался на сторону Кальвинистовъ и, защищая Сен-Ло, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ, не смотря на то, что Матиньйонъ, начальникъ Королев-

ской армiи, обѣщался спасти жизнь его. —

Между тѣмъ Генрихъ III прибылъ въ Лiонъ въ Сентябрѣ, 1574 года. Королева, въ сопровожденiи Короля Наваррскаго и Герцога Алансонскаго, ѣхала впереди его до самаго города. Она старалась оправить Герцога Гиза въ Туринъ, чтобы упредить Монтморансовъ. Но Генрихъ III былъ не тотъ уже Герой, который цвѣтущiя свои лѣта прославилъ толикими побѣдами: всѣ доблести его души ослабились малодушною набожностiю. Королева достигла цѣли своихъ желанiй, видя его въ такомъ состоянiи, которое подавало ей надежду удержать за собою верховную власть — и дѣйствительно она была въ ея рукахъ: она возпользовалась ею, по старой привычкѣ, перессоривъ между собою всѣхъ тѣхъ, коихъ соединенiе могло бы остановить, хотя нѣсколько, власть ея.

Между тѣмъ начался новый бунтъ подъ именемъ Лиги. Катерина пiверт-

да была въ своихъ поступкахъ, и хотя пристала она къ одной сторонѣ, но въ то же время старалась Протестантовъ заставить думать, что она ее охуждала, говоря въ пользу Католической религіи и Калвинской. Наконецъ во всемъ Государствѣ былъ обнародованъ манифестъ о мирѣ. Война, къ щастію, не началась.

Принцъ Конде, видя, что распри происходили между его соотечественниками, согласился на примиреніе. Королева ничего не упустила для утвержденія сего мира, и потому она отправилась въ Гюйенну, чтобъ опять привезши ко Двору Короля Наваррскаго. Но сей Государь, не смотря на всѣ козни и обманы, коими хотѣли прельстить его, не отступилъ ни въ чемъ отъ своихъ требованій и получилъ для безопасности Протестантовъ новыя мѣста.

Между тѣмъ Генрихъ III становился день отъ дня ненавистнѣе и презрительнѣе во глазахъ народа, за свою разточительность и дурное по-

веденіе. Въ семъ случаѣ мать его возпользовалась безпорядкомъ Государства. Она посѣяла нееогласіе между Вельможами, и недовольствуясь произведеннымъ возмущеніемъ въ Королевствѣ, еще изъявляла всѣмъ иностранцамъ свое намѣреніе. Она желала имѣть Королевства Алжиръ, Сардинію и принуждала жителей Голландіи признать Герцога Анжуйскаго ихъ Государемъ. Но, по неимѣнію войскъ на помощь ихъ усиліямъ, покушеніе ея было безполезно. Наконецъ возмущеніе въ Португаліи возобновило въ душѣ ея надежду; она объявила права свои на сію корону. Филиппъ II, Король Испанскій, оспоривалъ у нее — сила дала ему на то право. —

Безпокойство и досада, причиненныя отъ неполученія Антверпена, привели Герцога Анжуйскаго ко гробу. — По смерти его, Королева не скрывала болѣе своей ненависти къ Принцамъ Крови, особенно къ Королю Наваррскому. Она соединилась съ Герцогомъ де Гизъ; но, рѣшившись дѣйстве-

вать только для себя и для своего сына, она, произведя новыя возмущенія, получила отъ Папы Сикста V буллу, которою Король Наваррскій отлученъ отъ церкви и объявленъ неспособнымъ Наслѣдникомъ престола. Не смотря на сіе, она не хотѣла совершенно поразить своего непріятеля, приказавъ Матиньёну его пощадить. Она сдѣлала еще болѣе, какъ скоро узнала, что Принцъ Конде, по просьбѣ своей, получивши вспоможенія отъ Англичанъ и Нѣмцовъ, готовъ уже былъ ворваться во Францію: она предложила помощь Королю Наваррскому и просила у него переговора въ замкѣ Сен-Бри, что подлѣ Коньяка. —

Король прибылъ туда съ Принцемъ Конде и съ другими начальниками Кальвинистовъ; но сіи сношенія не имѣли никакого успѣха. Катерина въ отчаяніи возвратилась въ Парижъ, и остановилась въ Сенп-Жерменѣ, гдѣ Нѣмецкіе Протестантскіе Посланники отвѣчали Королю съ вели-

чайшею гордостію. Генрихъ III былъ симъ раздраженъ. Тогда Катерина просила покровительства Герцога Гизъ, которой и далъ обѣщаніе сопротивляться Нѣмцамъ. Сіе случилось въ то время, когда 16 членовъ Совѣта привели въ трепетъ Дворъ. Германцы выиграли побѣду при Куртрасѣ. Но Король успѣлъ прогнать ихъ въ свое Государство, а Катерина запретила имъ въѣздъ во Францію.

Между тѣмъ Члены Совѣта продолжали свои насилія и надѣлали множество обидъ любимцамъ Короля; Герцогъ Епернонъ присовѣтовалъ Генриху III отдать подъ стражу начальника оныхъ. Но сей удовольствовался, послав приказаніе, чтобы Герцогъ Гизъ отнюдь не показывался въ Парижъ. Оно не дошло до него: Герцогъ, возвратясь въ столицу, остановился въ домѣ *aux filles repenties*, гдѣ Королева жила.

Катерина, встревоженная симъ непредвидѣннымъ посѣщеніемъ, просила позволенія у Короля, предста[illegible] ему

Герцога Гизъ. Король на ето согласился, и на сей разъ домъ молодой Королевы былъ мѣстомъ переговоровъ. Герцогъ имѣлъ нѣкоторыя подозрѣнія вразсужденіи своей безопасности, которыя еще болѣе увеличилась посѣщеніемъ, сдѣланнымъ отъ Короля Катеринѣ. Герцогъ отмстилъ Двору; онъ укорялъ Катерину и говорилъ ей съ величайшею гордостію.

Катерина, видя, что всѣ граждане вооружились, просила Герцога ихъ обезоружить и отправить ее къ сыну; однако не могла ничего получить. Она совѣтовала Королю выѣхать изъ Парижа. Когда Герцогъ узналъ сіе, то сказалъ ей: „Сударыня! вы мною забавляетесь, а тѣмъ сами себя губите.“ Катерина, притворясь, будто ничего не знаетъ о бѣгствѣ Короля, вскорѣ сама отправилась въ Луврь.

Какова была ея радость, когда она узнала, что Король, отправляясь изъ Парижа, предоставилъ ей всю власть и что Парламентъ обѣщался ей повиноваться! Въ самомъ дѣлѣ

вскорѣ *Гарнъ* оказалъ знаки своей къ ней покорности: ибо когда Герцогъ Гизъ приказалъ составить обыкновенное собраніе, то первой Президентъ отвѣчалъ: Теперь Королева управляетъ именемъ Короля, и я только отъ нее получаю приказанія.

Приведенный въ смущеніе симъ столь надменнымъ отвѣтомъ, Герцогъ просилъ мира — но какъ побѣдитель. Парижане съ своей стороны обѣщали позабыть прошедшее, если Король возвратится въ Парижъ. Генрихъ III согласился на все то, что отъ него Герцогъ требовалъ; однакожъ рѣшился управлять Государствомъ одинъ, безъ помощи Катерины.

Не взирая на всю свою проницательность, сія Государыня, ни мало не думавшая, чтобы сынъ ея былъ способенъ къ притворству, не могла отгадать его намѣренія. Она приводила Герцога де Гизъ въ Шартръ, дабы тамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе и преданность Королю. Ослѣпленный ласками, учиненными ему Ко-

ролемъ, онъ отправился въ Блуа. Онъ имѣлъ неблагоразуміе сказать, что онъ думалъ только завладѣть тропомъ послѣ смерти Короля. Ето было пересказано Генриху III, который, для безопасности своей короны, приказалъ его убить. Катерина жила внизу той комнаты, гдѣ происходило исполненіе его повелѣнія. Жестокая подагра удержала ее на постели. Будучи поражена шумомъ, происходившимъ отъ убійцъ, она хотѣла встать; но Король взошелъ къ ней въ комнату и сказалъ: „Сударыня! теперь я уже Король, и не имѣю болѣе соперника, потому что Герцогъ де Гизъ болѣе не существуетъ.“ „Я бы очень желала, отвѣчала Королева, чтобы вы нашли счастіе въ учиненномъ вами поступкѣ; но, какъ я думаю, вы обманетесь въ немъ.“ Потомъ спросила она его, безопасенъ ли онъ отъ бунтовщиковъ? — „Такъ, Сударыня! — впрочемъ не вступайтесь ни во что; ето не ваше дѣло.“ — Холодность, съ какою онъ ее оставилъ, заставила

тогда понять смыслъ сихъ словъ, произнесенныхъ имъ ей. Нѣсколько дней тому назадъ, въ то время, когда она просила его выпустить Герцога Гизъ изъ-подъ стражи: Сударыня! сказалъ онъ тогда; въ три дни, все сіе будетъ кончено. —

Катерина, устрашенная симъ, отправилась къ Кардиналу де Бурбонъ, къ которому была уже приставлена стража. Сей Прелатъ, увидя ее, началъ плакать и сказалъ ей: вотъ, Сударыня, плоды вашихъ дѣлъ, вашихъ оборотовъ: — вы причиною нашей смерти. — Тщетно она ему представляла, что не поддерживала никакую сторону; но Прелатъ сей не хотѣлъ ей ни въ чемъ повѣрить. Тогда предалась она ужаснѣйшей печали. Я не могу теперь болѣе ничего дѣлать, вскричала она, — надобно мнѣ лечь въ постелю. Съ сего времени, прошедшее и будущее представлялось глазамъ ея въ ужаснѣйшихъ видахъ; въ горячкѣ, 5 го Января 1519 года испустила она послѣднее дыханіе. Ген-

рихъ III оказалъ нѣсколько сожалѣнія о ея смерти, сдѣлавъ великолѣпныя похороны, находясь сряду нѣсколько дней въ траурной комнатѣ, освѣщаемой только факелами, и недопуская къ себѣ никого, кромѣ только своихъ людей.

МАРІЯ СТУАРТЪ.

Марія Стуартъ, Королева Французская и Шотландская, родилась 15го Ноября 1542 года, отъ Якова V, Короля Шотландскаго и Маріи Лорранской, дочери Клавдія I, Герцога Гизскаго. При самомъ вступленіи ея на свѣтъ, несчастія начали ее преслѣдовать. Чрезъ семь дней послѣ ея рожденія, смерть похитила у ней родителя, который, если вѣрить общему мнѣнію, умеръ отъ яда. Съ самой колыбели была она Королевою и повелительницею Государства, которое должно было ей — принести въ при-

данное своему супругу; Франція и Англія оспоривали честь ее имѣть. Наконецъ Франція получила преимущество — и Марія вступила въ брачный союзъ съ Дофиномъ Французскимъ, сыномъ Генриха II. Она прибыла во Францію шести лѣтъ. Блестящее воспитаніе усовершило въ ней прелести и таланты, коими щедро надѣлила ее природа. Всѣ Историки изображаютъ ее прекраснѣйшею. Белле, Бефъ и Ронсаръ воспѣвали ея красоту.

Съ красотою, столь скоро преходящею, Марія соединяла существеннѣйшія и важнѣйшія качества ума. Родясь съ воображеніемъ блестящимъ, съ памятью счастливою и разсудкомъ здравымъ, она чувствовала, что съ просвѣщеніемъ женщина болѣе можетъ нравиться и что ей не должно онымъ презирать. Она въ особенности прилежала къ изученію языковъ и такъ познакомилась съ Англинскимъ, Италіянскимъ, Испанскимъ, Французскимъ и Латинскимъ языками, что говорила и писала на оныхъ весьма

(*) Пер
на. М.

исправно. Поезія также занимала ея досуги; нѣсколько пѣсъ въ стихахъ ея сочиненія, дошедшихъ до насъ, доказываютъ, что она заслуживаетъ отличное мѣсто между современными ей стихотворцами (*). Дофинъ, желая скорѣе обладать столь совершенною Принцессою, ускорилъ день брака своего, который былъ совершенъ въ Богородичной Парижской церкви 24 Апрѣля 1558 года. Марія приняла титулъ Королевы-Дофины, а Принцъ Французскій провозглашенъ былъ Королемъ Шотландскимъ.

Празднества, данныя по случаю сего бракосочетанія, были нарушены смертію Генриха II. Тогда Франція досталась въ жертву честолюбія Гизовъ и коварства Королевы матери, Екатерины Медицисъ. Спустя нѣсколько времени, смерть похитила Марію, Королеву Англинскую, дочь Генриха VIII и Екатерины Аррагон-

(*) Переписка Маріи Стуартъ, пер. Голицына. М. 1808.

ской. Юная Королева Шотландская, содѣлавшись законною наслѣдницею Англинскаго престола, приняла титулъ Королевы сего Королевства, а въ девизъ двѣ короны, съ сими словами: aliamque moratur, т. е. она ожидаетъ другой. Увы! сія несчастная Королева не могла подумать, что сущее сіе надписаніе будетъ ей нѣкогда стоить жизни.

Произшествія, слѣдовавшія внезапно одно за другимъ, по видимому, соединились для ускоренія погибели ея. Францискъ II умеръ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ; Маріи осталось отъ ея величія — одинъ токмо титулъ.

И сего было бы, безъ сомнѣнія, довольно для благоденствія Маріи; но Каперина Медицисъ и Гизы, основываясь на политическихъ причинахъ, принудили ее удалиться въ Шотландію. Марія чувствовала живѣйшее прискорбіе, оставляя роскошный и пріятный Французскій Дворъ, и отправляясь жить въ страну печальную и дикую. Когда она сѣла въ Калe, 1561

года, на галеру Мевильёна: тогда глаза ея, орошенные слезами, долгое время смотрѣли на счастливый берегъ, ею оставляемый.

Было время, говоритъ Коцебу, когда Марія Стуартъ — привлекательная, слабая, несчастная — имѣла чистое сердце, когда въ прелестной груди ея цвѣли однѣ непорочныя чувства и на юномъ лицѣ ея, украшенномъ задумчивостію страстной души, блисталъ высокій характеръ добродѣтели: тогда писала она стихи, тогда животворная мечтательность обитала въ сердцѣ ея.

По прибытіи своемъ въ Петилюкъ, она не нашла тамъ великолѣпныхъ и покойныхъ каретъ, въ какихъ ѣзжала по улицамъ Парижскимъ. Въ повозкѣ пріѣхала она въ Илбургъ, гдѣ жители ввечеру привѣтствовали ее музыкою, совсѣмъ различною отъ той, какую обыкновенно слыхала она при Дворѣ Генриха II.

Въ скукѣ и тоскѣ, представился Маріи ушѣшитель, Лордъ Дорнлей,

прекраснѣйшій и образованнѣйшій мужчина въ Шотландіи, имѣлъ счастіе ей понравиться и получилъ ея руку. Но любовь Маріи, основанная токмо на красотѣ Графа, вскорѣ погасла; одинъ музыкантъ, по имени Давидъ Рикчіо, заступилъ его мѣсто — и сей недостойный любимецъ, осыпанный богатствами и почестями, былъ возведенъ своею слабою любовницею на степень перваго Министра.

Между тѣмъ какъ Шотландская Королева подавала столь великій соблазнъ всему Двору своему, Король жилъ въ отдаленіи. Устрашась терпѣть такое безчестіе, однажды рѣшился онъ придти во Дворецъ, гдѣ приказалъ заколоть своего соперника.

Спустя нѣсколько времени, одинъ Французскій дворянинъ, по имени Шателяръ, учинился жертвою безразсудной любви. Дворянинъ сей, не могши видѣть хладнокровно прелестную Королеву Шотландскую, во время пребыванія ея во Франціи, оставилъ свое отечество, для предмета своей любви

Марія приняла его съ отличіемъ, но, по ненависшной политикѣ, предала его въ руки правосудія — и сему несчастному присудили отрубить голову.

Какъ скоро женщина нарушитъ правила благопристойности, тогда ей все ничто и ея заблужденія умножаются съ ея своенравіемъ. Яковъ Гипборнъ, Графъ Боѳуельскій, сдѣлался любовникомъ Маріи; но, будучи виновнѣе другихъ, онъ способствовалъ Королевѣ погубить ея мужа, коего болѣзнь удерживала въ постелѣ нѣсколько дней. Злодѣяніе сіе, приводящее всякаго въ трепетъ, совершено было 29 го Февраля, 1567 года.

Вопреки обыкновенію, повелѣвавшему женщинамъ, лишившимся мужей своихъ, не выходить изъ дома сорокъ дней, Марія поѣхала съ убійцею своего супруга во дворецъ, находившійся близъ Едимбурга. Гласъ народа винилъ Графа Боѳуельскаго. Для оправданія себя, онъ вызывалъ на поединокъ всѣхъ тѣхъ, которые обнаруживали свои противъ него подозрѣнія. Сей вызовъ

былъ принятъ многими особами, которыя назначили даже мѣсто для поединка; но трусливый Боѳуель туда не являлся. Мнѣніе народа было такъ гласно, что одинъ придворный портной, перешивавшій Боѳуелю платье послѣ покойнаго Короля, осмѣлился сказать: „Графъ слѣдуетъ обыкновенію палачей, коимъ даютъ платье послѣ мертвыхъ.“

Неизвинительныя заблужденія безразсудной Маріи столь сильно укоренились, что она ни во что вмѣняла мнѣніе народа, довершила свое безчестіе, соединившись съ человѣкомъ вообще ненавидимымъ и презрительнымъ, коего всѣ подозрѣвали въ великомъ злодѣяніи. Шотландцы, въ праведномъ негодованіи своемъ, взбунтовавшись, составили противъ Боѳуеля страшный заговоръ. Тщетно Королева старалась его защищать. Онъ принужденъ былъ бѣжать и едва могъ избѣгнуть отъ свирѣпства народнаго. Лишенъ будучи друзей, убѣжища, помощи и пропитанія, онъ пустил-

ся разбойничать. Но жестокія бѣдствія и угрызенія совѣсти разстроили его умъ; онъ умеръ сумасшедшимъ и плѣннымъ въ Драколинѣ, что въ Даннемаркѣ.

Марія, разлучившись съ недостойнымъ супругомъ своимъ, въ отчаяніи отвергла корону и передала оную сыну своему, Принцу Шотландскому. За потерею ея могущества послѣдовала и потеря свободы. Она была заключена въ одинъ замокъ, въ коемъ весьма строго ее содержали. Однако нѣкоторые Вельможи, бывшіе къ ней привязанными, изъ сожалѣнія къ несчастной ея участи, доставили ей средство оттуда уйти; но приключеніе сіе, вмѣсто того чтобы облегчить ея бѣдствія, умножило ихъ, по ея неблагоразумію, съ какимъ предалась она въ руки смертельной непріятельницы своей, Елисаветы. Государыня сія обрадовалась, нашедши случай погубить свою соперницу, дерзнувшую именоваться Англинскою Королевою, повелѣла заключить ее въ замкѣ Фоерингей.

Напослѣдокъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто Марія имѣла нѣкоторыя сношенія съ Герцогомъ Норфолькскимъ, она предала ее суду — подкупленные судьи осудили ее на смерть.

Сей роковый приговоръ произнесенъ былъ 6 го Февраля, 1587го. Геройская твердость, съ какою она выслушала сей приговоръ, и мужество, какое хранила она до самой смерти своей, загладили ея проступки и слабости въ жизни.

Тогда посвятила она всѣ размышленія свои Религіи. Исполнивъ священныя обязанности, утѣшающія несчастныхъ въ напастяхъ, она раздала свои драгоцѣнности и деньги служителямъ. Ввечеру, предъ утромъ смерти, вкусила она нѣсколько пищи; наконецъ обнимала всѣхъ своихъ женщинъ, а мущинъ допустила къ рукѣ и со всѣми распрощалась. Оставшись одна, она успокоилась и всю ночь провела въ молитвахъ. Лишь только стало свѣтать: она занялась своимъ туалетомъ; къ убранству своему прила-

тала возможное стараніе; надѣла на себя платье изъ чернаго бархата, говоря, что Королевѣ должно и на смерть идти во всемъ величіи сана.

Графы Салисбури и Кентъ прибыли къ ней; она вышла къ нимъ, говоря: „Милорды, добро пожаловать; нынѣ я встала раньше васъ.“ Наконецъ она оперлась на одного изъ нихъ и пошла на казнь, съ покрываломъ и короною на головѣ и съ Распятіемъ въ рукахъ.

Въ ту минуту, какъ она разставалась съ людьми своими, которые наполняли воздухъ рыданіями, бросился къ ногамъ ея старый конюшій Мальо, прося со слезами послѣднихъ ея приказаній: „Не плачьте, сказала „она, а радуйтесь, что Марія Стю„артъ скоро освободится отъ всѣхъ „золь. Прошу васъ токмо сказать сы„ну моему, что я умираю въ Католи„ческой вѣрѣ и его заклинаю пребыть „вѣрнымъ религіи отцевъ своихъ.“

Ешафодъ въ залѣ замка сооруженъ былъ вышиною въ два фута и покрытъ черною саржею. Марія, восходя на оный, оперлась на руку своего дворецкаго, говоря: „Вотъ послѣдняя „услуга, которую принимаю я отъ „васъ.“ Одна изъ ея женщинъ, увидя ее на ешафодѣ, испустила вопль. Марія сдѣлала ей знакъ молчать. Палачь хотѣлъ было снять съ нее головный уборъ; однако она не допустила его, приказавъ снять оный своимъ женщинамъ. Не смотря на отвращеніе, какое оказывала она къ тому, что палачь прикасался къ ней, онъ снялъ съ нее корсетъ, исподницу и косынку. Марія, видя себя обнаженною предъ четырьмя или пятью стами людей, сказала: „Я не привыкла раздѣваться предъ такимъ множествомъ народа и имѣть вмѣсто горничной палача.“ Произнеся сіи слова, она дала завязать себѣ глаза одной изъ своихъ женщинъ — и между тѣмъ читая Псаломъ: *Господи, на Тя уповахъ*,

положила голову на плаху. Палачь, промахнувшись, дважды ударилъ топоромъ по шеѣ, прежде нежели отрубилъ ей голову, которую поднявъ, показалъ присутствующимъ съ сими словами: *Господи! спаси Королеву нашу.*

Такова была кончина несчастной Маріи Стуартъ! Смерть изгладила пороки ея жизни. Она была величественнѣе на ешафодѣ, на коемъ окончила жизнь, чѣмъ на престолѣ, который обезчестила дурнымъ поведеніемъ и убіеніемъ своего супруга.

Марія была совершеннымъ созданіемъ природы, украшеніемъ блистательнаго Двора — мила, чувствительна, остроумна; она и на престолѣ имѣла нѣжныя чувствованія; слабости ея проистекли изъ благороднаго источника; влекома будучи необоримою силою, она вступила на путь преступленій. Въ другихъ обстоятельствахъ, мо-

жетъ статься, была бы она примѣромъ всѣхъ добродѣтелей, удивленіемъ современниковъ и потомства, какъ нѣкогда, въ первые цвѣтущіе годы жизни своей, была образцемъ красоты, любезности, остроумія.

Мы приводимъ здѣсь изъ Флоріана, прекраснаго писателя Французскаго, слѣдующую піесу:

Марія Стуартъ.

Никто Маріи не внимаетъ —
Среди безмолвныхъ, мрачныхъ стѣнъ,
Лишь ехо стонъ мой повторяетъ:
Ужель мой вѣченъ будетъ плѣнъ?
Гляжу въ окно — и вижу въ полѣ
Попарно птичекъ на кустахъ:
Онѣ счастливы — и на волѣ;
А я злосчастна — и въ цѣпяхъ!

*

Пусть злоба лютая стремится
На жизнь мою . . . спокойна я!
Невинный смерти не страшится —
Ему потомство судія:
Оно коварную Царицу
Стыдомъ покроетъ, проклянетъ;

А на Маріину гробницу
Чувствительность слезу прольетъ (*).

Жилище бѣдъ и воздыханій!
Въ тебѣ съ безмольвьемъ страхъ живетъ —
Въ тебѣ и часъ есть вѣкъ страданій —
Въ тебѣ и время не течетъ.
Вѣтръ воетъ — колоколъ стенаетъ,
Совы зловѣщій слышенъ гласъ:
Онъ смерть Маріи возвѣщаетъ!
Умри! пришелъ послѣдній часъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Елисавета, дочь Генриха VIII, Короля Англинскаго и Королевы Анны де Булень, родилась 8го Сентября, 1533 года, во дворцѣ Гамптонкурскомъ. Еще въ самомъ нѣжномъ воз-

(*) Въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ гробница несчастной Маріи Стуартъ стоитъ возлѣ гробницы Елисаветы. Гробъ всѣхъ примиряетъ! Сн.

расцѣ показывала она великія качества, долженствовавшія нѣкогда прославить ее. Отецъ объявилъ ее своею наслѣдницею въ укоризну Принцессы Маріи, рожденной отъ Королевы Екатерины Аррагонской, которую онъ лишилъ наслѣдства.

Король сей, послѣ бѣдственной кончины Анны де Булень, погибшей на ешафодѣ, женился на Аннѣ Сеймурѣ и объявилъ сихъ двухъ Принцессъ, Марію и Елисавету, недостойными престола, но 24го Января, 1544 года, отмѣнилъ сіе въ полномъ присутствіи Парламента, возвративъ имъ всѣ прежнія ихъ права.

Дарованія, которыми щедро наградила природа Елисавету, удивляли всю Англію. У ней было прекрасное лице, станъ превосходный и величественный видъ, выражавшій малѣйшее даже ея дѣйствіе. Но, будучи благоразумна и не полагаясь на скоропреходящія красоты, желала еще украсить умъ свой рачительнымъ из-

ученіемъ иностранныхъ языковъ и сокровищемъ наукъ.

Генрихъ VIII скончался 27 Января 1547 года. Сынъ его Едуардъ, рожденный отъ Анны Сеймуръ, будучи еще десяти лѣтъ, сдѣлался его наслѣдникомъ. Согласно съ завѣщаніемъ покойнаго Короля, Едуардъ Сеймурскій, Графъ де Гертерфортъ, дядя Короля, былъ его опекуномъ и Правителемъ Государства — и провозглашенъ Протекторомъ. Томасъ де Сеймуръ, младшій братъ его, сдѣланъ былъ великимъ Адмираломъ Англіи. Сей юноша, прельстясь красотою Елисаветы, бывшей тогда еще принадцати лѣтъ, и увѣренъ будучи въ своемъ достоинствѣ, предложилъ ей свою руку. Но сія Принцесса, знавшая уже искусство притворяться, отвѣчала ему очень учтиво, что не имѣетъ никакой склонности къ замужству. Желая имѣть супругою своею коронованную особу, Адмиралъ сдѣлалъ предложеніе вдовствующей Королевѣ, которая и исполнила оное. —

Спустя нѣсколько времени послѣ его брака, Принцесса сія умерла. Томасъ де Сеймуръ былъ столь неблагоразуменъ, что возобновилъ опять свои требованія на счетъ Елисаветы. Протекторъ, страшась честолюбивыхъ намѣреній своего брата, принудилъ издать въ Парламентѣ законъ, заключающій въ себѣ, что тотъ, кто осмѣлится жениться на какой-нибудь сестрѣ Короля безъ его имяннаго позволенія и Совѣта, будетъ признанъ измѣнникомъ и все его имѣніе будетъ конфисковано.

Адмиралъ, пришедши въ отчаяніе отъ сего закона, набралъ десяти-тысячную армію, помощію которой намѣревался захватить Короля и принудить его согласиться на сей бракъ, но былъ остановленъ и осужденъ на смерть 27го Февраля 1550 года. Когда Елисавета узнала нещастный его конецъ, то сказала: „Да будетъ проклятъ тотъ день, въ которой умеръ человѣкъ съ такимъ великимъ умомъ, но съ малымъ разсудкомъ.“ — Спустя

нѣсколько времени послѣ сего, и Протекторъ подвергся той же участи. Король, вышедъ уже изъ дѣтскаго возраста, сдѣлался опасно боленъ въ 1551 году. Тогда Герцогъ Нортумберландскій, могущественнѣйшій Вельможа во всемъ Государствѣ, воспользовался симъ благопріятнымъ случаемъ, женилъ своего сына, Гюиффорда, на Іоаннѣ Грей, внукѣ Генриха VIII, и заставилъ сего Короля объявить, чтобы дочери Герцога Суффольскаго, его двоюродныя сестры, были преемницами его престола, а Марію и Елисавету лишить правъ наслѣдства. Послѣ смерти Едуарда, Марія и Іоанна Грей долго спорили между собою о правахъ на корону. Елисавета старалась еще болѣе ихъ раздражить, и тѣмъ обезславить ихъ.

Однакожъ Іоанна Грей успѣла въ своемъ предпріятіи, и была провозглашена Королевою. Тогда Марія оставила Лондонъ и, принявши также на себя титулъ Королевы, требовала, чтобы всѣ главные Чиновники и Вель-

можи признали ее законною Королевою, и по сему Парламентъ объявилъ бракъ Генриха VIII съ Екатериною Аррагонскою законнымъ. Симъ рѣшеніемъ Елисавета лишилась всѣхъ преимуществъ, сообразныхъ съ званіемъ Королевскихъ дѣтей, и большей части своей пенсіи. Она была заключена, по приказанію Маріи, въ замокъ д'Ашрайджъ, находящійся въ трехъ миляхъ отъ Лондона, и вскорѣ послѣ того, будучи обвинена въ заговорѣ противъ Маріи, заключена была въ башню, такъ какъ преступница въ оскорбленіи Величества.

Сначала заточеніе ея было очень жестоко; но мало по малу Марія сдѣлалась къ ней снисходительнѣе. Елисавета была признана невинною, получила вмѣстѣ съ свободою всѣ тѣ преимущества, коими пользовалась въ царствованіе Едуарда. —

Елисавета чѣмъ болѣе удалялась отъ брака, тѣмъ болѣе склоняли ее къ оному. Два Короля искали ея руки: первый изъ нихъ, Ерихъ, сынъ

Густава Вазы, Король Шведскій, а другій, Филиппъ, супругъ Маріи, который ожидалъ только смерти своей супруги, дабы изъясниться съ нею въ немъ, и который, какъ бы скоро жена его закрыла глаза, не скрывалъ болѣе своихъ чувствій и своихъ намѣреній. Но Елисавета, будучи тверда въ своемъ рѣшеніи, смѣялась ихъ требованіямъ; подавая имъ нѣкоторую надежду — наконецъ отказала имъ совершенно.

Маріи не стало; Канцлеръ, собравши Парламентъ, сказалъ: „Королевство имѣло бы большую причину оплакивать смерть Королевы Маріи, если бы не осталась еще Принцесса, способная управлять Англіею — и сія-то Принцесса есть Елисавета, законная наслѣдница престола и преемница правъ, коихъ у ней никто не можетъ оспорить;“ тогда все собраніе воскликнуло: Да здравствуетъ Королева Елисавета! Дай Богъ ей долголѣтную жизнь и щастливое царствованіе! — и 15го Января, 1559 года, коронована она была съ отмѣнною пышностію Олимпіе-

ромъ Оглиторіъ, Католическимъ Епископомъ.

За нѣсколько мѣсяцовъ до возшествія ея на престолъ, старшій сынъ Генриха II женился на Маріи Стуартъ, Шотландской Королевѣ, которую провозгласили какъ во Франціи, такъ и въ Шотландіи Королевою Англинскою и Шотландскою; и потому Генрихъ, не признавшій Елисаветы Королевою Англинскою, всѣми силами старался вооружить противъ нее Короля Испанскаго; но Елисавета дѣйствовала въ семъ случаѣ съ такимъ благоразумiемъ и искусствомъ, что оба сіи Монарха заключили съ нею миръ, подтверждая, что они никогда не будутъ находиться въ спокойствіи, если не заключатъ союза съ Королевою Англинскою.

Избавясь сего безпокойства, она показывала видъ, будто поддерживаетъ сторону Католиковъ, и употребляла все свое могущество къ разпространенію Реформаціи. Января 25го, 1559 года, явилась она въ Парламентъ

съ величайшею пышностію, держа въ рукѣ скипетръ и корону. Она получила въ семъ Парламентскомъ собраніи пять сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ и утвержденіе своего могущества, къ величайшей досадѣ нѣкоторыхъ Прелатовъ, и другія права, отъ коихъ Королева Марія отказалась.

Февраля 4го отправлена была къ ней депутація, состоявшая изъ сорока знатныхъ Вельможъ, отъ имени всего Королевства, просить ее о избраніи себѣ супруга; однако она имъ опять отвѣчала, что намѣрена остаться въ дѣвицахъ.

Умѣя воспользоваться умомъ Герцога Норфолькскаго и Графа д'Арундельскаго, она торжественно объявила себя высочайшею покровительницею Церкви во всемъ своемъ Королевствѣ, какъ по свѣтской, такъ и по духовной части. Прелаты, отказавшіеся присягать ей въ семъ достоинствѣ, были лишены ихъ званій, имуществъ и осуждены на вѣчное заточеніе.

Филиппъ, видя себя обманутымъ въ надеждѣ получить руку Елисаветы, отказался отъ своихъ требованій и поспѣшилъ заключить съ Франціею миръ.

Въ сіе время, то есть въ 1561 году, Государство сіе возмущаемо было распрями, происходящими отъ различныхъ мнѣній о Религіи. Катерина Медицисъ и Герцогъ Лорренскій были непримиримые враги Протестантовъ, которыхъ главою былъ Принцъ Конде. Елисавета тогда составила отважное намѣреніе — помогать Протестантамъ Французскимъ, съ намѣреніемъ ободрить своихъ. Она такъ благоразумно поступила въ семъ случаѣ, что склонила на свою сторону и Католиковъ и Протестантовъ — что и подало поводъ находившимся у ней при Дворѣ Посланникамъ сказать: Елисавета сочинила комедію, которая заставляетъ смѣяться тѣхъ, которые хотятъ плакать, а плакать тѣхъ, которые хотятъ смѣяться. —

Елисавета заключила мирный трактатъ съ Принцемъ Конде, котораго успѣхи оружія сначала были счастливы; но послѣ, когда онъ былъ атакованъ при осадѣ города Дрё Герцогомъ де Гизъ и Коннетаблемъ Монморанси, разбитъ на голову; наконецъ миръ заключенъ: Елисавета принуждена была уступить Гавръ-де-Грасъ и пожертвовать всѣми суммами, которыя она доставляла Французскимъ Протестантамъ, отказавшись однакожъ отъ уплаты издержекъ, объ которой упоминала ей Катерина Медицисъ. —

Между тѣмъ Марія, Королева Шотландская и Французская, сдѣлалась вдовою по смерти Франциска II, отъ котораго она не имѣла дѣтей, оставила Францію и отправилась въ Шотландію. Католики сего Государства приняли ее съ неизъяснимою радостію. Какъ скоро слухъ объ ея отправленіи дошелъ до Елисаветы: то она разставила на морѣ корабли, чтобы захватить Королеву Шотландскую и

препроводить въ Англію. Но противные вѣтры воспрепятствовали ей въ исполненіи сего предпріятія; Елисавета употребила хитрость, пославши къ ней Посланниковъ съ поздравленіемъ ея пріѣзда и съ увѣреніемъ, что она желаетъ переговорить съ нею о совершенномъ согласіи. Марія, будучи отъ природы откровенна и чистосердечна, отвѣчала ей на сіи знаки такой любви, пославши въ подарокъ алмазъ значительной величины и изображающій сердце, съ прошеніемъ, хранить сей залогъ вѣрности ея, которая всегда будетъ и прочнѣе и тверже сего алмаза. —

Въ концѣ 1563 года Елисавета, совсѣмъ не имѣя склонности къ великолѣпію, учинила великодушный подвигъ, достойный величайшей похвалы. Вилліамъ Паже, имѣвшій всѣ хорошія качества, выключая только своего происхожденія, достигъ до первыхъ степеней въ Королевствѣ. Занимая высокія должности въ царствованіе Генри-

ха VIII, Едуарда V и Маріи, онъ умеръ на семидесятомъ году своей жизни въ деревнѣ, гдѣ онъ жилъ въ отставкѣ. Елисавета, въ вознагражденіе его заслугъ, оказанныхъ Государству, приказала перенести его тѣло въ Лондонъ на общественный счетъ и оказать почести, должныя Посланнику коронованной Главы. Достойно замѣчанія, что Паже былъ первый, котораго въ Англіи похоронили на общественный счетъ.

Между тѣмъ Елисавета, не опускавшая изъ виду Маріи Стуартъ, употребляла всѣ возможныя препятствія, дабы бракъ между сею Принцессою и Ерцгерцогомъ Фердинандомъ, братомъ Императора, не состоялся. Ето бы однакожъ не воспрепятствовало Королевѣ Шотландской вступить во второй разъ въ брачное обязательство; но такъ какъ она соединялась съ благородными только людьми: то Елисавета ни мало не противилась слабостямъ, долженствовавшимъ непремѣнно погубить ея непріятельницу и

принудившимъ ее удалиться во Францію. Но во время ея переѣзда страшная буря, застигшая ее на морѣ, принудила нещастную Марію зайти въ Англинскую гавань, гдѣ, по приказанію Елисаветы, была она задержана. Въ то время сія, будучи внѣ себя отъ радости, воскликнула: „Вотъ еще первое дѣло моей политики, которое меня восхищаетъ!“ Она отправила немедленно въ Шотландію Пословъ, дабы признать тамъ Королемъ Якова, сына Маріи, который былъ 13 мѣсяцовъ.

Въ 1569 году Папа Пій V, будучи сильно побуждаемъ Королемъ Испанскимъ противъ Елисаветы, отлучилъ ее отъ Церкви. Она же напротивъ насмѣхалась надъ симъ. Но сіе отлученіе, публично объявленное при вратахъ церкви Св. Павла въ Лондонѣ и грозившее возмущеніемъ, какъ со стороны Вельможъ, такъ и простаго народа, принудило Елисавету наблюдать глубокое молчаніе о дѣлахъ Религіи. Между тѣмъ Католики сдѣлались жертвою своей ревности, и бо-

лѣе 800 знатнѣйшихъ погибли отъ рукъ палача. Дабы заглушить ропотъ, произшедшій отъ пролитія столько крови и заточенія Шотландской Королевы, Елисавета собрала въ 1570 году Парламентъ. Въ тотъ день, когда она присудствовала въ Парламентѣ, Ораторъ, говорившій ей похвальную Рѣчь, умолялъ ее снова, отъ имени всей націи, избрать себѣ супруга, или назначить наслѣдника. Но Елисавета отвѣчала очень спокойно: Что она уже очень стара для замужства, и очень молода для сдѣланія завѣщанія.

Герцогъ Норфолькскій, тронутъ будучи злополучіемъ Королевы Маріи, просилъ позволенія у Елисаветы на ней жениться; сіе ввело его въ подозрѣніе. Онъ былъ задержанъ и заключенъ въ башню. Однакожъ чистосердечіе и покорность, замѣченныя въ его поступкахъ, смягчили Елисавету — она возвратила ему свободу. Но сія опасность, отъ которой онъ едва избѣжалъ, не сдѣлала его благо-

разумнѣе, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, соединиться съ Маріею, въ чемъ открылся Графу Лейчестеру, котораго почиталъ своимъ другомъ; но онъ измѣнилъ ему — и открылъ все Елисаветѣ. Онъ былъ задержанъ въ другой разъ — и лишенъ жизни 12 Іюня, 1572 года.

Ненависть Елисаветы къ Католикамъ подала поводъ думать, что она очень была огорчена ужасною сценою, случившеюся въ праздникъ С. Варѳоломея. Однакожъ она только одна наблюдала глубокое молчаніе, хотя Катерина Медицисъ о семъ предметѣ получала самыя сильныя жалобы отъ всѣхъ Посланниковъ Протестантскихъ Государствъ.

Карлъ IX умеръ; братъ его, Генрихъ III, вступивъ на Французскій престолъ, просилъ Елисавету себѣ въ замужство. Однако она отвѣчала съ гордостію, что никогда не хотѣла выходить за мужъ; если же бы паче чаянія ето и случилось: то она скорѣе согласилась бы выйти за того

Принца, котораго сама она сдѣлаетъ Королемъ, но не за того, который дѣлаетъ ее Королевою.

Въ 1586 году Елисавета начала опасаться сообщниковъ Маріи — и сіе-то опасеніе было причиною смерти ея сестры; для сего-то Елисавета приказала окончить дѣло, производимое уже много лѣтъ тому назадъ. Парламентъ произнесъ приговоръ свой, будто нужной для соблюденія службы Божіей, для сохраненія Королевы и блага всего Государства. —

Елисавета вела продолжительную войну съ Филиппомъ II, Королемъ Испанскимъ. Много разъ почитали ее уже погибшею, но судьба, или лучше искусство, не допускали ее низвергнуться въ пропасть, со всѣхъ сторонъ отверзтую (*).

(*) Разсказываютъ, что Елисавета, предпринимая путешествіе въ Тилбури, заѣхала въ день Св. Михаила къ Рыцарю Невилю. Рыцарь за обѣдомъ подчивалъ ее жаренымъ гусемъ; Королева кушала съ великимъ аппетитомъ и потомъ потребовала у хозяина

Между многими любимцами Королевы Графъ Ессексъ одинъ только умѣлъ приобрѣсть ея благосклонность. Милость, которою онъ пользовался, навлекла ему множество непріятелей, употреблявшихъ всѣ средства къ погубленію его. Междоусобныя брани, происходившія въ Ирландіи, доставили имъ удобный случай. Обвиняли его въ тайномъ сношеніи съ начальникомъ бунтовщиковъ — и Елисавета съ сего времени обращалась съ нимъ довольно холодно. Графъ примѣтилъ ето, но,

---

стаканъ Бургонскаго вина, чтобы выпить, какъ говорила она, *за истребленіе славнаго Гишпанскаго флота*. Тогда сей такъ называемый непобѣдимый флотъ приближался. Едва лишь Елисавета, послѣ упомянутыхъ словъ, выпила стаканъ вина, какъ прискакалъ курьеръ съ вѣстію, что непріятельскій флотъ совершенно разсѣянъ ужасными бурями, послѣ чего Королева тотчасъ потребовала себѣ еще стаканъ „дабы, сказала она, ета хорошая вѣсть могла перевариться вмѣстѣ съ гусемъ.“ Съ того времени приказала она всегда подавать въ Михайловъ день на столъ жареного гуся. Съ того времени и понынѣ еще ведется обычай сей въ Англіи!

не стараясь оправдать себя, объявилъ свое намѣреніе — умереть, или взойти на престолъ. Королева, по справедливости раздраженная симъ, приказала захватить его въ Ирландіи. Онъ, узнавши сіе, прибылъ съ тремя стами лучшихъ своихъ друзей въ Лондонъ, гдѣ старался набрать себѣ сообщниковъ; но, чрезъ нѣсколько времени, принужденъ будучи возвратиться въ Ирландію, онъ былъ задержанъ, приведенъ въ Лондонъ и осужденъ на казнь. Когда прочли ему приговоръ его, то онъ сказалъ съ улыбкою судьямъ: „Вы очень хорошо сдѣлали, что присудили меня четвертовать; потому что если бы части моего тѣла не были отдѣлены между собою: я причинилъ бы много вреда Англіи. Елисавета, желавшая возвратить ему прежнюю свою благосклонность, отложила еще на восемь дней исполненіе казни его; но Графъ, сколько друзья его ни совѣтывали ему подать прошеніе Королевѣ, предпочелъ смерть слабо-

сти, которая, по его мнѣнію, могла бы обезславить его. —

Гюмъ повѣствуетъ, что когда Графъ Ессексъ былъ взятъ и посаженъ въ темницу, какъ Государственный преступникъ, тогда поручилъ онъ Графинѣ Нотингамъ вручить данное ему Королевою кольцо, въ ту самую минуту, когда она станетъ подписывать смертный ему приговоръ. Графиня не отдала Елисаветѣ сего кольца — и спустя нѣсколько времени, по совершеніи надъ несчастнымъ Ессексомъ приговора, занемогла; находясь на смертномъ уже одрѣ и терзаясь угрызеніями совѣсти, она послала просить Королеву притти къ ней для важнаго объясненія. Признавшись въ своемъ клятвопреступничествѣ, умоляла ее простить. Королева, при семъ признаніи, вошла въ такой ужасъ, что, схвативъ умирающую за руку, стащила ее съ постели, вскричавъ: „*Да проститъ тебя Богъ, а мнѣ не возможно тебя простить!*“

Съ этого времени народъ примѣтно сталъ оказывать менѣе любви къ Елисаветѣ. Къ сей непріятности присоединились еще другія безпокойства, причиненныя Ирландскими мятежниками. Королева иногда была опечалена смертію Графа; печаль ея была такъ велика, что она отказалась отъ употребленія пищи, говоря: „Дайте мнѣ лучше умереть — потому что Англичане наскучили мною, такъ какъ и я ими.“ —

Совѣтъ ея, опасаясь вразсужденія ея жизни, созвалъ самыхъ искуснѣйшихъ врачей во всемъ Королевствѣ. Но непреодолимое отвращеніе, которое имѣла Елисавета къ нимъ, было причиною, что она отвергла помощь ихъ: „Я не хотѣла просить ихъ помощи, такъ говорила она, бывши еще въ молодыхъ лѣтахъ; въ противномъ же случаѣ они бы прославились продолженіемъ жизни моей до семидесяти-лѣтней старости; для чего же теперь призывать ихъ, когда уже въ лампадѣ нѣтъ масла? Сіе навлечетъ без-

славіе на нихъ, будто бы они меня умертвили.“ —

Совѣтъ, видя, что не остается болѣе никакой надежды къ поддержанію ея здоровья, именовалъ наслѣдникомъ ея Якова IV, Короля Шотландскаго, сына нещастной Маріи Стуартъ. Королева, когда сообщили ей сіе извѣстіе, отвѣчала: „Вы очень хорошо сдѣлали, и я одобряю вашъ выборъ.“

Елисавета умерла очень спокойно 24 Марта, 1603 года, управлявъ Королевствомъ 44 года. Нѣкоторые называютъ ее Сѣверною Героинею, а другіе политическою Актрисою.

При всемъ томъ извѣстно, что она была знаменитѣйшая Государыня своего времени и соединяла въ себѣ всѣ хорошія качества, была во всемъ совершенная женщина. Она съ величайшимъ искусствомъ управляла Государствомъ. Папа Сикстъ V нѣсколько разъ говорилъ: „что находится только во всемъ свѣтѣ Французскій Король Генрихъ IV, Королева Елисавета и онъ самъ, которые знали въ точности сіе столь трудное искусство.“ Очень мало

находилось Монарховъ, столь мужественно сносившихъ несчастія и одаренныхъ столь проницательнымъ умомъ, который всегда содержалъ въ равновѣсіи собственныя свои выгоды съ выгодами сосѣдственныхъ Государей. —

ЛАДИ ІОАННА ГРЕЙ.

Лади Іоанна Грей была внука Генриха VIII со стороны бабки своей Маріи, сестры сего Короля и вдовы Людовика XII. Она находилась въ супружествѣ за Лордомъ Гильфордомъ, сыномъ Герцога Норгумберландскаго. Послѣдній такъ умѣлъ убѣдить Едуарда VI, сына Генриха VIII, что, въ сдѣланномъ имъ, въ 1553 году, завѣщаніи, назначилъ онъ ее преемницею престола, къ величайшей досадѣ Маріи и Елисаветы. Первая была дщерь Екатерины Аррагонской, и Католическое ея исповѣданіе заставляло Англинскихъ Протестантовъ всего опасаться. Происхожденіе второй, дщери Анны Булень, могло возродить несогласіе.

Герцогъ Нортумберландскій уговорилъ Едуарда VI уважить сіи побудительныя причины. Іоанна Грей взирала на права свои совсѣмъ съ другой точки зрѣнія и сначала отказывалась отъ оныхъ; но убѣдительныя прозьбы нѣжно любимаго ею супруга заставили ее наконецъ объявить согласіе свое, имѣвшее толь плачевныя для нея послѣдствія.

Она царствовала девять дней, или лучше сказать шесть ея. Герцогъ Нортумберландскій воспользовался ея именемъ, для удовлетворенія своего властолюбія. Марія, старшая дщерь Генриха VIII, одержала надъ нею верхъ, не взирая на сопротивленіе Протестантской стороны. Жестокость и мстительность ея характера явно обнаруживается въ смертной казни Герцога Нортумберландскаго, его сына Гильфорда и невинной Іоанны Грей. Послѣдняя кончила жизнь свою на осьмнадцатомъ году; не смотря на то, она обращала на себя общее вниманіе основатель-

нымъ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ. Есть письма, писанныя ею на Латинскомъ и Греческомъ языкахъ, въ коихъ видны свѣдѣнія, возбуждающія удивленіе, судя по столь юнымъ лѣтамъ ея. Она была благочестива и кротка, и имѣла многія достоинства. Родители ея убѣдительно просили ее взойти на Англинскій престолъ. Въ день ея коронованія сама мать несла шлейфъ ея мантіи, а родитель ея, Герцогъ Суффолькъ, покушался доставить первѣсъ ея партіи, даже и тогда, когда она находилась уже въ заключеніи и какъ уже нѣсколько мѣсяцовъ приговорена была къ смерти, — предпріятіе, подавшее благовидный поводъ равнымъ образомъ и его предать суду, и вскорѣ послѣ смерти его дочери, подвергнуть казни.

Слѣдующее письмо должно быть писано въ Февралѣ мѣсяцѣ, 1554 года. Извѣстно, что Іоанна Грей во время заключенія имѣла свободную переписку съ родственниками и друзьями своими, и что твердость духа и надежда на

Религію не оставляли ее до послѣдней минуты жизни. И сіе письмо, показывающее рѣдкіе таланты ея, обширныя свѣдѣнія и великость духа, представляемъ здѣсь въ примѣръ:

Лади Іоанна Грей къ Доктору Айльмерсу.

„Наставленія ваши во святой Вѣрѣ, достойный другъ, посѣяли и утвердили во мнѣ правила, обѣщающія намъ и послѣ здѣшней плачевной жизни счастливую будущность; теперь препровождаю къ вамъ изложеніе послѣднихъ мыслей моихъ, начертанныхъ въ годину искушенія, на которое осуждена я. Вотъ уже три мѣсяца, какъ подписанъ Маріею смертный приговоръ моему супругу и мнѣ, чтобъ наказать нещастное девятидневное Правленіе симъ терновымъ вѣнцемъ, обрекшимъ главу мою на жертву смерти. Признаюсь, сначала я полагала, что Марія хотѣла симъ приговоромъ только устрашить меня, и не могла вообразить, чтобъ она пролила кровь родной своей. Равнымъ об-

разомъ казалось мнѣ, что юность моя послужитъ достаточнымъ извиненіемъ, еслибъ и не было доказано, сколь долго противилась я тягостной чести, каковою грозили мнѣ, и что я впала въ погрѣшность единственно отъ того, что желала исполнить волю Герцога Нортумберландскаго, своего шестя. Впрочемъ я пишу ето не для того, чтобы винить предъ вами враговъ моихъ; ибо враги мои суть орудія Провидѣнія — подобно всякому другому событію міра сего, и мнѣ на собственныя мои чувства остается только обращать свои мысли, и состояніе мое, въ нравственномъ и духовномъ отношеніи, ограничивается только внутренними моими способностями."

„Вчера посѣтилъ меня другъ мой, Ашемъ; сначала весьма обрадовало меня присутствіе его; я вспомнила о томъ щастливомъ и пріятномъ времени, которое проводили мы въ чтеніи древнихъ Писателей. Ни о чемъ болѣе не хотѣлось мнѣ съ нимъ бесѣдовать, какъ только о тѣхъ знаме-

нихъ умершихъ мужахъ, творенія коихъ открыли намъ необозримое поле для размышленій. Вамъ нечего сказывать, что Ашемъ важенъ и спокоенъ; онъ, опираясь на преклонность лѣтъ своихъ, переноситъ здѣшнюю многотрудную жизнь; ибо мысляшій старецъ не есть старецъ ветхій. Опытъ и вѣра укрѣпляютъ его; хотя послѣдняя стезя времени и кратка; однакожъ нѣкотораго напряженія и самоуправленія достаточно для того, чтобъ спокойно взирать на мету. Я ближе стою къ етой мецѣ, нежели старецъ; однакожъ скорбь моя должна быть очень велика, что принуждена такимъ образомъ провести послѣдніе дни жизни своей."

„Ашемъ объявилъ мнѣ, что Королева дозволила мнѣ пользоваться чистымъ воздухомъ въ саду темничномъ; не могу описать тебѣ радости, какую произвела во мнѣ вѣсть сія; восхищеніе мое было такъ велико, что другъ нашъ сначала не отваживался прерывать онаго. Мы сошли въ садъ;

нѣсколько времени не препятствовалъ онъ мнѣ наслаждаться красотами природы, которыхъ я совсѣмъ лишена была въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. День былъ зимній, предвозвѣщающій приближеніе весны. Не думаю, чтобъ самая весна такъ сильно оживила воображеніе мое, какъ ещо предчувствованіе возвращенія оной. Деревья обрамляли къ солнцу безлиственныя еще вѣтви свои, луга покрылись уже зеленью, нѣкоторые ранніе цвѣтки благовоніемъ своимъ какъ будто служили предуготовленіемъ къ стройности природы, пока она сама явится въ роскошномъ великолѣпіи своемъ. Воздухъ былъ чрезвычайно чистъ и тихъ; мнѣ представлялось, что въ каждомъ невидимомъ, всемогущемъ дыханіи внимала я гласъ Божій, ежеминутно возбуждавшій во мнѣ новую жизнь. Какое слово произнесла я! Донынѣ жизнь казалась мнѣ собственностію; а теперь вкушаю я послѣднія блага оной, какъ будто прощаюсь съ другомъ предъ разлукою вѣчною. Я съ Ашемомъ по-

дошла къ берегамъ Темзы; мы сѣли подъ кустарникомъ, на которомъ хотя не было еще листьевъ, однакожъ показывались уже почки. Волны блистали отъ лучей солнечныхъ. Сколь ни величественно таковое зрѣлище, однакожъ при взорѣ на теченіе водъ всегда раждается нѣкоторое мрачное чувство, и никогда не можно смотрѣть на нихъ, не погружаясь въ размышленія, приносящія то удовольствіе, что мы возносимся превыше времени, пространства и обстоятельствъ — словомъ, превыше насъ самихъ. Ашемъ, замѣтивъ направленіе моихъ мыслей, вдругъ взялъ мою руку и, орошая ее слезами, сказалъ: „Государыня, каковою всегда васъ почитаю, не уже ли мнѣ суждено увѣдомить васъ о предстоящей вамъ участи? Родитель вашъ тщетно собралъ своихъ приверженцевъ, чтобъ возпротивиться Маріи, по справедливости презираемой Королевѣ, алчущей смерти вашей за любовь, которую повсюду

возбуждаетъ имя ваше.“ — Рыданія прервали слова его.“

„Продолжай, другъ мой“ — сказала я ему — „приведи себѣ на память великихъ мужей, съ твердостію взиравшихъ на смерть; они не проливали слезъ даже и о самыхъ любезныхъ для сердца ихъ людяхъ. Имъ извѣстно было, откуда имѣемъ мы начало, какой нашъ конецъ — этого довольно.“

„Такъ!“ — продолжалъ онъ — „смертный приговоръ вамъ изреченъ; однакожъ я принесъ вамъ вспомогательное средство, избавившее толь многихъ знаменитыхъ мужей отъ гоненія тирановъ.“ — Старецъ, другъ юности моей, трепещущими руками подалъ мнѣ ядъ, которымъ хотѣлъ спасти меня, подвергая собственную жизнь опасности. Мнѣ очень памятно, какъ иногда удивлялись мы оба добровольной смерти Древнихъ; я предалась глубокому размышленію, какъ будто бы вдругъ погасъ во мнѣ свѣтильникъ Христіанства — и мною овладѣла нерѣшитель-

ность, съ которою человѣкъ часто принужденъ бываетъ бороться въ самыхъ маловажныхъ обстоятельствахъ. Ашемъ повергся предо мною на колѣна, преклонилъ украшенную сѣдинами главу свою и, закрывъ одною рукою глаза свои, предлагалъ другою приготовленное имъ для меня послѣднее спасительное средство. Тихо отдалила я руку его, и собравшись съ духомъ, въ состояніи была отвѣтствовать ему." —

„Ашемъ!" — сказала я ему — „вамъ извѣстно, съ какимъ восхищеніемъ читала я съ вами Греческихъ и Римскихъ Мудрецовъ и Стихотворцевъ. Ихъ сильный убѣдительный языкъ, ихъ разительная простота навсегда пребудутъ для меня единственны и несравненны. Общество, въ какомъ состояніи находимъ его теперь, преисполнило большую часть умовъ нищеславіемъ и безразсудствомъ; совѣтъ не спрашатся проводить жизнь механически, безъ всякаго размышленія, не стараются познавать чудесъ вселен-

ной, для того сотворенныхъ, чтобы поучать людей блистательными и непреложными символами. Древніе стоятъ гораздо на высшей степени, нежели мы; что они были, тѣмъ сдѣлались они сами собою; но то, что откровеніемъ внѣдрено въ умы Хріstіанъ, возносится превыше всего человѣческаго. Отъ идеала искусствъ до правилъ, коимъ обязаны мы слѣдовать въ обыкновенной жизни нашей, все должно относиться къ святой Вѣрѣ, и вся цѣль жизни нашей состоитъ въ приуготовленіи себя къ безсмертію. Еслибъ рѣшилась я избавиться смертной казни, на которую осуждена: то примѣромъ своимъ не оживила бы надежды тѣхъ людей, коихъ пронетъ моя участь. Древніе чувствовали духъ свой возвышеннымъ, разсматривая начало свое изъ внутренней силы; напротивъ же того Хріstіане имѣютъ Свидѣтеля, предъ Коимъ они жить и умереть должны. Древніе хотѣли прославить человѣческую природу; Хріstіане почитаютъ себя толь-

ко посланниками Божіими на земли. Древніе почитали главнѣйшею добродѣтелію, избавиться насильственною смертію отъ власти своихъ притѣснителей; а Христіане почитаютъ гораздо важнѣйшимъ, предаться въ волю Провидѣнія. Дѣятельность и терпѣніе были въ разныя времена уважаемы; надобно употреблять въ дѣйство волю свою, если хочешь быть полезнымъ для другихъ и усовершенствовать себя: если судьба гонитъ насъ: то величайшее мужество состоитъ въ томъ, чтобъ ожидать гоненій; гораздо благороднѣе ожидать предопредѣленія, нежели стараться избѣгать онаго. Такимъ-то образомъ душа сосредоточивается въ собственныхъ своихъ знаніяхъ; всякое наружное дѣйствіе болѣе было бы земное, нежели отреченіе."

„Я не намѣренъ" — сказалъ Ашемъ — „спорить съ вами о мнѣніяхъ, коихъ неколебимая твердость можетъ теперь для васъ быть необходимою; меня безпокоитъ только страданія, предуготовляемыя вамъ

судьбою. Въ состояніи ли будете вы перенесть ихъ? Мучительное ожиданіе смертнаго удара не превзойдетъ ли силы ваши въ часъ назначенный? Если сами себя лишите жизни: то не уже ли было бы оное для васъ столь же ужасно?“

„Надобно стараться“ — отвѣчала я — „чтобъ само Провидѣніе паки получило то обратно, что Оно даровало намъ. Безсмертіе начинается уже предъ гробомъ, если спокойно отказываемся отъ жизни; въ такомъ положеніи внутреннія впечатлѣнія, будучи невообразимы, бываютъ гораздо пріятнѣе. Источникъ восторга вдругъ содѣлывается независимымъ отъ окружающихъ насъ предметовъ, и тогда Господь влагаетъ судьбу нашу во внутреннее священилище души нашей.“

„Но для чего хотите вы врагамъ вашимъ“ — сказалъ Ашемъ — „жестокосердой Королевѣ и безчеловѣчной черни выставить себя на гнусное позорище? . . .“ Онъ не могъ докончить.

„Еслибъ вздумала я избѣгнуть неистовства Королевы самоубійствомъ“ — былъ мой отвѣтъ — „то подстрекнула бы тѣмъ гордость ея и не могла бы со временемъ послужить орудіемъ въ ея раскаянію. Кто знаетъ, что настуцитъ ли когда-либо такое время, въ которое мой примѣръ можетъ полезнымъ быть для ближнихъ моихъ? Какъ могу я сама судить о мѣстѣ, какое нѣкогда займетъ память моя въ союзѣ историческихъ событій? Чему бы научила я людей, еслибъ сама себя лишила жизни? Ничему иному, какъ только справедливому презрѣнію, внушаемому насильственною смертію — и гордости, побуждающей насъ избавиться оной. Еслижъ перенесу этотъ ужасный жребій съ твердостію, предлагаемою намъ Вѣрою: то внушу плавателямъ, подобно мнѣ бурею сокрушаемымъ, болѣе довѣренности къ якорю Вѣры, на которомъ и я утверждаюсь.“

„Толпа народная“ — возразилъ Ашемъ — „почитаетъ тѣхъ виновны-

ми, которые умираютъ поносною смертію." — „Ложь" — отвѣчала я — „можетъ обманывать нѣкоторыхъ людей только нѣсколько лѣтъ; народы и столѣтія всегда предоставляютъ торжествовать истинѣ. Добродѣтель всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто вѣчное и безсмертное, и если что мы для нее содѣлаемъ: то всегда достигнемъ моря, сколь бы въ здѣшней жизни малый ручеекъ мы ни составляли. Нѣтъ, я не устыжусь позорной казни, невинность моя укрѣпляетъ меня — и я истребила бы въ себѣ ето чувство, еслибъ насильственно лишила себя жизни."

„Ахъ!" — горестно воскликнулъ другъ нашъ — „что можетъ быть насильственнѣе етой кровавой смерти? . . ."

„Не служитъ ли цѣлебнымъ бальзамомъ для ранъ всѣхъ несчастныхъ кровь мучениковъ?" возразила я.

„Смерть ета" — воскликнулъ онъ — „назначена вамъ людьми и

на вѣнценосную главу вашу устремлена сѣкирою варвара!“

„Другъ мой!“ отвѣчала я ему — „еслибъ въ послѣднія минуты окружали меня знаки высокопочитанія: то могли ли бы они избавить меня отъ ужаса? Украшается ли когда-либо блѣдное чело смерти Царскимъ вѣнцемъ? Не всегда ли бываетъ она вооружена одною и тою же косою? Если обращаетъ она насъ въ ничтожество: то спокоенъ ли прудъ ссорится съ ея тѣнью? Если подъ завѣсою мрака раздается гласъ Божій: то, безъ сомнѣнія, разсѣваетъ день за ея послѣднею ночью, и небо сокрывается отъ взоровъ нашихъ столько вѣкоморыми пустыми призраками.“

„Но знаете ли вы“ — возразилъ трепещущимъ голосомъ ея вѣрный другъ, котораго въ прежнее время видѣла я столь спокойнымъ — „что казнь ея очень мучительна, что она долго продлится, что невидимая рука. . . .“

– „Остановишесь“ — прервала я рѣчь его — „мнѣ ето извѣстно; однакожъ такого случая не послѣдуетъ.“

„Отъ чего такая увѣренность?“

„Она есть слѣдствіе собственной моей слабости. Всегда страшилась я физическихъ страданій, и всѣ напряженія, для преодолѣнія оныхъ, оставались тщетными, а потому и полагаю, что теперь избавлюсь ихъ. Христіанинъ находится подъ таинственнымъ покровомъ даже и тогда, когда кажется совершенно несчастнымъ; а что считаемъ мы сверхъ силъ нашихъ, того почти никогда не случается. Обыкновенно знаютъ человѣка только съ одной наружной стороны; что же въ немъ происходитъ, то можетъ служить предметомъ къ новымъ наблюденіямъ въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. Безбожіе содѣлало духъ поверхностнымъ; смотрятъ только на внѣшность, на случайности, на счастливыя и несчастныя событія; истинное сокровище мыслящей силы, каково есть воображеніе, совершенно

основывается на отношеніяхъ человѣческаго сердца къ Творцу своему; въ этомъ заключаются предчувствованія, предсказанія, чудеса и проч.“

„Послѣ сего долго наблюдали мы молчаніе; сильное безпокойство тревожило меня и такъ смутило, что я не отваживалась обнаружить его.“

„Не видались ли вы съ моимъ супругомъ?“ спросила я наконецъ Ашема.

„Видѣлся,“ — отвѣчалъ онъ.

„Не совѣтовались ли вы съ нимъ о предложеніи, какое намѣрены были мнѣ сдѣлать?“

„Продолжайте,“ — сказала я. — Если Гильфордъ и совѣсть моя несогласны: то какой выборъ представится мнѣ тогда благопріятнѣйшимъ?“

„Лордъ Гильфордъ“ — сказалъ Ашемъ — „ничего не сказалъ рѣшительнаго, что должно вамъ предпринять; что же касается до него: то онъ непремѣнно рѣшился умереть на эшафодѣ.“

„О другъ мой!“ — воскликнула я радостно — „какъ много благодарна я

вамъ, что вы мнѣ самой предоставили сдѣлать выборъ! Еслибъ я прежде узнала о намѣреніи Гильфорда: то не стала бы колебаться ни минуты; одной любви достаточно было бы побудить меня поступать по правиламъ Религіи. Не уже ли могу я отказаться раздѣлять участь такого супруга? Не уже ли стану я избѣгать страданій, коимъ долженъ онъ подвергнуться? Каждый шагъ его къ смерти не показываетъ ли мнѣ пути, по коему и мнѣ должно идти?“

Тогда Ашемъ увидѣлъ, что намѣреніе мое непоколебимо — будучи погруженъ въ уныніе и задумчивость, онъ удалился, обѣщаясь опять навѣстить меня въ непродолжительномъ времени.

Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того пришелъ ко мнѣ ораторъ Фенентамъ духовникъ Королевы, увѣдомить меня, что смертный приговоръ надо мною положено совершить въ слѣдующую пятницу. До того времени оставалось еще пять дней. Признаться, мнѣ

казалось, будто бы я ни къ чему еще не приуготовилась. Такъ-то сильно поразило меня назначеніе дня смерти моей! Я старалась скрыть свои чувствованія; однакожъ Фенелонъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ ихъ, потому что, воспользовавшись моимъ замѣшательствомъ, предложилъ мнѣ помилованіе, если только соглашусь я перемѣнить вѣру свою. Вы видите, почтенный другъ мой, что въ ету минуту Господь Богъ удивилъ ко мнѣ милость Свою; ибо необходимость, отвергнуть толь недостойное меня предложеніе, возвратила мнѣ всю прежнюю твердость.

Докторъ хотѣлъ было вступить со мною въ богословскія состязанія; однакожъ я отклонила его отъ етого, давъ ему почувствовать, что мысли мои весьма разстроились отъ тягостнаго положенія, и что въ послѣдніе дни жизни моей не могу обращать въ пустыя утонченности истину, въ коей тотчасъ удостовѣрился духъ мой, по достиженіи имъ нѣкоторой зрѣлости. Онъ хотѣлъ устрашить

меня объявленіемъ, что послѣ этого не увидится болѣе со мною ни въ здѣшнемъ, ни въ будущемъ мірѣ.

„Еслибъ я повѣрила словамъ вашимъ“ — сказала я — „то вы внушили бы мнѣ бо́льшій страхъ, нежели палачи мои. Для сердца нашего всегда почитается самою истинною та религія, для которой жертвуютъ жизнію своею. При толь важныхъ вопросахъ духъ нашъ всегда легко можетъ заблуждаться, и единственный догматъ, на коемъ утверждаюсь я, есть догматъ жертвы: въ этомъ никогда я не усомнюсь.“

Разговоръ сей съ Докторомъ Фенелгамомъ ободрилъ унылый духъ мой; въ сіе время Провидѣніе даровало мнѣ то, чего желалъ мнѣ Ашемъ — добровольную смерть; хотя я не лишила себя жизни, однакожъ перестала существовать — и ешафотъ, мною одобренный, казался мнѣ теперь алтаремъ, самою жертвою и брачнымъ.

Отказаться отъ жизни, когда не льзя спасти ее на счетъ совѣсти своей,

почитается обыкновеннымъ родомъ самоубійства, предоставленнымъ добродѣтельному человѣку.

Такъ какъ я полагала, что исполнила уже обязанность свою: то и отваживалась утвердить ее на мужествѣ своемъ; однакожъ вскорѣ паки возбудилась во мнѣ къ здѣшней жизни привязанность, въ которой часто упрекала я себя во дни своего щастія. На другой день навѣстилъ меня Ашемъ: мы опять пошли съ нимъ къ берегамъ Темзы, составляющей гордость прекрасныхъ полей нашихъ. Я старалась обратить разговоръ на обыкновенные свои предметы — и прочла нѣсколько прекрасныхъ стиховъ изъ Гомера и Виргилія, которыхъ сочиненія разбирали мы вмѣстѣ; но Поезія много способствуетъ къ возбужденію сильнѣйшей привязанности къ жизни: выражаемое ею привлекательное смѣшеніе мыслей и картинъ, духа и природы, доброзвучнаго языка чувствованій — все сіе возбуждаетъ въ насъ сильныя чувствованія и удивленіе, и отъ всѣхъ-то

сихъ радостей — должна я теперь отказаться. Я обратила разговоръ на важнѣйшія сочиненія Философовъ. Ашемъ почиталъ Платона предвозвѣстникомъ Христіянства; но большая часть древнихъ Философовъ имѣютъ слишкомъ гордое понятіе о мыслящей силѣ человѣческаго духа: силу таковую почитаютъ они толь важною, что желанія ихъ не простираются за предѣлы здѣшней жизни. Они полагаютъ, что посредствомъ важныхъ разсужденій могутъ обрѣсти ее въ себѣ сами. Ахъ! нѣкогда и я находила единственное удовольствіе въ размышленіи о небѣ и геніи природы. При этой мысли снова начала я соболѣзновать о жизни, съ которою скоро должна была разстаться; она представлялась мнѣ въ такомъ образѣ, въ сравненіи съ коимъ будущій міръ казался мнѣ пустымъ и мрачнымъ. Не уже ли вѣчное продолженіе чувствованій столь же драгоцѣнно, какъ и переходъ отъ страха къ надеждѣ, толь разительно возобновляющій самыя лю-

бимыя склонности? Познаніе тайнъ всеобщаго плана доставитъ ли намъ толь неизреченную прелесть, каковую представляетъ завѣса, ее скрывающая? Совершится ль то на самомъ дѣлѣ, что изображаетъ намъ приманчивый блескъ сомнѣнія? Свѣтъ истины доставитъ ли намъ такое наслажденіе, какое сопряжено съ изысканіемъ и открытіемъ оной? Что будетъ съ юностію, надеждою, привычкою, когда остановится теченіе времени?

Я стыжусь заблужденія, въ какую бездну меня страхъ смерти. О другъ мой! чего стоитъ слѣдовать такимъ мыслямъ! Подъ сими пропастями безпрестанно разверзаются другія бездны!

Четыре дни — и меня не будетъ уже на свѣтѣ; птица, летящая въ воздухѣ, переживетъ меня; жизнь моя короче ея жизни. Окружающіе меня предметы сохранятъ видъ свой — онъ меня же ничего не останется на сей землѣ, кромѣ воспоминаній друзей моихъ. Непостижимая тайна духа! предвидя здѣсь конецъ свой, онъ не мо-

жетъ отвратить его! Рука возницы обуздываетъ коней, но духъ ни на минуту не можетъ препобѣдить смерти. Но что я говорю? Лишенный твердости духа и по ту сторону гроба желаетъ только возвращенія настоящей жизни!

О священная смерть, даръ Неба, ты теперь мой Ангелъ хранитель, ты возвращаешь мнѣ потерянное спокойствіе! — Господь Богъ изрекъ надо мною судъ Свой; соединивъ меня паки съ моимъ супругомъ, Онъ ничего не потребуетъ отъ меня сверхъ силъ моихъ, и я, безъ страха и трепета, предаю въ руцѣ Его духъ мой.

ЛУИЗА ЛАБЕ.

Изъ всѣхъ Француженокъ, кои прославились на поприщѣ Словесности, Луиза Лабе есть одна изъ тѣхъ, коей дарованія обращаютъ на себя взоръ просвѣщенныхъ людей.

Умалчивая о частной ея жизни, мы скажемъ только о ея дарованіяхъ, кои всякаго бы заставили пожелать ей, дабы она менѣе жертвовала ученостію для своихъ удовольствій и предпочитала бы имя писательницы имени свѣтской женщины.

Луиза родилась въ Ліонѣ, въ 1526 году, отъ нѣкоего Шарли Лабе; хотя званіе и состояніе его совсѣмъ неизвѣстны, однако думать надобно, что онъ былъ изъ числа военныхъ людей.

Тогда царствовалъ Францискъ I, Государь достойный престола, имъ занимаемаго; будучи увѣренъ, что науки и художества составляютъ славу и благоденствіе Государства, употреблялъ онъ всѣ средства къ возвышенію оныхъ въ своемъ Государствѣ. Гордясь тит-

ломъ возстановителя наукъ, онъ осыпалъ благодѣяніями, отличіями и наградами тѣхъ, кои занимались онѣми. Сестра его, Маргарита Наваррская, показала въ своихъ твореніяхъ все то, что можно было ожидать отъ молодой и достойной Принцессы; всѣ женщины старались слѣдовать ея примѣру. Луиза Лабе еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ показывала пылкія дарованія; отецъ ея ничего не щадилъ для образованія оныхъ.

Музыка и разные языки составляли главное ея занятіе; а притомъ, соображаясь съ тогдашнимъ обыкновеніемъ, дѣвицамъ высокаго только званія приличнымъ, обучалась она и военному искусству, а особенно верьховой ѣздѣ. Быстрые успѣхи увѣнчали ея стараніе — и на пятнадцатой веснѣ своей жизни отличилась она при осадѣ города Перпиньяна, подъ именемъ Капитана Луа.

Намъ неизвѣстна причина, побудившая Луизу къ такому необыкновенному поступку; вѣроятно, что часто-

любивые виды ея отца тому были причиною; однако искусство и храбрость нашей Героини достойны были величайшей похвалы. —

Приступъ не слишкомъ былъ удаченъ, и Перпиньянъ освободился отъ осады; неудача сія заставила Луизу Лабе оставить оружіе и перейти подъ знамена Музъ. — Тогда науки сдѣлались единственнымъ ея занятіемъ; въ Лионѣ всѣ твердили объ ея умѣ и красотѣ.

Многіе достойные люди искали ея руки; но Енемонъ-Перренъ, богатый купецъ, отправлявшій торгъ веревками и канатами, былъ предпочтенъ всѣмъ прочимъ, и съ тѣхъ поръ Луиза была прозвана прекрасною веревошницею; а улица, въ которой она жила, названа ея именемъ.

Если вѣрить стихотворцамъ, кои воспѣвали прекрасную веревошницу: ню ничто не могло сравниться съ правильнымъ расположеніемъ ея лица, съ бѣлизною и со всѣми наружными ея прелестями; если вѣрить всѣмъ

похвалами, коими осыпаютъ быстроту ея ума, привлекательность въ бесѣдахъ и то неизъяснимое удовольствіе, какое чувствовали при ея прелестномъ голосѣ, соединенномъ съ гармоніею лютни — если вѣришь, говорю, ихъ описанію легкости, съ какою она писала и говорила на Греческомъ, Латинскомъ, Испанскомъ и Италіянскомъ языкахъ: то не должно дивиться тому, что ученые и любви достойные люди старались воздавать почтеніе такой совершенной женщинѣ.

Но столь блистательное общество, каковое Луиза Лабе у себя составила, возбудило зависть въ другихъ женщинахъ. Самыя отличныя особы въ городѣ, почитая нашу писательницу только за торговку веревокъ, начали перешептываться на счетъ ея; — не возможно, говорили онѣ, чтобъ она могла привлечь такое общество, не прибѣгая къ хитростямъ кокетки. Сочиненія, изданныя Луизою Лабе, послужили новымъ оружіемъ противъ ея

самой; — ибо по ея сочиненію судили о ея поведеніи.

Еще одно обстоятельство очернило ее въ глазахъ публики. Она была соединена искреннѣйшею дружбою съ одною пріятельницею изъ города Ліона, по имени Клеменціею де Буржъ, которая также была довольно извѣстна. Обѣ пріятельницы наслаждались совершеннымъ согласіемъ: нравы, склонности, вкусъ — всё было одинаково, всё, по видимому, долженствовало увѣковѣчить дружескую ихъ связь. Но ревность разрываетъ столь прекрасные союзы. Луиза измѣняетъ своему другу — и съ тѣхъ поръ непримиримая ненависть раздѣлила сихъ соперницъ. Съ тѣхъ поръ Клеменція старалась находить только одни недостатки въ Луизиныхъ сочиненіяхъ, коимъ такъ часто она удивлялась до разрыва ихъ дружбы, и потомъ издала самую ѣдкую на нихъ критику, которая была еще болѣе поддерживаема непріятелями прекрасной веревошницы.

Оставляя таковыя частныя на нее неудовольствія, мы лучше займемся ея твореніями. Самое лучшее изъ ея произведеній состоитъ въ представленіи Амура, ослѣпленнаго Глупостью, подъ названіемъ: Ссора Глупости съ Амуромъ. Это родъ драмы или разговора, раздѣленнаго на пять частей. — Луиза Лабе предполагаетъ, что Юпитеръ даетъ великолѣпный пиръ, на который приглашаетъ всѣхъ прочихъ боговъ. Амуръ и Глупость встрѣчаются при дверяхъ чертоговъ, куда всѣ гости должны были собраться. Глупость хочетъ взойти напередъ и толкаетъ Амура, перебивающаго у ней дорогу. Онъ сего выходитъ между ими жаркій споръ о преимуществѣ. Амуръ хватаетъ свой лукъ, готовится поразить Глупость; но Глупость мгновенно изчезаетъ, и стрѣла любви остается недѣйствительною. Мщеніе научаетъ Глупость ослѣпить Амура и наложить на глаза его повязку, такъ искусно, чтобы онъ никакъ не могъ

ее скипъ. — Богиня любви требуетъ правосудія; Аполлонъ и Меркурій опредѣлены Адвокатами. Первый защищаетъ дѣло Амура, а другой Глупости. Оба съ пламеннымъ краснорѣчіемъ оправдываютъ свою сторону. Обвиненіе и оправданіе прочтены, и дѣло пошло на голосахъ, но боги были различны въ своихъ мнѣніяхъ, и потому Юпитеръ назначаетъ три собранія касательно сего дѣла, въ теченіи 63 вѣковъ, повелѣвъ ссорящимся до тѣхъ поръ жить вмѣстѣ въ добромъ согласіи, присудя при томъ, чтобы Глупость сопровождала Амура, куда бы онъ ни заблагоразсудилъ итти.

Съ сего времени басня сія была многими переработываема, и даже нѣкоторые писатели себѣ присвоили оную. — Что касается до прочихъ сочиненій Луизы Лабе, то онѣ всѣ состоятъ изъ Елегій и Сонетовъ, изъ коихъ нѣтъ такихъ, которые бы достойны были подражанія.

Луиза Лабе скончалась въ Лионѣ, 1566 года, въ Мартѣ мѣсяцѣ, на сорокъ первомъ году отъ рожденія своего.

ГЕРЦОГИНЯ РЕЦЪ.

Клавдія-Екатерина Клермонъ, Герцогиня Рецъ, родилась въ 1545 году; она была единственная дочь Клавдія Клермонъ, Барона Дампіеръ и Іоанны Вивонъ. Ни одна молодая дѣвица не могла быть свѣдущѣе ея, и никто не могъ лучше доказать, что занятія нимало не вредятъ здоровью, когда къ онымъ привыкаютъ съ юныхъ лѣтъ; хотя она проводила дни и ночи въ изученіи; хотя обучалась основательно Поезіи, Краснорѣчію, Философіи, Математикѣ и Исторіи; хотя она совершенно познакомилась съ Греческими и Латинскими Писателями; но при всемъ томъ она жила почти до шестидесяти лѣтъ, не ощущая ни малѣйшихъ признаковъ опасныхъ болѣзней!

Другіе, безъ сомнѣнія, находятъ много тщеславія въ особѣ, соединяющей въ себѣ столько познаній; но скромная, тихая и привѣтливая Екатерина совсѣмъ не знала сего порока. Она умѣла привлекать къ себѣ мущинъ и женщинъ. Самые невѣжды находили удовольствіе въ ея сообществѣ; ибо имъ представлялось, что съ нею были они умнѣе, нежели съ прочими.

Можно повѣрить, что столь превосходныя качества, украшенныя чрезвычайною красотою, привлекли къ Екатеринѣ толпу обожателей. Іоаннъ д'Аннебо, сынъ Адмирала сего имени, которой почитался самымъ превосходнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, былъ предпочтенъ прочимъ. Супруги наслаждались взаимнымъ благополучіемъ. Но, увы! оно было кратковременно. Франція была тогда терзаема внутренними раздорами, и д'Аннебо потерялъ жизнь на сраженіи при Дре. Тогда всѣ искавшіе руки Екатерины возъимѣли снова надежду, и не

престали воздавать почести прекрасной вдовѣ двадцати-лѣтней. Хотя она и казалась безпримѣрно чувствительною къ смерти своего супруга; но время, которому ничто не противится, осушило сіи слезы, и Альбертъ, Графъ Рецъ, былъ столько счастливъ, что успѣлъ поселить въ нее желаніе вступить вторично въ бракъ. Сей Вельможа былъ знаменитаго дома Гонди-Флорентскаго; послѣдовалъ во Францію за Екатериною Медицисъ: онъ былъ Оберъ-Гофмейстеръ Генриха II; находясь Каммеръ-Юнкеромъ и Фельдмаршаломъ при Карлѣ IX, Герцогомъ и Перомъ при Генрихѣ III, сохранилъ уваженіе къ себѣ при Генрихѣ IV. Однако онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ болѣе совѣтамъ своей жены, нежели блистательнымъ дарованіямъ своимъ, а особливо поведеніемъ во время переговоровъ при Дворахъ Англинскомъ, Берлинскомъ и Польскомъ. Она заняла его мѣсто при Дворѣ и имѣла большое стараніе о удаленіи тѣхъ, кои могли вредить ея супругу.

По необходимости иногда измѣняла она Музамъ, дабы привести въ движеніе пружины самой тонкой политики. Король часто прибѣгалъ къ ней, какъ къ особѣ, знающей иностранные языки — и она была переводчицею Архіепископу Гнесненскому, начальнику Польскаго посольства, который пріѣзжалъ просить Герцога Данжуйскаго на Тронъ. Когда Прелатъ возвращался въ свое отечество: то публично сказалъ, что онъ видѣлъ во Франціи чудо, произведенное для удивленія всей Европы.

Вотъ лучшія черты въ жизни Екатерины.

Супругъ ея былъ въ Италіи, и бунтовщики, пользуясь отсутствіемъ его, старались вовлечь въ свою шайку и союзъ противъ Короля Маркиза де Белиль. Тогда-то Екатерина показала, что ежели бы она имѣла превосходные таланты управлять Государствомъ: то въ ней бы не недоставало твердости и храбрости для поддержанія и защищенія своихъ правъ. Предвидя, что мятежники пойдутъ

для завладѣнія ея помѣстьемъ, она созвала солдатъ и приняла надъ ними начальство. Сія непоколебимость остановила сообщниковъ и удержала подданныхъ въ повиновеніи къ своему Государю. Генрихъ IV, сей великій Монархъ, который умѣлъ лучше всѣхъ узнавать истинное мужество, почтилъ Героиню своими похвалами и осыпалъ благодѣяніями.

Екатерина наслаждалась самою счастливѣйшею судьбою. Не желая себѣ почестей и славы, она имѣла пріятное удовольствіе воспитывать при себѣ своихъ дѣтей, пламенѣвшихъ страстію ей подражать. Она уже приближалась къ тѣмъ лѣтамъ, въ которыя цѣнятъ мнѣнія свѣта настоящею цѣною, и гдѣ душа, взявши полетъ выше и доспѣйнѣе ея, стремилася къ высочайшимъ мыслямъ и надеждамъ болѣе основательнымъ. Религія приняла Герцогиню въ свои объятія, и въ нѣдрахъ оной заслужила она славу гораздо твердѣйшую. Она воздвигла близъ пре-

краснаго залива, недалеко отъ Манша, храмъ и положила основаніе Кордельерскому монастырю. Супругъ ея умеръ въ 1602 году. Она пережила его нѣсколькими мѣсяцами и скончалась въ Февралѣ, 1603 года. Тѣло ея было несено къ дочерямъ *Богородичнымъ*, и тамъ положено близь ея матери. Гробница ея видна была еще въ сей капеллѣ до революціи.

Герцогиня Рецъ имѣла десятерыхъ дѣтей, четырехъ сыновъ и шесть дочерей, изъ коихъ четыре выданы счастливо за мужъ, а двѣ послѣднія поступили въ монахини и показали всѣ добродѣтели своей матери въ своихъ монастыряхъ. Третій сынъ Герцогини, Іоаннъ Францискъ Гонди, былъ первымъ Архіепископомъ въ Парижѣ.

Г Ж А. С Т А Л Ь.

Графиня Сталь, извѣстная до своего замужства подъ именемъ дѣвицы де Лоне, родилась въ Парижѣ, около 1600 года. Ея отецъ былъ живописецъ, который принужденъ былъ удалиться въ Англію; но мать ея, не могшая привыкнуть къ суровому климату сего острова, возвратилась во Францію, гдѣ и родила дѣвицу де Лоне. Не имѣя никакихъ способовъ къ содержанію, безпомощная и бѣдная мать сія почла за величайшее счастіе то, что ей безъ платы позволено жить первые два года въ Руанскомъ монастырѣ Св. Людовика, пока дочь ея была на рукахъ у кормилицы. По истеченіи сего времени, Гжа де Лоне почувствовала живѣйшее безпокойство объ участи своей дочери; но Игуменья того монастыря, Гжа. Грье, разсѣяла оное, взявшись съ охотою воспитать ея дочь у себя. Такимъ образомъ дѣвица де Лоне получила воспитаніе гораздо лучше того,

нежели какого она могла надѣяться даже у своего отца. Вотъ какъ она сама говоритъ объ сей епохѣ своей жизни:

„Со мною случилось противное тому, что пишутъ въ романахъ. Героиня романа, воспитываясь простою пастушкою, дѣлается знаменитою Царицею; а я, будучи воспитана, какъ прилично знатной особѣ, узнала въ послѣдствіи свое ничтожество и нищету. Не будучи заранѣе приготовлена къ бѣдности, не могла сносить униженія, до котораго въ послѣдствіи была доведена."

Заботливыя попеченія и особенное уваженіе содѣлали щастливымъ младенчество дѣвицы Лоне. Она имѣла разныхъ учителей, но едва достигла шого возраста, когда для нее сколь бы пріятно было изъявить благодарность своей благодѣтельницѣ, и увидѣть ее наслаждающеюся плодомъ своихъ стараній, какъ смерть похитила у нея покровительницу ея. Въ то время ей было около шестнадцати или

семнадцати лѣтъ. Сія смерть, которую она столь живо чувствовала, привела ее въ самое жалкое состояніе.

Дѣвица де Лоне писала къ Аббату Верто, прося его принять участіе въ ея бѣдствіи, представляя въ своемъ письмѣ, что у нее ничего не остается, кромѣ воздуха, которымъ она дышетъ. Аббатъ немедленно прислалъ вексель въ пятьдесятъ пистолей; но Лоне, не желая ничего принимать, чего она не надѣялась со временемъ возвратить, отослала назадъ сей вексель.

„Я лучше, говоритъ она, рѣшусь сносить бѣдность, лучше пойду въ услуженіе, нежели нарушу свои правила; я твердо увѣрена, что только собственныя наши дѣла могутъ насъ унизить. Я бы не знала сама себя, если бы не подвергнулась сему испытанію: оно показало мнѣ, что мы уступаемъ нуждѣ не столько по ея важности, сколько по собственной слабости своей.“ —

Между тѣмъ дѣвица де Лоне прибыла въ Парижъ, гдѣ сестра ея служила у Герцогини де ла Ферто. Однажды съ торопливостію прибѣжала къ ней сестра, объявляя ей, что она можетъ сдѣлаться счастливою.

„Сестра моя, говоритъ дѣвица де Лоне, однажды приходитъ ко мнѣ, объявляетъ мнѣ, что она, идучи въ Версаль съ Герцогинею, разсказала ей на дорогѣ, что она имѣетъ младшую сестру, которая воспитывалась въ монастырѣ и которая знаетъ все, что только можно знать; она вычислила ей науки, коверкая ихъ названія и утверждая, что я знаю всѣ оныя. Сестра моя, не учившись ничему, легко могла повѣрить, что я все знаю; а какъ и Герцогиня была не ученѣе ея: то приняла ето за правду и почитала меня чудомъ. Прибывши въ Версаль, она во сто разъ увеличила сказанное ей. Сестра моя сказала мнѣ, что необходимо нужно явиться къ ея Госпожѣ и поблагодарить ее. Я, не имѣя приличнаго платья, заняла

одое на два часа, и отправилась съ сестрою. Мы пошли къ Дюшессѣ, какъ скоро она пробудилась; ей приятно было меня видѣть, и я показалась ей прекрасною. Она въ своемъ предубѣжденіи не могла иначе судить обо мнѣ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, на которые отвѣчала я очень просто, а можетъ быть, и нескладно — въ самомъ дѣлѣ, сказала Дюшесса, она говоритъ безподобно. Вотъ — кстати — она можетъ мнѣ написать письмо къ Гжѣ. Демаре. Ето сей часъ надобно сдѣлать. Вотъ вамъ бумага. Вы только пишите, сударыня. Что же писать? спросила я съ безпокойствомъ. Ето вы можете выразить, какъ вамъ угодно, отвѣчала она, только надобно получше. Мнѣ хочется, чтобъ она сдѣлала по моему требованію. Но должно, сударыня, знать то, что вы хотите сказать ей. — Совсѣмъ не надобно! Вы знаете. — Я не знала ничего, и напрасно старалась получить отъ нее истолкованіе. Наконецъ, собравъ всѣ ея несвязныя слова, нѣсколько отгадала

ея мысли, но немного отъ того получила пользы; ибо я не знала, какъ написать адресъ, и притомъ видѣла, что она не можетъ отличить грубой ошибки отъ самой простительной. Однако я взяла бумагу, и начала писать, между тѣмъ, какъ она занималась собою предъ своимъ туалетомъ; я сама не знала, о чемъ писала, но кое-какъ наудачу смастерила письмо, и подала оное, не будучи увѣрена въ успѣхѣ. Прекрасно! Вотъ точно такъ, какъ я приказала! Но ето удивительно, какъ она угадала мои мысли! Генріетта, ваша сестра, приводитъ меня въ изумленіе. О! когда пишетъ такъ хорошо, то пускай она напишетъ еще другое письмо къ моему повѣренному, а между тѣмъ я стану одѣваться. На сей разъ не надобно было спрашивать: она сама забросала меня словами такъ, что съ какимъ вниманіемъ ни слушала ее, я не успѣвала слѣдовать за нею, и находилась въ большемъ еще затрудненіи, чѣмъ прежде. Она часто повторяла мнѣ о

своемъ повѣренномъ и стряпчемъ. Они оба мнѣ были неизвѣстны — и я, по несчастію, одного назвала именемъ другаго. Дѣло хорошо изъяснено, сказала она мнѣ, прочитавъ письмо; но я не понимаю, что вы, будучи столь умны, стряпчаго назвали именемъ моего повѣреннаго. Симъ самымъ открыла она предѣлы моего ума; къ щастію, я не совсѣмъ лишилась ея уваженія. Она отправлялась въ Версаль. Я слѣдовала за нею до ея кареты. Она сѣла въ оную съ моей сестрой, и уже хотѣли затворить дверцы, я избавилась отъ страха, какъ вдругъ она сказала моей сестрѣ: мнѣ кажется, что не худо ее взять съ собою. Садитесь, садитесь, сударыня, я хочу представить васъ Гжѣ. де Ванпадуръ. Я была поражена симъ предложеніемъ; болѣе всего приводило меня въ страхъ то, что меня только на два часа ссудили платьемъ. Я страшилась, чтобы въ немъ не объѣхать вокругъ всего свѣта — ето могло статься. Не смотря на сіи разсужденія, не было

средства уйти, не льзя было противиться; я сѣла въ карету съ спѣсненнымъ сердцемъ; она не примѣтила моего смущенія. Дорогою она занималась разговорами и говорила вдругъ о множествѣ предметовъ, которые не имѣли между собою никакой связи. Между тѣмъ ея рѣчь была столь жива, натуральна и пріятна, что ее можно было слушать съ величайшимъ удовольствіемъ. Сдѣлавши мнѣ нѣсколько вопросовъ, и не выслушавъ отвѣтовъ моихъ, она сказала мнѣ: такъ какъ вы столь много знаете: то вѣрно можете предсказывать будущее. Это я лучше всего люблю. Я отвѣчала ей, что нималѣйшаго понятія не имѣю о сей наукѣ. Но за чѣмъ вы учились другимъ наукамъ, которыя ни къ чему не служатъ? Я увѣряла ее, что не знаю ни одной. Но она не слушала меня и стала выхвалять Геоманшику, Хиромантію и проч.; изчисляла мнѣ всѣ предсказанія, ей сдѣланныя, коихъ событія она ожидаетъ, присовокупляя къ этому множество досто-

памятныхъ повѣстей; разсказывала сонъ, видѣнный ею въ прошедшую ночь, и множество другихъ также значительныхъ, которые рано или поздно должны сбышься. Я была представлена Дюшессѣ де Ванпадуръ, которая приняла меня очень хорошо и говорила о моей матери, которая была гувернанткою дочери ея. — На другой день поѣхала къ Дюшессѣ де Нуаль, — велѣла и мнѣ быть туда. Я пришла. Вотъ, сказала она Дюшессѣ, вотъ та умная и всевѣдающая особа, о которой я вамъ говорила. Поди, сударыня, скажи намъ что-нибудь, а вы послушайте, какъ она умно говоритъ. Но видя, что я ничего не отвѣчаю, и что мнѣ надобно было помочь, такъ какъ въ музыкѣ помогаютъ прелюдіею, она сказала мнѣ: поговорите сначала о божествѣ, а послѣ о другомъ предметѣ.

„Сія смѣшная сцена была повторяема почти во всѣхъ домахъ, въ кои она меня возила; меня можно сравнить съ обезьяной, или съ другимъ

животнымъ, котораго водятъ для показу."

Посѣщая домы, дѣвица де Лоне познакомилась съ Г. Малезье, который жилъ въ Сео, у Дюшессы дю Менъ. Его стараніемъ она была принята въ горничныя къ сей Госпожѣ. Не смотря на отвращеніе ея отъ сей должности, она не могла не принять оной, надѣясь, что ея проворство освободитъ ее отъ сего рода жизни.

Вотъ какъ она сама разсказываетъ о томъ, какимъ образомъ отправляла она должность горничной:

„Когда я вступила въ услуженіе: то мнѣ препоручено шить рубашки. Я находилась въ величайшемъ затрудненіи, и весь тотъ день старалась выполнить сіе важное дѣло. Дюшесса дю Менъ, надѣвъ свою рубашку, увидѣла, что я не умѣла вшить локтя. Въ первой разъ подавая ей пить, я облила ее водою. Она мнѣ приказала однажды подать румяны и чашку съ водою, которая была на ея туалетѣ; я вошла въ ея комнату, и

не знала куда обратиться; Принцесса де Гизъ, которой случилось проходить тамъ, удивилась моему безпокойству: что вы тутъ дѣлаете? сказала она мнѣ. Ахъ, сударыня! отвѣчала я: румяны, чашка, туалетъ — я ничего этого здѣсь не вижу. Сжалясь надъ безпамятствомъ моимъ, она вложила въ мою руку то, чего бы я безъ ея помощи не сыскала. Гжа. дю Менъ, будучи у своего туалета, спросила, гдѣ ея пудра? Я взяла ларчикъ за крышку, и онъ какъ нарочно упалъ изъ моихъ рукъ. Вся пудра высыпалась на туалетъ и на Герцогиню, которая мнѣ очень тихо сказала: если вы беретесь какую-нибудь вещь: то берите ее за низъ; я зашвердила наставленіе сіе такъ, что черезъ нѣсколько дней, желая осмотрѣть свой кошелекъ, я ухватилась за дно, и очень удивилась, что изъ него высыпалось на полъ нѣсколько луидоровъ.“ —

Довольно рѣдкое произшествіе извлекло дѣвицу де Лоне изъ неизвѣстности, въ которой она жила у Дю-

шессы дю Менъ. Дѣвица Тетаръ, которая представляла изъ себя бѣснующуюся, привела весь Парижъ въ движеніе.

Г. де Фонтенель находился въ числѣ любопытствующихъ. О семъ-то предметѣ дѣвица де Лоне написала превосходное письмо, которое читали во всѣхъ обществахъ. Дюшесса дю Менъ возхищалась симъ, и будучи покровительницею талантовъ, она уволила дѣвицу де Лоне отъ ея должности и удостоила ее особенной своей довѣренности.

Благоволеніе сіе дорого стоило дѣвицѣ де Лоне. Она впала въ немилость у Дюшессы и была посажена въ Бастилію за то, что будто бы участвовала въ нѣкоторыхъ тайныхъ сообществахъ. Туда препроводили ее зимою, въ семь часовъ вечера. Вотъ какъ она сама описываетъ отведенную ей комнату:

„Прошедши подъемные мосты, гдѣ слышенъ былъ непріятный стукъ цѣпей, ввели меня въ просторную комнату, въ которой стѣны были замараны и изни-

саны углемъ отъ бездѣлья моими предшественниками. Въ мебели былъ такой недостатокъ, что насилу отыскали небольшой стулъ и два камня для разведенія огня. Къ стѣнѣ прилѣпили огарокъ свѣчи. Такимъ образомъ доставивши мнѣ всѣ сіи потребности, начальникъ удалился, и я услышала, что меня заперли пятью или шестью замками и двумя желѣзными запорами."

Черезъ два года, дѣвица де Лоне была освобождена. Она хотѣла вступить въ духовное званіе; но Дюшесса дю Менъ возпротивилась тому и выдала ее за мужъ за Г. Сталь, Лейтенанта Швейцарской гвардіи, бывшаго послѣ Фельдмаршаломъ. Съ сего времени, дѣвица де Лоне сдѣлалась Сташъ-Дамою Дюшессы, кушала у нее и ѣздила въ ея каретахъ.

Гжа. де Сталь сочинила также двѣ комедіи, подъ названіемъ: *Наслажденіе* и *Мода*, которыя не были никогда представлены.

Поелику записки Гжи. Сталь доведены только до ея замужства: то мы ничего не знаемъ о прочихъ подробностяхъ ея жизни. Она умерла въ Іюнѣ, 1750 года.

Говорятъ, что она въ свѣтѣ не такъ была любезна, какъ въ своихъ сочиненіяхъ. Вотъ портретъ ея, ею самою написанный:

„Лоне средняго росту, тонка, суха и неприятна. Ея нравъ и умъ сопутствуютъ ея наружности. Въ нихъ нѣтъ ничего страннаго и ничего пріятнаго. Бѣдность много послужила къ возвышенію достоинствъ ея. Предубѣжденіе, что тѣмъ, которые не могутъ гордиться ни знатною породою, ни богатствомъ, не льзя получить хорошаго воспитанія — сіе предубѣжденіе и малѣйшія достоинства дѣлаетъ великими. Однако она получила отличное воспитаніе и нашла въ немъ все, что только можно имѣть лучшаго, какъ-то: основанія добродѣтели, благородныя чувства и правила, какъ должно вести себя, и все сіе

навыкъ сдѣлалъ ей какъ бы врожденнымъ. Глупость ея состояла всегда въ томъ, что она хотѣла быть разумною; и подобно женщинамъ, которыя, стѣсняя свое тѣло, почитаютъ себя красивыми, она также, имѣя ограниченный разумъ, слишкомъ много объ немъ думала. Между тѣмъ она никогда не могла укротить пылкости своего нрава, ни даже скрыть онаго, что и дѣлало ее непріятною Вельможамъ, тягостною въ обществѣ и несносною подчиненнымъ. Къ счастію, не многіе были подвержены ея гнѣву. Со всѣми сими недостатками, ей удалось снискать нѣкоторую славу, и сему она одолжена только двумъ случаямъ, изъ коихъ одинъ показалъ ея умъ, а другой скромность ея и нѣкоторую твердость. Сіи два случая вывели ее изъ неизвѣстности, въ которой она находилась, и снискали ей почтеніе выше ея состоянія. Она старалась не тщеславиться, но самая даже увѣренность, что она не имѣла сей слабости, есть уже нѣкоторое хвастовство.

„Она проводила свою жизнь въ важныхъ занятіяхъ, болѣе для образованія ума, нежели для украшенія сердца, хотя послѣднее она гораздо болѣе уважала. Она много читала, однако знаетъ только необходимое, чтобы понимать другихъ, о чемъ бы ни говорили, и чтобъ самой не кстати не болтать. Она прилежно старалась узнать свои обязанности, всегда уважала ихъ, и для нихъ лишала себя часто удовольствій. Она только въ томъ угождала себѣ, что не дѣлала угожденія другимъ. Въ этомъ она слѣдовала своей неизмѣняемой склонности, которую ея положеніе нѣсколько ослабило, но не могло уничтожить дѣйствующей пружины.

„Любовь къ свободѣ есть господствующая ея и вмѣстѣ самая пагубная страсть; ибо она большую часть жизни своей провела въ рабствѣ; такимъ образомъ ея состояніе всегда для нее было несносно, не смотря на непредвидимыя пріятности, которыя въ немъ могла она получить.

Она всегда была склонна къ дружеству; однако въ друзьяхъ своихъ болѣе любила заслуги и добродѣтель, нежели привязанность ихъ къ ней — всегда прощая имъ, когда они были въ чемъ-нибудь предъ нею виновны, только бы не измѣнили собственному своему долгу."

ДѢВИЦА ДЕ ЛАМУАНЬЕНЪ.

Изо всѣхъ путей, ведущихъ ко славѣ, путь, избранный дѣвицею Ламуаньёнъ, безпрекословно, есть самый знаменитый. Добрыя качества сердца имѣютъ преимущество предъ талантами ума — и женщина, прилагавшая всевозможное стараніе о благосостояніи воспитательнаго дома и дома милосердія, женщина, которая была во всю свою жизнь матерью бѣдныхъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ болѣе правъ на благодарность людей, нежели любимицы побѣды или Музъ, оста-

вившія по себѣ одну пустую память нѣкоторыхъ блистательныхъ подвиговъ, или отличныхъ своихъ дарованій.

Магдалина де Ламуаньёнъ родилась въ Парижѣ 18го Сентября, 1609 года. Она была дочь Хрістіана де Ламуаньёнъ, Президента въ Парламентѣ Парижскомъ, и Шарлотты Безансонъ. Гжа. Ламуаньёнъ, по излишней своей набожности, не радѣла о воспитаніи дочери; но Небо, посѣявшее въ юномъ сердцѣ ея сѣмя добродѣтелей, замѣнило сей недостатокъ. На девятомъ году своего возраста она была столь свѣдуща въ Законѣ Божіемъ, что Францискъ Сальскій, духовникъ ея матери, удостоилъ ее въ первой разъ приобщенія Святыхъ Таинъ. На пятнадцатомъ году, отецъ ея, единственно помышлявшій о доставленіи хорошаго состоянія своей дочери, сообщилъ ей свое намѣреніе, выдать ее за мужъ. Магдалина, почитавшая замужство неволею, отговаривалась отъ того, представляя свою молодость и то, что она безъ жесточайшей пе-

чали не можетъ оставить отеческаго дома. Сіи причины успокоили на нѣкоторое время Гна. де Ламуаньёна; но когда дочь его достигла того возраста, когда надлежало рѣшиться на что-нибудь, онъ усугубилъ свои домогательства, и увидѣлъ, къ величайшей своей горести, что дочь его съ тѣмъ же упорствомъ отказывается отъ всѣхъ его предложеній.

Духовное званіе не болѣе нравилось дѣвицѣ де Ламуаньёнъ, какъ и замужство. Она опасалась принять на себя обязанности на всю жизнь, словомъ, она любила свободу.

Явившись въ свѣтъ, и вошедши въ общество Принцессы Шарлотты Монтморанси, она вскорѣ отличилась тамъ живостію своего ума, скромностію, учтивостію и нѣжностію, придававшею разговорамъ ея привлекательность. —

Такія качества и прелести обратили на нее вниманіе всѣхъ людей, вхожихъ въ самыя блестящія общества. Она симъ не ослѣпилась, но

сверхъ того, что самое заставило ее сдѣлать нѣкоторыя благоразумныя разсужденія: она думала, что легко можетъ подвергнуться величайшимъ опасностямъ, и шѣмъ легче, что онѣ скрываются подъ обманчивою наружностію. И такъ рѣшилась она оставить большой свѣтъ, и сіе намѣреніе выполнила скрытно.

Между шѣмъ отецъ ея повторялъ ей всякой день, чтобъ она выбрала родъ жизни. Правда, онъ не хотѣлъ ее принуждать, но просьба отца не столько ли сильна, какъ и самое приказаніе для сердца, исполненнаго дѣтской любви? Дѣвица Ламуаньёнъ чувствовала внутреннюю склонность быть, по примѣру своей матери, подпорою и утѣшеніемъ нещастныхъ. Сей образъ жизни, свойственный замужней женщинѣ, не приличествовалъ дѣвицѣ, а особливо дѣвицѣ знатнаго происхожденія. Такимъ образомъ, не смѣя открыть своего сердца родителямъ и не желая обнаружить своей склонности — но чтобъ

по крайней мѣрѣ могли нѣкоторымъ образомъ отгадать оное, она прибѣгнула къ своей матери, и старалась подражать ей въ ея благотворенiи. Человѣколюбивыя занятiя и удовольствiе, дѣлать другимъ добро, усилiвъ ея склонность, заставили ее посовѣтоваться съ Гмъ. Екюйе, своимъ духовникомъ, который одобрилъ ея намѣренiе.

Г. Ламуаньёнъ съ прискорбiемъ видѣлъ, что дочь его не хотѣла оставить своего плана, который трудно было выполнить не нарушая приличiй. Однако, по прошенiю нѣкоторыхъ друзей, онъ согласился на то съ условiемъ, чтобъ дочь ничего не предпринимала безъ согласiя матери. — Сiе условiе, препятствовавшее усердiю дѣвицы Ламуаньёнъ, которая отъ природы была сострадательнѣе своей матери, казалось ей тягостнымъ; но она приняла оное и старалась только о томъ, чтобъ вѣрнѣе узнать число и нужды бѣдныхъ. Какъ скоро она освѣдомлялась о чемъ - нибудь: то объявляла о

семъ своей матери, и вмѣстѣ съ нею развѣдывала о имени и жительствѣ тѣхъ, коимъ хотѣли онѣ помочь. Наконецъ состраданіе ихъ къ ближнимъ довело ихъ до того, что все имѣніе было у нихъ общее съ бѣдными, и часто, когда семейство ихъ садилось за столъ, то нечего было ѣсть, ибо все роздано было бѣднымъ. Г. Ламуаньёнъ и его сынъ привыкли къ сему благочестивому образу жизни такъ, что они первые стали надъ тѣмъ смѣяться, и послѣ, садясь за столъ, они посылали на кухню узнать, оставлено ли что-нибудь для нихъ. —

По смерти Г. Ламуаньёна, дочь его воспользовалась своею свободою, и простерла свои благодѣянія на всѣхъ несчастныхъ; въ то время завела она у своей матери общество для вспоможенія бѣднымъ, и тогда-то она употребила всѣ свои старанія о приведеніи въ лучшее состояніе воспитательнаго дома. Не возможно изчислить всѣхъ ея добрыхъ дѣлъ во время войны, которую нанесли жестокость,

корыстолюбіе и слабость Анны Австрійской. Довольно сказать, что она обожаема была народомъ, и нѣкогда однимъ присутствіемъ спасла брата своего, который несчастнымъ случаемъ едва не сдѣлался жертвою бѣшенства народа, во время скудной раздачи хлѣба.

Среди сихъ смутныхъ обстоятельствъ, дѣвица Ламуаньёнъ лишилась своей матери. Не льзя умолчать о томъ, что случилось при ея похоронахъ. Гжа. де Ламуаньёнъ въ завѣщаніи своемъ приказала, чтобы тѣло ея было отнесено въ Сен-Дени, недалеко отъ Парижа, гдѣ былъ погребенъ отецъ ея, и гдѣ хранилось сердце ея супруга; однако оно прежде было препровождено въ Сентъ Лю, въ ея приходскую церковь. Бѣдные и нѣкоторые городскіе жители, узнавшіе, что они скоро лишатся драгоцѣннѣйшаго своего залога, вооружились, и не смотря на представленія Г. Ламуаньёна, который хотѣлъ исполнить послѣднюю волю матери, они отняли

тѣло, и заключили его въ погребъ. Г. Ламуаньёнъ принесъ жалобы, но, по благоразумнымъ совѣтамъ Гна. Бриньона, главнаго Адвоката, который представлялъ ему, что онъ долженъ уступить столь сильному усердію дружбы и благодарности, онъ потребовалъ только сердце матери, которое и было ему отдано.

Дѣвица Ламуаньёнъ чувствовала живѣйшую печаль. Она удалилась въ монастырь, чтобы на свободѣ оплакивать смерть своей матери. Друзья ея прибѣгли къ невинной хитрости, чтобъ возвратить ее нещастнымъ, приведеннымъ въ отчаяніе ея удаленіемъ.

Дѣвица Ламуаньёнъ возвратилась къ своему брату. Заведеніе больницъ Бисерской и Сильпетріерской было предметомъ всѣхъ ея стараній. Безъ нее, сіи двѣ больницы не могли бы существовать. Король далъ домы, но сего не было довольно. Надлежало сдѣлать ихъ способными къ помѣщенію больныхъ, и одинъ взглядъ

на сіи расходы устраталъ всякаго. Потребно было бо тысячь ефимковъ для устроенія внутренности, что и заставило отложить сіе заведеніе до тѣхъ поръ, пока не будетъ готова сія сумма.

Нещастныя обстоятельства того времени всѣ усилія дѣвицы Ламуаньёнъ къ доставленію сей суммы содѣлывали тщетными. Великодушная сія дѣвица, которая просить для себя самой почла бы за низость, сносила всѣ отказы знатныхъ людей, изъ коихъ одни не допускали ее, а другіе принимали самымъ унизительнымъ для нее образомъ, заставивъ ее дожидаться около двухъ часовъ въ своей передней.

Отчаявшись въ успѣхѣ своихъ стараній, дѣвица Ламуаньёнъ пошла къ Гжѣ. де Бюльонъ, своей пріятельницѣ, вдовѣ главнаго казначея. Она разсказала ей о своемъ затрудненіи, и была столько счастлива, что заставила ее принять участіе въ своихъ намѣреніяхъ. Первое посѣщеніе тѣмъ и кончилось; но въ другой разъ она

ее непримѣтнымъ образомъ заставила спросить, сколько ей нужно. Шестьдесятъ тысячь ефимковъ, отвѣчала дѣвица Ламуаньёнъ, которыя я бы охотно унесла у васъ. — Извольте же сдержать свое слово, сказала Гжа. де Бюльонъ, унесите ихъ такъ, чтобъ никто не примѣтилъ. Дѣвица де Ламуаньёнъ съ восхищеніемъ беретъ деньги и уходитъ. Но на дорогѣ, изнемогши отъ тяжести, она принуждена была остановиться и отдохнуть. Къ счастію, одинъ ея пріятель, проходя мимо, увидѣлъ ея затрудненіе, взялъ у нее половину тяжести и проводилъ ее до дому.

Ободренная таковымъ успѣхомъ, дѣвица де Ламуаньёнъ стала собирать подаяніе во всѣхъ домахъ въ Парижѣ. Всѣ соотвѣтствовали ея усердію, и не было ни въ чемъ недостатка къ начатію сего заведенія, единственнаго предмета ея желаній. —

Между тѣмъ слава о такомъ ея сострадніи къ бѣднымъ достигла до ушей Короля, который избралъ ее по-

средницею въ своихъ благотвореніяхъ. Часто видали, что она, выходя изъ Лувра, посѣщала бѣднаго, коему оказывала нужную помощь, изливая на него всѣ свои благотворенія. — Но кто можетъ изобразить трогательное зрѣлище, которое представлялось при ея возвращеніи? Тамъ больной ожидалъ отъ нее вспоможенія, здѣсь купецъ, разорившійся отъ несчастнаго случая, спрашивалъ у нее о средствахъ возстановить свою торговлю. Тамъ видите вы сироту, котораго она воспитываетъ какъ собственнаго своего сына. Здѣсь видите вы бѣдныхъ дѣтей, которымъ она доставляетъ способы къ ученію; а тамъ далѣе старика, имѣющаго позволеніе каждый день обѣдать у нее, и несчастныхъ должниковъ, пользующихся ея поручительствомъ. Но удивительнѣе всего, что у нее различіе религіи не дѣлало никакого изключенія и что она всѣхъ несчастныхъ, требовавшихъ ея милости, почитала братьями, имѣющими равное право на ея помощь.

Хотя она вела жизнь строгую и исполненную забот, при всем том всегда наслаждалась хорошим здоровьем. Кажется, что Небу угодно было хранить ея здравіе для несчастных, имевших величайшую в ней нужду. Она видела, что нечувствительно изчезала ея фамилія, и что от нее уже недалек тот роковый предел, с коим сближает нас всякой шаг наш. Она страшилась смерти, и даже добродетельныя дела ея не могли излечить ее от сего страха. Она занемогла, и сперва чувствовала только слабое давленіе в груди, но вскоре болезнь ея сделалась опасною. Никто не осмеливался объявить ей об ея опасности. Сначала она нимало о сем не безпокоилась, но после видя, что друзья не оставляли ее и что они, сверх обыкновенія, прилагали об ней свои старанія, стала подозревать и спросила о причине их смущенія, которое примечено было на их лицах. Отец Дюбоа, духовник ея, некоторым обра-

земъ объявилъ ей о причинѣ сего; на что она съ твердостію отвѣчала, что они напрасно скрываютъ отъ нее ея опасность въ то время, когда она совершенно себя предала волѣ Божіей. Пользуясь такимъ расположеніемъ духа ея, приобщили ее Святымъ Тайнамъ. Въ ту минуту дѣвица де Ламуаньёнъ казалась спокойною, и въ ту же ночь привела въ порядокъ временныя свои дѣла и разпредѣлила оставшіяся у ней деньги. Думаютъ, что не были ею забыты и Сестры милосердія, которыхъ она всегда нѣжно любила. Наконецъ на разсвѣтѣ дня она заснула, послѣ чего пребыла нѣсколько минутъ въ чувствѣ. Но какъ боль не позволяла ей лежать въ постелѣ: то она спокойно умерла въ креслахъ 14 Апрѣля, 1687 года, на рукахъ славнаго Бурдалу, который въ то время былъ у нее. Она жила 78 лѣтъ.

Не льзя описать той скорби, которую причинила ея смерть. Всѣ несчастные, на колѣняхъ, обративъ

къ Небу взоръ и руки, умоляли Бога о возвращеніи имъ матери. Они желали еще вкусить горестное удовольствіе видѣть ее; ихъ требованія были столь сильны, что принуждены были отворить ворота, и два дни спереть тѣло славной ихъ попечительницы. Наконецъ отнесли ее въ монастырь Францисканцевъ, гдѣ были погребены ея предки; а сердце ея было отдано Сестрамъ милосердія.

Таковъ былъ конецъ сей несравненной женщины, которой не льзя принесть достойной жертвы, и съ которою не льзя сравниться въ добродѣтеляхъ! Чтеніе ея жизни да внушитъ въ сердца молодыхъ людей любовь къ благотворенію и да убѣдитъ ихъ, что только любя и помогая ближнему, можемъ мы вкушать истинное счастіе въ сей жизни и надѣяться получить вѣчное блаженство въ будущей! —

ГЖА. ДЕ МОТТЕВИЛЛЬ.

Франциска Бертю, Гжа. Моттевилль родилась въ Нормандіи въ 1615мъ году. Она была дочь Петра Бертю, владѣтельнаго помѣщика Нуаси, бессмѣннаго Королевскаго Каммерь-Юнкера, и Луизы Бессинь де Мальгонвилль. Мать ея, которая знаніемъ Испанскаго языка приобрѣла довѣренность Королевы Анны Австрійской, пользуясь благосклонностію ея, опредѣлила дочь свою при ней. Дѣвица Бертю, одаренная красотою и получившая хорошее воспитаніе, безъ всякаго труда снискала любовь Королевы; но, не смотря на ея молодость, и она подвергнулась немилости.

Возвратясь въ Ирландію съ своею матерью, дѣвица Бертю соединилась узами брака съ Президентомъ де Моттевиллемъ, отличнымъ по своимъ заслугамъ чиновникомъ. Черезъ два года, она овдовѣла. Кардиналъ Ришелье, виновникъ ея удаленія отъ Двора, умеръ,

и вскорѣ за нимъ послѣдовалъ Людовикъ XIII, и Анна была обЪявлена Правительницею Королевства; она призвала опять къ себѣ Гжу. де Монтевилль. Трудно описать ея радость, когда опять увидѣлась съ прежнею своею покровительницей. Восхищаясь любовію и почтеніемъ, которое оказывали ей Французы, она устремляла всѣ свои желанія, дабы сдѣлаться достойною ея милостей. Способность писать подала ей случай изобразить особенныя произшествія, случавшіяся при Дворѣ сей Королевы, и никогда еще никакое перо не изображало съ такою точностію и правдоподобіемъ оныхъ. Но такъ какъ сіе доставляло удовольствіе только ея самолюбію и сердцу: то она полагала, что уединенная и добродѣтельная жизнь доставитъ ей благословеніе Неба, и посему употребляла всѣ средства къ основанію монастыря de la visitation de chaillot. Въ сіе время несчастная вдова Карла I, Короля Англинскаго, Генріетта Марія де Франсъ, была въ Парижѣ; она имѣла дѣтей,

которыя провождали жизнь въ неизвѣстности, между тѣмъ какъ, по правамъ ихъ на тронъ, должны они быть счастливы. Гжа. де Монтевилль, зная благочестивыя чувства сей Принцессы, внушила ей желаніе учредить новое заведеніе дщерей Св. Маріи и имѣла удовольствіе видѣть сіе намѣреніе исполненнымъ.

По смерти Анны Австрійской, Гжа. де Монтевилль посвятила послѣдніе годы своей жизни на ученіе и изслѣдованіе неопровергаемыхъ истинъ Божественной Религіи. Сіе такъ изтощило ея умъ и память, что она забыла даже все то, что нѣкогда видѣла въ свѣтѣ. Она, будучи одержима многими болѣзнями, умерла въ 1689 году, имѣя отъ роду 74 года. —

Дабы дать нѣкоторое понятіе о ея слогѣ, мы приведемъ въ примѣръ ея описаніе Кардинала Мазарена и еще донесеніе о смерти Карла I.

„Мазаренъ имѣлъ столько разума, сколько могъ онаго имѣть человѣкъ, самъ собою достигшій высокой сте-

пени. Онъ обладалъ великимъ искусствомъ и особенно удивительною тонкостью проводить и забавлять людей сомнительными и обманчивыми надеждами. Онъ дѣлалъ инымъ зло по необходимости — и нѣмъ, которые ему не нравились. Обыкновенно онъ только на него жаловался, и его жалобы производили то, что удобно возвращали дружбу тѣхъ, которые измѣняли ему въ вѣрности, или тѣхъ, которые почитали себя имъ обиженными. Онъ имѣлъ отъ природы даръ нравиться, и даже не возможно было не прельщаться его ласками; но сіи же самыя ласки, не будучи сопровождаемы благодѣяніями, которыхъ онъ заставлялъ надѣяться, были причиною, что люди, упомяненные тщетнымъ ожиданіемъ, питали къ нему отвращеніе и ненависть; мало по малу открывались въ немъ многіе недостатки, изъ которыхъ одни относились ко всѣмъ его любимцамъ, а другіе къ нему самому. Кажется, онъ не почиталъ низкой добродѣтели и не ненавидѣлъ ни одно-

го порока, и не имѣлъ ни того, ни другаго. Онъ почитался человѣкомъ, имѣющимъ всѣ Христіянскія добродѣтели, но не оказывалъ опыхъ на дѣлѣ: онъ не былъ благочестивъ, но поступками своими оказывалъ противное. Будучи скупъ, онъ казался щедрымъ: ибо извѣстно, что въ правленіе его Государственные доходы расточаемы были придворными болѣе, нежели въ другомъ какомъ нѣкѣ. Религія была оставлена имъ, и онъ малое имѣлъ попеченіе о ввѣренномъ ему Богомъ священныхъ залогахъ. Отъ природы онъ былъ недовѣрчивъ, и главнѣйшее его попеченіе было, стараться познавать людей, остерегаться ихъ нападеній и происковъ. Онъ показывалъ, что ничего не страшится и презираетъ даже совѣты, до него касающіеся; хотя же въ самомъ дѣлѣ главнѣйшій предметъ его стараній была собственная безопасность." —

„Карлъ для поддержанія правъ своихъ не щадилъ ни храбрости, ни ума; но какъ скоро пересталъ соображать-

ся съ благопріятными обстоятельствами: то не имѣлъ ни силъ, ни друзей, ни денегъ, ни войска для своей защиты — и былъ наконецъ осужденъ на смерть, всегда отказываясь признать власть Палаты, которая запретила ему даже защищаться. Сей ужасный приговоръ состоялъ въ такихъ же гнусныхъ выраженіяхъ, какъ и поступокъ гнусныхъ его судей, исполненныхъ несправедливости и коварства. Предсѣдатель произнесъ, что Карлъ Стуартъ изобличенъ въ преступленіяхъ, и потому Палата рѣшила, чтобы онъ, какъ тиранъ, предатель, убійца и всеобщій врагъ, былъ преданъ смерти — отдѣленіемъ головы отъ тѣла. Послѣ сего ужаснаго приговора, несчастный Король сей, 30 Января 1649 года, въ 10 часовъ утра, былъ выведенъ пѣшкомъ на Сенш-Жемскую площадь, окруженный пѣхотнымъ полкомъ, при барабанномъ боѣ и съ разпущенными знаменами, съ обыкновенною стражею, вооруженною бердышами. Нѣсколько благородныхъ дворянъ слѣдова-

ди и впереди и позади его съ откры-
тою головою. Г. Жюксонъ, Докторъ Богословіи и бывшій Лондонскій Епископъ, также и Полковникъ Томлинсонъ, начальствовавшій стражею его Величества, сопровождали его, разговаривая съ нимъ съ открытою главою. Ешафотъ воздвигнутъ былъ среди публичной площади и обитъ чернымъ сукномъ, посреди его лежала плаха, а подлѣ оной сѣкира, приготовленная для отсѣченія головы сему великому Государю и добродѣтельному человѣку. Многіе отряды конницы и пѣхоты разставлены были по обѣимъ сторонамъ ешафота, народъ тѣснился со всѣхъ сторонъ, равнодушно взирая на сіе зрѣлище. Король, взошедъ на ешафотъ, внимательно осмотрѣлъ сѣкиру и плаху, и спросилъ у Полковника Пакера: высоко ли ешафотъ находится отъ земли? потомъ разговаривалъ съ нимъ обо всемъ съ величайшимъ присутствіемъ духа, имѣя видъ столь благородный и величественный, что зрители и даже самые палачи

были тронуты симъ зрѣлищемъ. Онъ говорилъ какъ Государь Христіянинъ, но который, сначала будучи обманутъ въ своей Религіи, теперь хотѣлъ быть мученикомъ за свою Церковь. Какъ скоро пересталъ онъ говорить, Г. Жюксонъ сказалъ ему: „Не угодно ли будетъ Вашему Величеству, хотя привязанность ваша къ вѣрѣ и довольно уже извѣстна, сказать нѣсколько словъ въ оправданіе свое народу? Король тогда отвѣчалъ ему: „Благодарю васъ за это, сударь, отъ всего сердца; потому что я было и позабылъ то, что намѣренъ былъ сказать.“ Тогда, оборотясь къ народу, такъ говорилъ онъ: „Господа! я думаю, что совѣсть моя и Религія вамъ давно уже извѣстны, и потому я объявляю вамъ, что умираю Христіяниномъ, исповѣдающимъ Религію Англиканской Церкви, и я думаю также, что сей честный человѣкъ, указывая на Г. Жюксона, свидѣтельствуетъ. Потомъ, оборотясь къ Офицерамъ, сказалъ: „Господа! извините меня въ этомъ — мой Богъ пра-

восуденъ; я невиненъ! и не буду болѣе говорить объ етомъ. Потомъ сказалъ онъ Полковнику Пакеру: „Постарайтесь, пожалуйте, чтобы меня не томили, —“ и какъ скоро тотъ подошелъ къ сѣкирѣ: то Король сказалъ ему: „Берегитесь сѣкиры, я васъ прошу.“ Потомъ, оборотясь къ палачу, сказалъ: „Моя молитва будетъ коротка, и когда я протяну руки, тогда. . .“ Потомъ Король взялъ у Жюксона свой колпакъ, и надѣвши его на голову — не помѣшаютъ ли мои волосы? сказалъ палачу, который и просилъ его спрятать оные подъ колпакъ, что Король и исполнилъ съ помощію Епископа и палача. Потомъ, оборотясь къ Епископу, сказалъ еще разъ: „Дѣло мое справедливо, и сердце мое непорочно.“ Тогда сей отвѣчалъ ему: „Остается только вамъ одинъ шагъ, Государь, и сей шагъ хотя очень труденъ, но за то кратокъ и скоро перенесетъ васъ отъ земли на Небо, гдѣ обрящете вы болѣе радости.“ Король отвѣчалъ ему на ето: „Я прехожду отъ вѣнца тлѣн-

наго къ вѣнцу нетлѣнному, — тамъ не будетъ никакихъ споровъ за оный.“ Точно такъ, отвѣчалъ Жюксонъ, вы перемѣните вашу временную корону на вѣчную, и сто славная перемѣна. Король потомъ, оборотясь къ палачу, спросилъ: „Всѣ ли спрятаны мои волосы?“ Потомъ снялъ свой плащь, и отдавая Жюксону орденъ подвязки, сказалъ: вспомните . . . а прочее сказалъ тихо. Потомъ снялъ свою фуфайку и, оставаясь въ камзолѣ, надѣлъ опять плащь на плеча и, посмотрѣвъ на плаху, сказалъ палачу: „Надобно ее получше укрѣпить.“ Она и то довольно хорошо прикрѣплена, отвѣчалъ тотъ. Король еще сказалъ ему: „Надобно ее поднять повыше.“ Она и такъ высока, какъ не надобно лучше. Къ сему прибавилъ Король: „Когда протяну я руки, тогда . . . послѣ чего проговоривши два или три слова тихо и, стоя на ногахъ, поднявши глаза и руки къ Небу, тотчасъ сталъ на колѣни, положилъ голову на плаху; и когда палачь забиралъ его волосы

подъ колпакъ: то Король думая, что онъ его хочетъ поразить сѣкирою, сказалъ: подожди, когда дамъ знакъ. Хорошо, Государь, отвѣчалъ сей. Потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ, Король мало по малу протягиваетъ руки — и палачь однимъ ударомъ отдѣлилъ голову отъ тѣла, которую, взявъ въ руки, показалъ народу, а тѣло его было положено въ ящикъ, нарочно для сего приготовленный и обитый чернымъ бархатомъ. —

Вотъ еще нѣкоторыя мысли, извлеченныя изъ твореній Гжи. де Монтевилль:

Мы болѣе ненавидимъ тѣхъ непріятелей, которые были нашими друзьями, нежели тѣхъ, которые никогда оными не были. —

Люди всегда извиняютъ самихъ себя въ ихъ настоящихъ ошибкахъ, надѣясь исправиться посредствомъ добродѣтельныхъ желаній въ будущности. —

Смерть, сей непримиримый врагъ человѣческаго рода, не внемлетъ на-

ними жалобамъ: она не щадитъ ни молодыхъ, ни старыхъ, и кажется, напротивъ, увеселяется, срывая самые прекраснѣйшіе цвѣтки изъ всемірнаго цвѣтника.

Для прекраснѣйшей души сильнѣе всѣхъ связей увѣренность, быть любимой. —

ТЖА. ВИЛЬЯРЪ.

Марія де Бельфондъ, Маркиза де Вильяръ родилась въ 1624 году. Она была дочь Бернардина Гигольнъ де Бельфондъ, и вышла за мужъ за Маркиза де Вильяръ. Плодомъ сего брака былъ побѣдоносный герой, Людовикъ-Гекторъ, Маршалъ Дюкъ де Вильяръ, который оказалъ столь великія услуги своему отечеству.

Г. де Вильяръ былъ посланъ ко Двору Карла II, Короля Испанскаго, Посланникомъ въ то самое время, когда сей Государь сочетался бракомъ

съ Маріею Луизою Орлеанскою, дочерью брата Людовика XIV и Генріетты Анны Англійской, первой его супруги. Супруга слѣдовала въ Испанію за своимъ мужемъ, и во время пребыванія своего въ Мадритѣ, она написала много писемъ къ своимъ друзьямъ, семейству и особенно къ Гжѣ. де Кульянжъ. До насъ дошло только тридцать седмь писемъ отъ сей послѣдней переписки: онѣ начинаются со 2 Ноября, 1679 и оканчиваются 15 Мая 1681 года. Чтеніе оныхъ, сверхъ того, что оно очень пріятно, питаетъ любопытство, какъ разными анекдотами, такъ и изображеніемъ нравовъ и обычаевъ Испанскаго Двора. Онѣ писаны простымъ, легкимъ и пріятнымъ слогомъ. Вотъ что говоритъ Гжа. Севинье о сихъ письмахъ въ одномъ письмѣ къ своей дочери:

„Гжа. де Вильяръ разсказываетъ множество пріятнаго Гжѣ. де Кульянжъ, отъ которой получали новости. Извѣстія сіи приносятъ удовольствіе многимъ. Для Г. Рошефокольма

онѣ очень кажутся любопытными. Гжа. де Вень и я стараемся сколько можно достать ихъ. Мы понимаемъ причины, заставляющія въ сіи руки отсылать всѣ извѣстія; но все ето соединено съ такимъ дружествомъ и нѣжностію, что, какъ кажется, темпераментъ ея совсемъ перемѣнился въ Испаніи. Королева Испанская прекрасна и беременна; Король любитъ ее и ревнуетъ, не зная самъ, по какой причинѣ и къ кому. Сраженія быковъ жестоки, двое знатныхъ людей чуть не погибли; подъ ними были убиты лошади, нѣсколько разъ мѣсто сраженія было обагрено кровію. Вотъ забавы Хрістіянскаго Королевства! наши забавы совсѣмъ противны симъ отвратительнымъ увеселеніямъ и гораздо простѣе.

Мы приведемъ два письма Гжи. де Вильяръ, которыя дадутъ понятіе о слогѣ ея и вмѣстѣ о нѣкоторыхъ обычаяхъ Испанскаго Двора.

Мадритъ, 27 Декабря, 1679.

„Недавно я принимала посѣщенія; обряды, при семъ бывающіе, довольно

странны. Вопервыхъ, какъ скоро я пріѣхала, всѣ Принцессы, Дюшессы и прочія знатныя Дамы нѣсколько разъ присылали ко мнѣ съ поздравленіемъ, и старались наперерывъ однѣ передъ другими осѣдомиться, когда онѣ могутъ меня посѣтить; наконецъ пришло сіе время, и уже за нѣсколько дней я извѣщаю ихъ, что я посѣщенія буду принимать три дни сряду. Я посылаю съ пажемъ закрытые билеты, называемые nudi!los. Маркиза Дассера, вдова покойнаго Дюка Лермскаго, которую я видѣла во Франціи, и которая считаетъ себя чѣмъ-то мнѣ обязанною, посѣщала меня въ сіи три дня. Вотъ изображеніе ея: Кажется, что она была прежде красавицею, а можетъ быть, она и теперь была бы оною, если бы не имѣла на себѣ того страшнаго приличнаго вдовамъ головнаго убора, который у самой прекрасной женщины можетъ отнять всю пріятность. Я не знаю, какъ вдова, которая довольно хороша и которая много думаетъ о своей красотѣ, не

выходитъ за-мужъ черезъ годъ по смерти мужа своего. Дама сія довольно умна, честна и образована. Я не скажу вамъ ничего, какими мѣрными шагами надобно подходить къ посѣтительницамъ. Одна изъ нихъ была на первомъ возвышеніи, другія на другомъ, третья на третьемъ; ибо, мимоходомъ сказать, я имѣла огромную залу: судите по сему, сколько, къ величайшему сожалѣнію, сколько стоило убрать оную. Надлежало, входя и выходя, проходить мимо всѣхъ сихъ Дамъ. Много труда стоило напоминать мнѣ о такихъ обрядахъ; ибо я часто ихъ забывала. Посѣтительницы были введены въ залу, устланную коврами, посреди которой находилась большая серебряная жаровня. Скажи вамъ сказать, что въ сію жаровню кладутъ не уголья, но маленькія оливковыя косточки, которыя горѣніемъ своимъ производятъ прекраснѣйшій огонь и тонкой пріятной паръ. Сей огонь держится долѣе сутокъ. Много бы было говорить вамъ о разговорахъ нашихъ

и дружескихъ объясненіяхъ. Всѣ онѣ изъясняются между собою какъ гагары, лишившіяся своихъ гнѣздъ. Онѣ одѣты въ пышное платье, изключая тѣхъ, коихъ мужья находятся въ странствіи, или въ посольствѣ. Одна, самая прекрасная между ими, была одѣта въ сѣрое платье, по сейже причинѣ. Во время отсутствія своихъ мужей, онѣ дѣлаютъ обѣты Святымъ, носятъ сѣрое или бѣлое платье, подпоясываясь веревками, или мѣдными поясами. Я не могу вамъ описать ни одной красавицы; ибо ни одной между ими не видала. Супруга Коннетабля Кастильскаго лучше всѣхъ. — Но возвратимся къ нашей жаровнѣ. Онѣ сидѣли на коврахъ. Какъ скоро гдѣ соберется пять или шесть Дамъ: то подносятъ имъ закуски; что и повторяется безпрестанно. Сначала подносили дѣвушки въ великихъ сосудахъ сухіе конфекты; — послѣ мороженое разнаго роду, потомъ шеколадъ: я не могу вообразить, по скольку онѣ съѣли мороженыхъ каштановъ, которые онѣ

чрезмѣрно любятъ. Между ими господствуетъ доброта; онѣ стараются понравиться и сдѣлать удовольствіе. Но при всемъ томъ, какъ я рада, сударыня, что оканчиваются сіи три дни! По большой части, онѣ меня посѣщали по два раза. Три или четыре изъ нихъ понимаютъ и немного говорятъ по Французски, а я очень мало по Испански. Если сей разсказъ кажется слишкомъ продолжительнымъ: то можете прочесть его когда-нибудь ввечеру въ обыкновенное время вашего чтенія. Надлежало бы мнѣ еще поговорить съ вами о комедіяхъ и машинахъ. Королева два раза, когда я у нее была, хотѣла меня взять съ собою въ комедію; но я ни одного разу не была въ ней — я сказала Королевѣ, что буду въ то время, когда она переѣдетъ во Дворецъ. Сія молодая Королева вѣрно красивѣе и любезнѣе всѣхъ Дамъ своего Двора. Она еще не имѣла торжественнаго вѣѣзда; говорятъ, что 2е число слѣдующаго мѣсяца назначены для сего торжества.

Можно думать, что она беременна. Въ разсужденіи того, что я не посѣщаю ее такъ часто, какъ она проситъ меня — я поступаю въ семъ случаѣ даже очень грубо; но етому причиною не есть презреніе дѣлаемой мнѣ чести, и не умѣю уважать оной, какъ должно; но я боюсь, не могу я того вамъ сказать, — я боюсь, чтобъ меня не обвинили въ излишней заботливости: не должно приписывать мнѣ то, что Королева дѣлаетъ хорошо или не хорошо: она себя ведетъ благоразумно. Не худо, чтобы во Франціи дали ей хорошую голову, на которую могла бы она положиться. Дворъ сей наполненъ многими такими людьми, которые могутъ прямо вмѣшиваться въ ея дѣла, и давать ей совѣты. Не трудно умѣть избрать хорошіе и отвергнуть худые. Но ето совсѣмъ не мое дѣло, и если бы Королева мать не просила меня, чтобъ я посѣщала Королеву чаще, нежели какъ я сама намѣрена была: чтобъ я не больше одного

разу была у нее. Я увѣряю васъ, сударыня, что какъ скоро мнѣ должно одѣваться (хотя мнѣ и можно носить всякія платья), и какъ скоро мнѣ должно выйти изъ своей комнаты: я бываю печальна, досадуя на то, что я должна явиться въ публикѣ. — Для въѣзда Королевы приготовляются пять или шесть прекрасныхъ тріумфальныхъ воротъ — впрочемъ ни одни изъ нихъ не показались мнѣ тріумфальными. Если 2го числа слѣдующаго мѣсяца будутъ еще ее почитать беременною: то ее будутъ нести на плечахъ въ открытыхъ носилкахъ — въ противномъ случаѣ, она будетъ ѣхать на лошади. Я недавно была съ нею и пр. и пр. —

Мадритъ, 10 *Окт.* 1680.

Позвольте мнѣ, сударыня, прежде всего разсказать объ одномъ маловажномъ произшествіи, которое случилось вчера въ семь часовъ утра — о сильномъ землетрясеніи, которое было непродолжительно. Г. Вильяръ

и я примѣтили движеніе. Онѣ всталѣ думая, что страшные дожди подмыли домѣ. Но я съ ужасомѣ закричала, что ето землетрясеніе. Три сильные удара привели весь домѣ въ движеніе, подобно движенію дерева, колеблемаго вѣтромѣ. Священники въ церквахъ, гдѣ они въ то время служили, насилу могли удержать чаши, чтобъ онѣ не опрокинулись. По площадямъ и улицамъ бѣжали мущины и женщины, по большей части не одѣтые, не зная, гдѣ укрыться отъ смерти, которою, какъ имъ казалось, грозило паденіе домовъ. Я не воображала, что со всѣми непріятностями, которыя нахожу я въ Испаніи, соединена еще опасность, быть поглощенными землею, которая разверзлась во многихъ мѣстахъ, или быть раздавлену развалинами домовъ; ибо здѣсь никогда не было видано землетрясеній. Вчера всякое мгновеніе я ожидала, что оно возобновится; какъ скоро опять начнутъ мнѣти дожди: то можетъ быть опять произойдетъ какое-нибудь землетрясеніе. Я желаю,

чтобъ вы не поняли хорошо сего обстоятельства, и чтобы во всю жизнь свою не испытали того, что чувствуютъ въ подобномъ случаѣ. Я еще не знаю, достигло ли землетрясеніе Ескуріала; въ Воскресенье ввечеру была очень поздно вмѣстѣ съ Королевою, которая имѣла мало охоты итти въ его мѣсто, котораго самое лучшее украшеніе состоитъ въ великолѣпныхъ мѣстахъ, назначенныхъ для погребенія Королей и Королевъ. Но она, чтобъ показать послушаніе свое Королю, охотно на то согласилась. На другой день писала она ко мнѣ, что она не все то видѣла, что я ей говорила о семъ домѣ; ибо въ самомъ дѣлѣ я хотѣла только заохотить ее ѣхать туда. Я не скажу вамъ всего того, что она мнѣ говорила, ни всего того, что она мнѣ писала о своей боязни, дабы я не оставила ее. Она не можетъ тому вѣрить, имѣя счастливую способность вѣрить только тому, что можетъ освободить ее отъ печали. Она увѣ-

домила меня, не отправляясь еще въ Ескуріалъ, что она, не говоря о томъ мнѣ, написала письмо Господину..... о семъ предметѣ и увѣрена въ томъ, что мнѣ позволятъ еще остаться здѣсь, и что она представила причины и истинную нужду свою въ моемъ пребываніи. Я просила, чтобъ она приготовилась къ неудачѣ, которую можетъ имѣть ея письмо, прибавивъ къ тому, что если бы она спросила прежде меня: то я бы сказала ей, что благоволеніе ея щитаю себѣ за счастіе, и просила бы ее оставить сіе дѣло безъ всякихъ стараній. Какое бы дѣйствіе ни имѣло письмо сіе, но я буду ей равно обязана, какъ и въ то время, когда бы она имѣла самый благопріятнѣйшій успѣхъ — однако послѣдняго я не ожидаю. — Я не могу въ концѣ сего письма не сказать вамъ того, какъ Дворъ приготовляется къ поѣздкамъ, которыя только и бываютъ или въ Ескуріалъ, или въ Аранжесъ. Онѣ стоютъ Королю весьма дорого, хотя только

считается до сихъ мѣстъ семь миль. Охота отправляется всегда обыкновеннымъ образомъ. Въ сіе время бываетъ тамъ, по крайней мѣрѣ, сто пятьдесятъ придворныхъ Дамъ, почетныхъ Госпожъ, Фрейлинъ, Камеристъ, ихъ кріадъ, или служанокъ. Что касается до Сеньіоръ: то всѣ онѣ, будучи старыя вдовы, всегда одѣваются одинакимъ образомъ. Дамы въ прекраснѣйшихъ платьяхъ, носятъ шляпы и красивыя перья и бархатныя мантиліи, шитыя золотомъ и серебромъ; у нѣкоторыхъ онѣ зеленыя, а у другихъ краснаго цвѣта. Вотъ что составляетъ наилучшую пріятность! Всѣ любовники смотрятъ, какъ Дамы ихъ садятся въ кареты и скачутъ верхомъ въ слѣдъ за ними. Многіе изъ сихъ Господъ, на прекрасныхъ лошадяхъ, слѣдуютъ за ними инкогнито, въ колпакахъ, закрывающихъ ихъ лице; однако чрезъ то не могутъ скрыть себя отъ своихъ Дамъ. Королева въ день поѣздки сей имѣла желтыя и черныя перья; но мантиліи не

позволено надѣвать Королевѣ, хотя бы она замерзла. При таковомъ путешествіи въ Ескуріалъ, Дворъ обыкновенно остается тамъ до дня всѣхъ Святыхъ. Въ слѣдующій за симъ день Ихъ Величества торжественно приносятъ Богу моленіе за Королей и Королевъ, тамъ опочивающихъ, и послѣ того возвращаются въ Мадритъ, въ тѣхъ же самыхъ екипажахъ. Но еслибъ я была на ихъ мѣстѣ: то не возвратилась бы туда и пребываніе моего Двора основала бы въ другомъ мѣстѣ, гдѣ не бываетъ землетрясенія. — Еслибъ не отходила почта: то я бы продолжала сіе письмо даже до завтрешняго дня. Что ето значитъ, сударыня? Я смертъ не люблю писать."

Гжа. де Вильяръ скончалась 24 Іюня, 1706 года, 82 лѣтъ.

Пребываніе ея въ Испаніи такъ ей наскучило, что она сказала: надобно только побывать въ Испаніи, чтобъ потерять охоту строить замки. —

ЛУКРЕЦІЯ ЕЛЕНА-КОРНАРО.

Лукреція Корнаро, или Корнаро-Пископія, родилась въ Венеціи, 1646 года. Ее почесть можно ученѣйшею женщиною ея вѣка. Съ самаго младенчества ея замѣтно было въ ней отвращеніе отъ всѣхъ забавъ, толико свойственныхъ сему возрасту. Чрезвычайная легкость, съ какою удерживала она въ памяти все читанное ею, побудила отца ея, Іоанна Корнаро, учить ее по Латинѣ. Будучи токмо семи лѣтъ, она столь быстрые оказала успѣхи, что родитель ея неотмѣнно захотѣлъ учить ее по Гречески. Учителемъ у ней былъ Директоръ Венеціянской Библіотеки, родомъ Грекъ.

Познакомившись съ сими языками, вознамѣрилась она узнать Испанскій, Французскій и Еврейскій языки; сей послѣдній знала она такъ, какъ ученый Раввинъ. Лукреція даже писала на Еврейскомъ и Греческомъ многія ученыя письма, сохраненныя въ Венеціянской Библіотекѣ. Съ любовію

въ наукамъ, соединяла она многія добродѣтели — и на одиннадцатомъ году сдѣлала обѣтъ — жить и умереть дѣвицею.

Знаменитая и неутомимая въ ученыхъ трудахъ Лукреція посвятила себя изученію Философіи и Богословія. У ней были лучшіе наставники въ сихъ наукахъ — и она умѣла воспользоваться ихъ уроками. Предана будучи Религіи, она занималась утвержденіемъ себя въ догматахъ, какъ средствами подкрѣпить вѣру свою, разсѣять сомнѣнія, просвѣтить невѣдѣніе и обратить безвѣріе на путь истины.

Однако родители ея, не знавъ сдѣланнаго ею обѣта, быть вѣчно дѣвицею, помышляли объ устроеніи своей дочери. Будучи сильно понуждаема ими къ замужеству, открыла она имъ намѣреніе свое и обязательство. Не уважая сего, они настаивали въ томъ, чтобы выдать ее за мужъ, и исходатайствовали у Папы грамоту, которая освобождала Лукрецію отъ даннаго ею обѣта. Когда добро-

дѣтельная дѣвица сія увидѣла грамоту: то обѣялась смертельнымъ ужасомъ. Тогда рѣшилась она наблюдать въ мірѣ правила Св. Венедикта и подъ свѣтскимъ платьемъ носить одежду сего Ордена. Намѣренія свои сообщила она Корнелію Кодамину, который, въ качествѣ Аббата Ордена сего, за долгъ почелъ согласиться на ея желаніе. Родители Лукреціи, будучи въ отчаяніи, сдѣлали все, что токмо зависѣло отъ нихъ, для отвращенія дочери своей отъ таковаго намѣренія; но, видя непоколебимость ея, ограничились они токмо тѣмъ, что молили ее — не покидать ихъ и жить въ родительскомъ домѣ. Она не могла имъ отказать — и въ домѣ своего родителя вела столь строгую жизнь, какъ будто въ монастырѣ. Цѣлые дни проводила она въ совершенномъ уединеніи; на тѣлѣ своемъ носила власяницу и вериги, всячески умерщвляя плоть свою.

Сколько свѣтскіе люди безпокоятся и мучатся о почестяхъ и умираютъ съ отчаянія, если не возмогутъ

удовлетворить своему самолюбію и гордости! Корнаро напротивъ того не искала суетной славы, но убѣгала, какъ будто обманчивыхъ сѣтей, всѣхъ случаевъ обнаруживать свои достоинства. Однако ей не возможно было оставаться въ неизвѣстности, составлявшей утѣху ея: она принуждена была, противъ воли своей, принять отъ Падуйскаго Университета Докторскую шапку.

При сей церемоніи, бывшей въ каѳедральной церкви, находилось великое стеченіе особъ всякаго состоянія и возраста. Тамъ знаменитая ученая торжественно показала свои знанія и глубокую ученость. Вотъ форма акта принятія Лукреціи Корнаро, сохраненная въ архивѣ Падуйскаго Университета:

„Мы, засѣдатели правленія Падуйскаго Университета, признаемъ, что Лукреція Елена Корнаро столь великія имѣетъ свѣдѣнія въ наукахъ и языкахъ, что заслуживаетъ занять мѣсто между Докторами сего Универси-

шета, почему и принимаемъ ее Докторомъ Свободныхъ Наукъ, утверждая ее въ семъ достоинствѣ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Происходило въ Падуѣ, 1678 года, Іюня 25, въ каѳедральной церкви тогожъ города, за великимъ стеченіемъ народа и вмѣстительностію залъ Университетскихъ."

Университетъ Падуйскій хотѣлъ также дать сей знаменитой дѣвицѣ дипломъ на Доктора Богословія; но Кардиналъ Барбариго, бывшій тогда Епископомъ Падуйскимъ, сему воспротивился. Безжалостная смерть безвременно сразила ученую сію въ цвѣтѣ лѣтъ ея.

Корнаро скончала теченіе многотрудной и славной жизни своей, 1684 года, на тридцать осьмомъ году отъ рожденія. Она погребена въ церкви Св. Іустины, въ коей родитель ея, бывшій Прокураторомъ Св. Марка, занимавшій послѣ Дожа первое мѣсто

въ Республикѣ, воздвигнулъ ей мраморную гробницу.

ГЖА. ДЕ ЛА ФАЙЕТЪ.

Марія-Магдалина Піошъ, Графиня де ла Файетъ, родилась въ 1635 году. Она была дочь Дэмара, Дворянина Вернскаго, Губернатора Гавръ-де-Граса и Фельдмаршала Королевскихъ войскъ. Она была одна изъ женщинъ, дарованіями своими блистававшая въ царствованіе Людовика XIV. Волтеръ сказалъ, говоря о ней, что она первая писала Романы, въ коихъ видны нравы честныхъ людей и натуральныя приключенія, описанныя весьма живо; прежде ее писали слогомъ надутымъ и о вещахъ мало вѣроятныхъ.

Будучи двадцати лѣтъ отъ роду, вышла она за мужъ за Франциска Графа де ла Файетъ. Честною жизнію заслужила она величайшую любовь при Дворѣ, а склонность ея къ сочиненію

соединила съ тѣми, которые могли образовать ея понятіе еще съ большимъ успѣхомъ. Гг. Гюетъ. Сегре, ла Фонтенъ и Менажъ составляли искреннѣйшее ея общество; но величайшая ея искренность еще болѣе ее возвышала. Она избѣгала похвалы и казалась нечувствительною къ тому роду славы, которую обыкновенно писатели ожидаютъ для себя по своимъ сочиненіямъ. Она симъ такъ мало занималась, что хладнокровно позволила Романъ Заиду выдать въ свѣтъ подъ именемъ Гна. Сегре. Она была обязана Гюешу, старому Архіепископу Авранжскому, который призналъ ее сочинительницею сего остроумнаго творенія. Тщетно нѣкоторые друзья убѣждали Гна. Сегре, что Г. Гюетъ дѣлаетъ обиду его памяти, отнявъ у него право на сей Романъ. Ученый Прелатъ имъ отвѣчалъ, что онъ готовъ доказать истины многими письмами Гжи. де ла Файетъ и рукописью Заиды, которую она ему при-

слала. Тру
Принцесса
ріетты
Французск
Заида есп
воображен
занимате
нье, плав
правильнѣ
ли въ дру
одного з
Гонзальвъ
фа Кастил
вителя,
своей,
Дворъ К
ся на
томъ нам
вый кор
изъ Греч
думчивост
ки Ебро
Пришедш
гавани, сп
рыбак
спать ло

слала. Труды ея суть: де Монтпансье, Принцесса Клевская, Исторія Генріетты Англинской и Записки Двора Французскаго въ 1688 и 1689 годахъ. Заида есть томъ Романъ, въ коемъ воображеніе чрезвычайно плодовито, занимательность гораздо ощутительнѣе, планъ лучше расположенъ, слогъ правильнѣе и развязка удачнѣе, нежели въ другихъ сочиненіяхъ. Изъ него одного здѣсь сдѣлаемъ мы разборъ. Гонзальвъ, сынъ Нугеза Фердинанда Графа Кастильскаго, по измѣнѣ своего покровителя, своего друга и любовницы своей, принужденъ былъ оставить Дворъ Короля Леонскаго и удалиться на границу Каталоніи, въ томъ намѣреніи, чтобы сѣсть на первый корабль, плывшій къ одному изъ Греческихъ острововъ. Но въ задумчивости идетъ онъ по берегу рѣки Ебро, гдѣ она впадаетъ въ море. Пришедши къ маленькой приморской гавани, спрашиваль онъ нѣкоторыхъ рыбаковъ, гдѣ можно ему достать лодку, на которой бы отпра-

виться въ Таррагону. Тогда человѣкъ, гулявшій по берегу, удивляясь пріятному виду Гонзальва, отвѣчалъ ему, что онъ не ближе, какъ завтра, можетъ достать лодку, и пригласилъ его успокоиться въ его домѣ, находящемся между рыбачьихъ хижинъ. Гонзальвъ, находя незнакомца столь благороднымъ и великодушнымъ, благодаритъ его за приглашеніе и слѣдуетъ за нимъ.

Приключившаяся болѣзнь препятствуетъ Гонзальву продолжать предпринятый путь. Попеченіе и стараніе, прилагаемыя объ немъ незнакомцемъ, приводятъ его въ изумленіе и возбуждаютъ въ немъ благодарность. Отъ сего родилась у нихъ довѣренность; они не могли долѣе скрывать своихъ чувствованій: Ѳеодоръ, такъ назывался незнакомецъ, разсказываетъ Гонзальву, что онъ происходитъ отъ одной изъ первыхъ фамилій Наваррскихъ, что настоящее его имя есть Альфонсъ Ксименесъ, что нещастія принудили его оставить общество и искать

въ удален
тораго он
Облек
увѣреніемъ
столь спо
минаніе
ныхъ, п
происшес
зальвову.
берегу м
разбитой
прекрасно
на пескѣ.
разбита
мощь и
лико был
цѣ, уже
сшію, у
ющія рѣд
позвалъ А
нещастну
лище;
Но какое
ставилос
съ нею
га никак

въ удаленіи отъ людей спокойствіе, котораго онъ между ими не могъ найти.

Облегчивъ печаль свою взаимнымъ увѣреніемъ, друзья сіи провождали столь спокойную жизнь, сколько воспоминаніе бѣдствій, ими претерпѣнныхъ, позволяло; но одно внезапное происшествіе перемѣнило судьбу Гонзальвову. Однажды, прогуливаясь по берегу моря, увидѣлъ онъ остатки разбитой шлюбки и женщину въ прекрасной одеждѣ, распростертую на пескѣ. Не сомнѣвался, что она была разбита бурею, спѣшитъ онъ ей на помощь и подымаетъ ее. Но сколь велико было удивленіе его, когда на лицѣ, уже покрытомъ смертною блѣдностію, узрѣлъ онъ черты, изображающія рѣдкую красоту! Онъ тотчасъ позвалъ Алфонса — и оба они перенесли нещастную сію женщину въ свое жилище; ихъ старанія оживляютъ ее. Но какое неожидаемое нещастіе представилось Гонзальву! когда онъ сталъ съ нею говорить: то они другъ друга никакъ не могли разумѣть. — Онъ

говоритъ съ нею на Маврскомъ, Испанскомъ и Италіянскомъ языкахъ; но не получалъ никакого отвѣта. Между тѣмъ рыбаки приводятъ къ нимъ другую женщину, также великолѣпно одѣтую, какъ и первая; обѣ онѣ узнаютъ другъ друга, бросаются въ объятія и говорятъ между собою нарѣчіемъ, Гонзальву совсѣмъ неизвѣстнымъ. Все, что онъ могъ изъ разговоровъ ихъ узнать, состояло въ томъ, что первая называлась Заидою, а другая Фелимою.

День клонился уже къ вечеру; наступила ночь; всѣ удаляются вкусить пріятность сна; но Гонзальвъ не можетъ имъ насладиться: образъ прекрасной Заиды живо представляется его воображенію, и онъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ восхожденія солнца. Только что стало разсвѣтать — онъ изыскиваетъ всѣ средства показать себя въ пріятномъ видѣ той, которая овладѣла его сердцемъ. Онъ старается лучше одѣться,

приходитъ къ Заидѣ, которая даетъ Фелимѣ замѣтить великое сходство съ тѣмъ, потерю котораго она оплакивала. Гонзальвъ вздыхаетъ и горитъ желаніемъ узнать сію тайну; но страхъ, нанесть ей неудовольствіе, отъ сего удерживаетъ его. Стараніе Заидино открыть сходство, которое ее удивляетъ, не можетъ скрыться отъ Гонзальва. Онъ себѣ воображаетъ, что его черты напоминаютъ ей соперника его, обожаемаго ею; ревность не позволяетъ ему видѣть того, что услуги его нравятся Заидѣ. „Однажды, „оставя ее на нѣсколько минутъ (такъ говоритъ Гжа. де ла Файетъ), пошелъ „онъ прогуливаться по берегу моря, „и приближившись къ одному ручью, „находящемуся въ лѣсу — въ мѣстѣ до„вольно пріятномъ, куда она часто „ходила, услышалъ онъ нѣкоторые раз„говоры и увидѣлъ сквозь деревъ Заи„ду, сидящую подлѣ Фелимы.“ Удивленіе, которое произвела встрѣча сія, причинило такое удовольствіе Гонзальву, что онъ, какъ бы послѣ отсут-

ствія цѣлаго года, внезапно съ нею встрѣтился. Онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ она сидѣла, и хотя произрелъ довольно шуму, однакожъ она была такъ занята разговоромъ, что не слыхала его. Когда же онъ подошелъ къ ней гораздо ближе: то она отъ сего такъ смутилась, какъ человѣкъ, который громко говорилъ и боялся, чтобы его не услышали, — забывъ, что Гонзальвъ не могъ слышать и понимать ея разговора. Смущеніе, произшедшее отъ удивленія, такъ увеличило ея красоту, что Гонзальвъ, сѣвши подлѣ нее, не могъ уже себя удержать, бросился вдругъ передъ ней на колѣна и говорилъ ей о любви своей въ такихъ страстныхъ выраженіяхъ, что не нужно было понимать его изъясненій для узнанія смысла оныхъ. Гонзальву представлялось, что его очень ясно понимаютъ; ибо нѣжный румянецъ покрылъ ея щеки — и она, сдѣлавши движенія рукою, такъ какъ бы хотѣла его отполкнуть, вспала съ холодною учтивостію, желая, чтобы онъ

оставилъ
жетъ бы
минуту А
шла прямо
на Гонзал
бя) какъ
видятъ в
соперника
щаете на
прельсти
наго чело
водятъ в
моего со
вамъ ска
обожаю,
взоры,
находите
да. Ахъ
яснить т
что вы о
бы почель
юсь, чт
отмщена
причинилъ
ими печ
лился отъ

оставилъ то мѣсто, въ коемъ онъ можетъ быть безпокоенъ. — Въ самую сію минуту Алфонсъ прошелъ по аллеѣ; она шла прямо къ нему, не взглянувши даже на Гонзальва. Вотъ (сказалъ онъ про себя) какъ со мною поступаютъ, когда видятъ во мнѣ портретъ только моего соперника. Прекрасная Заида! вы обращаете на меня взоры свои, кои могутъ прельстить всякаго нечувствительнаго человѣка, когда черты мои приводятъ вамъ на память изображеніе моего соперника; когда я осмѣливаюсь вамъ сказать, что я васъ люблю и обожаю, тогда вы кидаете на меня взоры, исполненные гнѣва; вы меня находите недостойнымъ вашего взгляда. Ахъ, если бы я могъ вамъ изъяснить то, что мнѣ уже извѣстно, что вы оплакиваете любовника: — я бы почелъ себя щастливымъ, и признаюсь, что моя ревность была бы отмщена досадою, которую бы я вамъ причинилъ тогда. Будучи исполненъ сими печальными мыслями, онъ удалился отъ Заиды, и пришелъ въ гал-

лерею, въ которой иногда прогуливался. Онъ всѣ изыскивалъ средства, дать замѣтить Заидѣ, что онъ ее подозрѣваетъ въ любви къ другому; но сдѣлать сіе безъ изъясненія было довольно затруднительно. Изыскивая разныя средства для сего предмета и довольно нагулявшись, хотѣлъ онъ выйти изъ галлереи — какъ живописецъ, писавшій картины, заказанныя ему Алфонсомъ, просилъ его очень усердно обратить вниманіе на его работу. — Гонзальвъ остановился посмотрѣть, чѣмъ онъ занимался: это была большая картина, на которой Алфонсъ желалъ чтобы море изображено было точно такъ, какъ его видѣть можно изъ окошекъ, и дабы придать сей картинѣ болѣе важности, онъ велѣлъ изобразить бурю. Сія буря привела Гонзальву на память кораблекрушеніе Заиды, и ему представилось теперь средство изъяснить ей, что онъ думаетъ объ ея печали, по сему и сказалъ живописцу: чтобы придать болѣе величія картинѣ, надобно еще

къ ней присовокупимъ нѣсколько фигуръ: что на скалѣ, тутъ представленной, надлежитъ изобразить молодую и прекрасную женщину, наклонившуюся надъ человѣкомъ, распростертымъ на пескѣ; взирая на него, она плачетъ, а другой человѣкъ, унесть ея, старается отдалить ее отъ утопшаго. Сія же прекрасная женщина, не смотря на него, отталкиваетъ его одною рукою, а другою утираетъ льющіяся слезы. Живописецъ обѣщалъ Гонзальву все сіе исполнить. Когда же оная картина была окончана: то онъ просилъ Заиду въ галлереѣ разсмотрѣть успѣхи и работу живописца. Онъ обратилъ все ея вниманіе на молодую женщину, оплакивающую умершаго человѣка, и когда увидѣлъ, что она пристально глядѣла на сіе и узнала даже скалы, на кои она такъ часто ходила, тогда онъ взялъ у живописца карандашъ, и написалъ имя Заиды, въ низу сей прекрасной женщины, и имя Ѳеодора, надъ молодымъ человѣкомъ, стоящимъ предъ оной на колѣ-

няхъ. Заида, прочитавъ сіе, покраснѣла и бросила суровый взглядъ на Гонзальва; потомъ, взявши кисточку, стерла совсѣмъ етого мертвеца, въ оплакиваніи смерти коего подозрѣвалъ ее Гонзальвъ. Хотя онъ и видѣлъ, что Заида чрезвычайно была раздражена, однако же чувствовалъ великое удовольствіе, видя ее стирающую образъ того, въ любви къ коему онъ подозрѣвалъ ее.

Гонзальвъ, наконецъ рѣшась узнать о своей участи, поѣхалъ въ Таррагону искать переводчика на томъ языкѣ, на которомъ Заида говорила, дабы понять то, что она столь много разъ ему говорила по Гречески, и когда онъ нашелъ онаго: то съ величайшимъ удовольствіемъ и надеждою возвратился онъ въ любезное свое уединеніе. Но какъ онъ былъ огорченъ, когда нашелъ тамъ одного только своего друга Альфонса, который ему разсказалъ, что прошедшаго дня нѣкоторые люди, ѣхавшіе въ лодкѣ, позвали Заиду, и что она скоро побѣ-

жала к
яшія одн
Вотъ
отчаяніе
вовомъ
какой д
валъ,
ибо онъ
Тунисе
сти свѣ
лагать
сихъ за
шился
неніе п
прежней
Заида б
раженіе,
лѣнія. В
жизнью
чтобы
свою не
навливае
на друге
Короля
схвативш
зальвъ

жала къ нимъ и бросилась въ объятія одного изъ сихъ иностранцевъ! — Вотъ новый предметъ, поселившій отчаяніе и ревность въ Гонзальвовомъ сердцѣ. Гдѣ искать Заиды? по какой дорогѣ ѣхать? Онъ предполагалъ, что она удалилась въ Африку; ибо онъ часто отъ нее слыхалъ имя Туниса, приморскаго города въ сей части свѣта. Но могъ ли онъ предполагать навѣрно, что найдетъ ее въ сихъ варварскихъ земляхъ? Онъ рѣшился не преслѣдовать ея; но уединеніе не могло уже имѣть для него прежней пріятности и спокойствія. Заида безпрестанно занимала его воображеніе, и была предметомъ его сожалѣнія. Наскучивши сею уединенною жизнью, оставляетъ онъ Алфонса, чтобы въ отдаленной странѣ сокрыть свою печаль. Онъ уѣзжаетъ и останавливается ночевать въ Торшозѣ; но на другой день узнаетъ, что Офицеръ Короля Леонскаго приказываетъ его схватить и вести во Дворецъ. Гонзальвъ воображаетъ, что онъ не-

щастная жертва ненависти своихъ непріятелей, всюду преслѣдовавшихъ его. Но какое было его удивленіе, когда вмѣсто оковъ, которыя онъ предполагалъ здѣсь найти, его помѣщаютъ во Дворцѣ, и Донъ Гарси, его прежній покровитель, нынѣшній Король Леонскій, увѣдомляетъ Гонзальва, что сестра его приняла пресполъ, и что онъ отомщенъ за неблагодарныхъ Донъ Рамира и Нуны Беллы, невѣрной его любовницы! Достигнувъ самой высокой степени почестей, Гонзальвъ чрезвычайно былъ печаленъ, вспоминая о Заидѣ. Между тѣмъ была объявлена война между Кордуанскимъ и Леонскимъ Королями. Донъ Гарси дѣлаетъ своего любимца предводителемъ войска и оба они идутъ противъ Мавровъ, нападаютъ на нихъ и побѣждаютъ; храбрость Гонзальва много вспомоществовала сей побѣдѣ. Сей храбрый воинъ получаетъ приказъ осадить непріятельской городъ; онъ его беретъ, и идетъ къ замку возвѣстить, чтобы онъ сдался. Его увѣ-

домляютъ, что многія Арабскія женщины въ ономъ скрылись; онъ туда входитъ и благосклонно ихъ привѣтствуетъ. Но первый предметъ, который представился его глазамъ, была прекрасная Заида, и они говорили другъ съ другомъ на Испанскомъ и Греческомъ языкахъ. Онъ имѣлъ удовольствіе узнать отъ сей прекрасной женщины, что она собственно для него, хотя безъ всякой надежды его видѣть, выучилась по Испански. Между тѣмъ какъ онъ съ нею разговаривалъ, получаетъ приказаніе отъ Короля Леонскаго оставить Талаверу (имя взятаго города); онъ разсказываетъ свое приключеніе Дону Гарси, которой изыскиваетъ всѣ средства доставить ему Заиду; Гонзальвъ, будучи въ отсутствіи, узнаетъ, что Аламиръ, Арабскій Принцъ, любовникъ Заиды, говорилъ близъ Талаверы съ одною женщиною чрезвычайной красоты. Гонзальвъ не сомнѣвается, что Заида, воспользовавшись вольностью, которую онъ ей даровалъ, назначила Принцу мѣсто для ихъ свя-

данія. Онъ приходитъ въ отчаяніе отъ ревности; но его увѣдомляетъ о семъ его вѣрный другъ, находящійся въ Талаверѣ. Аламиръ точно любилъ Заиду, но до крайности былъ ею ненавидимъ, и онъ говорилъ съ Фелимой, прося чрезъ нее покровительства у ея Гжи. Что же касается до вышепомянутаго сходства, которое удивило Заиду, сіе былъ Гонзальвовъ портретъ, нечаянно попавшій, въ прошлой войнѣ, въ руки Зюлема, отца Заидина. Астрологъ предсказалъ нѣкогда Зюлему, что дочь его выдетъ за того, кому принадлежитъ сей портретъ. Король Леонскій посылаетъ просить Заиду у ея отца, который прежде отказывался; но, слича Гонзальва съ портретомъ, наконецъ согласился отдать ее за него за мужъ. Аламиръ умеръ, нѣсколько времени спустя послѣ сего, отъ ранъ, которыя онъ получилъ, сражавшись съ Гонзальвомъ; а Фелима, которая любила сего Князя до чрезвычайности, не бывъ любима имъ, пережила его только нѣсколь-

ми днями. Теперь ничего не противится Гонзальвову щастію и Зюлема принялъ Хрістіанскую вѣру; дочь его была воспитана на островѣ Кипрѣ въ сей же самой вѣрѣ.“ Между романами, которыхъ такое множество, очень трудно найти такъ хорошо выдуманный, такъ занимательный и такъ хорошо писанный романъ. Присвоивъ себѣ Заиду, Сегре сдѣлалъ хорошій выборъ. Гжа. де ла Файетъ должна быть благодарна Г. Гюету, заставившему отдать ей принадлежащее. Г. де ла Файетъ умерла въ Маѣ мѣсяцѣ, 1693 года, 60 лѣтъ отъ роду.

ГЖА. БРЕНВИЛЛІЕРЪ.

Хотя не входитъ въ планъ сего сочиненія описаніе жизни чудовищь, кои обезчестили человѣчество, а особливо описаніе извергновъ сего пола, коего тихой нравъ есть одно изъ лучшихъ украшеній. Мы выключимъ однакожъ изъ сего правила Маркизу Бренвилліеръ, смерть коей подала поводъ Гжи. Севиньи ко многимъ размышленіямъ. Марія Маргарита Добре Маркиза Бренвилліеръ была дочь Гжи. Добре, Парижскаго Губернатора. Она была средняго росту; лице ея имѣло пріятность и показывало доброту, которой она не имѣла въ сердцѣ. Маркизъ де Бренвилліеръ, Полковникъ Нормандскаго полку, имѣвшій 30,000 ливровъ доходу, прельстясь ея наружностію, женился на ней; однако же любя болѣе свободу, нежели супругу, онъ далъ ей также полную волю, и былъ такъ неостороженъ, что ввелъ самъ въ свой домъ интригана, по имени Сенъ-Круа, коего сердце сходно было съ

сердцемъ Маркизы. И такъ два чудовища сіи, достойныя другъ друга, искали случая познакомиться, и когда желаніе ихъ свершилось: то они вмѣстѣ дѣлали ужасныя преступленія, повѣствованіе коихъ приводитъ въ ужасъ, Г. де Бренвилліеръ, будучи единственно занятъ удовольствіями, дѣлалъ ненужные расходы, кои скоро растроили его имѣніе. Маркиза, которая искала только случая, разойтиться съ мужемъ, отдѣлила свое имѣніе отъ мужняго и съ сего времени, поведеніе ея дѣлалось часъ отъ часу порочнѣе: раздраженный Губернаторъ велѣлъ посадить Сенъ-Круа въ Бастилію. Находясь въ темницѣ злодѣй сей познакомился съ Италіянцемъ, по имени Екзали, который зналъ искусство составлять сильныя яды, и Сенъ-Круа скоро постигнулъ сіе гнусное искусство. Освободившись изъ тюрьмы, Сенъ-Круа поспѣшилъ сообщить Марвизѣ искусство, которому онъ научился, и она немедленно рѣшилась употребить его противъ сво-

его отца. Надежда раздѣлить наслѣдство, и удовольствіе за себя отомстить склонили Сенъ-Круа къ сему ужасному намѣренію. Онъ составилъ разные яды; а Маркиза приняла на себя трудъ испытать оные надъ больными госпиталя Отель де Діе, коимъ — казалось всѣмъ — что она помогала. Она давала имъ отправленные бисквиты и наблюдала дѣйствіе яда. Наконецъ увѣрившись въ его силѣ, составила ядъ и дала отцу въ кушаньѣ: онъ отъ сего умеръ, но ее ни мало въ семъ не подозрѣвали. Гнъ. Обре оставилъ двухъ сыновей; старшій изъ нихъ занималъ его должность, а другой былъ совѣтникомъ въ Парламентѣ; Маркизину мщеславію нужны были двѣ сіи жертвы: она и поручила оныя слугѣ старшаго Обре, именемъ ла Шоссы: первой разъ онъ не достигъ своей цѣли, давши своему господину очень горькой ядъ; однако онъ съ такимъ хладнокровіемъ увѣрилъ его въ своей ошибкѣ и взялъ посуду, гдѣ

жде было лѣкарство, что онъ отвратилъ отъ себя всякое подозрѣніе. Въ 1670 году онъ лучше обдумалъ, какъ ето сдѣлать, и отравилъ обоихъ братьевъ вмѣстѣ, положивши яду въ сладкій пирогъ, который они съѣли: старшій получивъ чахотку, умеръ чрезъ два мѣсяца; другій пережилъ своего брата шестью только недѣлями. Не взирая на свободу, которую давалъ ей Маркизъ Бренвилліеръ, онъ сдѣлался наконецъ ей отвратительнымъ: она рѣшилась его отравить, чтобъ выйти за Сенъ-Круа. Но сей послѣдній, говоритъ Гжа. Севинье, не хотя имѣть такую злобную жену, далъ Маркизу противоядное лѣкарство; сей остался живъ, не смотря на ядъ, данный ему женою. Столько преступленій должны были неминуемо открыться, какъ одинъ изъ сихъ случаевъ ясно доказалъ, что ежели Небо отлагаетъ на нѣсколько времени свое мщеніе: то конечно для того, чтобъ виновнаго наказать ужаснѣйшимъ образомъ. Сенъ-Круа обыкновенно состав-

лялъ яды, имѣя всегда на лицѣ желѣзную маску; однажды маска его упала: онъ тутъ же былъ задушенъ; никто, можетъ быть, не узналъ бы причины его смерти, ежелибъ полицейскій Коммисаръ, запечатававшій все имѣніе, принадлежащее Сенъ-Круа, не нашелъ ларчика съ запискою, содержащею тайну всѣхъ ужасныхъ ихъ преступленій. Вотъ содержаніе той записки: „Покорнѣйше прошу тѣхъ, въ чьи руки попадетъ сей ларчикъ, сдѣлать милость, отдать оный Маркизѣ Бренвилліеръ, живущей въ новой улицѣ Святаго Павла; ибо все, что здѣсь ни заключается, касается собственно до нее и проч. Ежели же она умерла прежде меня: то оный ларчикъ сжечь со всѣмъ тѣмъ, что онъ въ себѣ заключаетъ, не открывая его; а чтобъ не возъимѣли какого нибудь подозрѣнія: то клянусь Богомъ и всемъ, что есть свято — что здѣсь написано, сущая правда; ежели же мою пуозьбу не исполнятъ какъ она справедлива ни есть: то я прокли-

ваю ихъ въ семъ и въ будущемъ вѣкѣ, чтобъ предстать на страшной судъ съ чистою совѣстью, увѣряя, что ето послѣдняя моя воля. Написано въ Парижѣ 22 Мая, 1682 года; подписано; Сенъ Круа: въ низу находился пакетъ съ надписью: Гну Пенотіе; коему надобно было отдать. Онъ былъ сборщикъ церковныхъ доходовъ; не взирая на прозьбы покойника, полицейскій открылъ ларчикъ; онъ въ немъ нашелъ 13 пакетовъ, въ осьми мѣстахъ запечатанныхъ, съ надписью: сжечь, не разкрывая. Пакеты сіи заключали въ себѣ разныя яды; Маркиза всячески старалась получить назадъ отъ полицейскаго ларчикъ; однако не могши достигнуть своей цѣли, уѣхала въ чужіе краи, оставя довѣренность уничтожить вексель въ 30000 ливровъ, данный ею Сенъ-Круа. Побѣгъ Маркизы сдѣлалъ ее подозрительною; хотя не было довольно ясныхъ доказательствъ въ ея сообществѣ съ Сенъ-Круа, впрочемъ одно произшествіе открыло глаза право-

судію, и вооружило руку его противъ преступниковъ. Ла Шоссе думая, что преступленія его не могутъ уже открыться, пришелъ требовать 200 пистолей и сна серебреныхъ ею, коими, по словамъ его, остался ему долженъ Сен-Круа за семилѣтнюю службу его. Гжа. Вилларсо, вдова гражданскаго Судьи, возъимѣла подозрѣніе и велѣла взять его подъ караулъ; при первомъ допросѣ, признался онъ во всѣхъ своихъ преступленіяхъ, объявивъ своихъ соучастниковъ; когдажъ онъ во всемъ повинился: то его колесовали живаго, а Маркиза осуждена была на смерть. Удалившись въ Лiежскую область, она почитала тамъ себя безопасною; но въ семъ ошиблась; ибо полицейскій Офицеръ Дегре, посланный ее захватить, получилъ, безъ всякаго труда, отъ Лiежскаго Совѣта позволеніе взять ее подъ караулъ; онъ исполнилъ данное ему приказаніе и приведя Маркизу, представилъ ее къ суду. Чтобы принудить ее признаться въ своихъ преступле-

віяхъ, грозили ей пыткою; приготовленіе къ оной такъ устрашило ее, что она призналась во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ. Въ приговорѣ всего болѣе сдѣлало надъ нею впечатлѣніе то, что ее осудили вести на казнь въ телегѣ. Докторъ Пиро, которой былъ при ней въ послѣднія минуты ея жизни, говоритъ, что она провела предъ казнію цѣлыя сутки въ истинномъ раскаяніи о своихъ преступленіяхъ; увѣряютъ даже, что она молилась Богу съ такимъ утердіемъ, что возбудила жалость тогда, когда она должна была ужасать другихъ. 16 Іюля, 1676 года, въ шестомъ часу вечера, повели ее босую, съ веревкую на шеѣ, въ церковь Богородичную, дабы она принесла тамъ свое раскаяніе, а оттуда препроводили ее на Гревскую площадь. Съ великою бодростію Бренвилліеръ взошла на эшафотъ, на коемъ отрубили ей голову; тѣло ея, брошенное на костеръ, сожжено. Мужъ ея употреблялъ всѣ возможныя стараніе ее спасти; но только получилъ позволеніе

говорить съ ней до того самаго времени, какъ ее повезли на казнь. Мало женщинъ сдѣлали столько преступленій. Благодареніе Провидѣнію, что таковыя чудовища изрѣдка появляются въ природѣ; иначе бы изо всѣхъ твореній человѣкъ былъ самое жалкое существо.

ГРАФИНЯ ШАТОБРІАНЪ.

Франциска де Фуа, Графиня Шатобріанъ родилась въ 1496 году. Отецъ ея назывался Іоаннъ де Фуа; она была не богата, но прекрасна лицемъ, Графъ Шатобріанъ, изъ дому де Лаваль, старался получить ея руку, когда ей только еще было 12 лѣтъ. Она слыхала отъ своихъ родителей, что женщина всегда бываетъ щастлива, если выходитъ за мужъ за богатаго человѣка. Она повѣривъ сему, вышла за Графа — и была внѣ себя отъ радости,

играя первую ролю въ такомъ пышномъ домѣ. Графъ желая сохранить сердце своей супруги во всей непорочности, рѣшился скрыть такое сокровище отъ свѣта. Однако онъ не могъ его утаить отъ нѣкоторыхъ друзей своихъ; говоря однажды съ ними объ ней, возбудилъ въ нихъ любопытство, причинившее ему нещастіе. Тогда дамы не приглашались съ своими мужьями ко Двору; Графиня жила уединенно, въ своихъ помѣстьяхъ; но 1515 году Францискъ 1й вступя на Престолъ, истребилъ суровость прежняго царствованія; при немъ дамы приглашаемы были ко Двору, во время торжествъ, которыя часто давалъ сей Король. Онъ говорилъ: *что Дворъ безъ женщинъ, есть весна безъ розъ.* Придворные обязались сдѣлать списокъ всѣмъ красавицамъ въ Государствѣ; имя Графиня Шатобріанъ находилось первымъ въ спискѣ. Король хотѣлъ ее видѣть, и говорилъ объ этомъ Графу Шатобріанъ. Очень легко можно себѣ представить отчая-

ніе ревниваго мужа; онъ описывалъ свою жену самыми дурными красками, увѣряя, что она глупа, хладна какъ мраморъ и нелюдима. Король не повѣрилъ словамъ; придворные, которые отгадали причину, заставлявшую его такъ говорить, насмѣхались надъ нимъ. Будучи убѣждаемъ со всѣхъ сторонъ, онъ сказалъ, что не противится пріѣзду Графини, ежели только можетъ упросить ее, выѣхать, по доброй волѣ, изъ своей деревни. Послѣ сего, поѣхалъ онъ на почтовыхъ, чтобы запретить пріѣзжать женѣ своей ко Двору; хотя бы онъ и писалъ — прежде нежели дастъ ей условленный знакъ. Всякому извѣстно, что мы всегда болѣе желаемъ тѣхъ плодовъ, которые намъ запрещены. И такъ Графиня, которая до сего времени была равнодушна къ придворнымъ увеселеніямъ, почувствовала великое желаніе быть при Дворѣ; однакожъ она не пріѣзжала — и всѣ начали думать, что Графиня дѣйствительно

такова, какъ объ-ней отозвался супругъ ея. Однако новая неосторожность сего ревниваго мужа совершенно перемѣнила сіе мнѣніе. Однажды онъ сказалъ одному изъ слугъ своихъ, показавъ ему золотое кольцо, что оно имѣетъ волшебное дѣйствіе и что ежели бы онъ сталъ имъ дѣйствовать: то Графиня не замѣшкала бы къ нему явиться. Смѣтливый слуга, тотчасъ отгадалъ сію загадку. Онъ рѣшился воспользоваться симъ случаемъ, для своего щастія — и согласившись съ нѣсколькими придворными, коимъ открылъ онъ тайну своего господина, велѣлъ сдѣлать такое же кольцо, какое ему Графъ показывалъ и нашелъ удобной случай его положить въ письмѣ, написанномъ Графинѣ; сіе письмо было также обманъ придворныхъ, которые уговорили Графа вызвать его супругу къ новому торжеству. Но въ какое онъ пришелъ отчаяніе, видѣвъ себя обманутымъ; онъ скоро оставилъ Дворъ и

поѣхалъ въ Англію; супруга его, превознесенная похвалами со всѣхъ сторонъ, не могла избѣжать искушенію — повиновалась волѣ Государя своего: за то — ея нещастіе было совершенно. Графъ скрывалъ свой гнѣвъ и отказался отъ всѣхъ предлагаемыхъ ему почестей при Дворѣ.

Въ 1525 году, Францискъ I былъ взятъ въ плѣнъ на Павской баталіи; мать его Луиза Савойская оказала тогда всю свою ненависть, которую она питала къ любимцамъ ея сына. Г. Шатобріанъ, оскорбленная и удаленная отъ Двора, искала случая помириться съ своимъ супругомъ. Графъ, чтобъ насытить болѣе свое мщеніе, казался довольнымъ ея возвращеніемъ и согласился позабыть прошедшее; но какъ скоро нещастная Графиня попалась въ его руки: то онъ заперъ ее съ 7 лѣтнею дочерью въ одну отдаленную комнату замка; комната сія была обита чернымъ сукномъ и представляла

всегда образъ смерти: ребенокъ умеръ чрезъ 6 мѣсяцовъ въ семъ ужасномъ мѣстѣ. Графъ не находя тогда никакого препятствія къ своему мщенію, совершилъ преступленіе, давно гнѣздившееся въ сердцѣ его. Онъ входитъ въ комнату, гдѣ была жена его, съ четырьмя служителями и двумя Лѣкарями, которые пустили ей изъ всѣхъ жилъ кровь. Онъ имѣлъ варварское удовольствіе смотрѣть, какъ жертва его истекла кровію. Злодѣйство было исполнено; онъ помышлялъ токмо о избѣжаніи мщенія законовъ, и удалился изъ Государства; но чрезъ нѣсколько времени узнавъ, что непостоянный Францискъ забылъ Графиню, онъ явился ко Двору и чтобы избавиться строгости законовъ, подарилъ Коннетаблю Монт-Моранси богатѣйшее владѣніе Шатобріанъ.

Произшествіе сіе, опровергается Езуитомъ Даналомъ, который увѣряетъ, что Графиня скончалась спо-

койно въ своемъ замкѣ, въ 1537 году; но Варилласъ подтверждаетъ оное, ссылаясь на рукопись, найденную Президентомъ Ферандомъ въ архивѣ Шатобріанскаго замка. Какъ бы то ни было, однако Графиня точно умерла въ 1537 году и ежели мраморное ея изображеніе и епитафія не означаютъ кончины жизни ея: то по крайней мѣрѣ, онѣ свидѣтельствуютъ о красотѣ ея.

ДѢВИЦА СКЮДЕРИ.

Магдалина Скюдери родилась въ Гаврѣ де Грасъ, 1607 года. Она была изъ древней Неаполитанской, фамиліи и достойно наименована Сафою своего вѣка. Воспитана будучи умною и добродѣтельною матерью, и образована дядею, который, при своей учености, зналъ хорошо свѣтское обращеніе — она пріобрѣла многія знанія въ такія лѣта, въ кои обыкновенно еще бываютъ несвѣдущи; распространившаяся объ ней слава доставила ей многія отличія и преимущества.

Дѣвица Скюдери была отъ природы безобразна и даже увѣряютъ, что безобразіе ея было ужасно; однако она умѣла вознаградить недостатокъ сей пріятностію въ обращеніи и красотою душевною.

Замокъ Рамбулье былъ тогда Храмъ, въ коемъ науки и просвѣщеніе посели-

лись. Дѣвица Скюдери была въ немъ принята и сдѣлалась лучшимъ украшеніемъ онаго. Сообразуясь со вкусомъ тогдашняго времени, начала она писать Романы; нѣжность ея чувствованій склонили ее къ такому роду сочиненій. Имѣніе ея было совсѣмъ разстроено; изъ уваженія къ своей фамиліи, поручилась она въ большомъ долгу, въ которомъ не имѣла она никакого участія. Чтобы расплатишься съ долгами, стала она писать, всячески стараясь прославишь имя свое. Ея сочиненія были токмо по одному названію Романы; они не скрывали въ себѣ тайной отравы для ума и сердца; но заключали въ себѣ наставленія добродѣтели и мудрости.

Подъ именемъ своего брата, который уже прославился разными сочиненіями, дѣвица Скюдери издала въ свѣтъ свои сочиненія: она напечатала романъ: *знаменитый Васса, Киръ*, первыя пять книгъ *Клеліи и рѣчи просвѣщенныхъ женъ*. Братъ ея уда-

лился въ Нормандію, и тамъ женился; тогда открылась тайна, столь долго ею хранимая. Съ тѣхъ поръ дѣвица Скюдери уже не скрывала своего имени; однакожъ она не хотѣла оставаться въ неизвѣстности, публиковавъ сочиненія свои безъ имени сочинителя.

Въ 1671 году, дѣвица Скюдери сочинила *рѣчь*, о Славѣ, за которую получила награду, предложенную Академіею Французскою. Какъ лестно для женщины первой получать вѣнокъ отъ общества, вновь учрежденнаго для возбужденія соревнованія въ писателяхъ. Не только знатныя Особы Государства, извѣстныя своими талантами или породою, каковы суть: Пелиссонъ, Монажъ, Декартъ, Маршалъ Роклоръ, Герцогъ Монтозье, Гжа де ла Вигю, Леритье, Вилладонъ, Серманъ, Розальи искали уваженія и дружбы дѣвицы Скюдери; но и всѣ иностранцы, которыхъ любопытство привлекало въ Парижъ поспѣшали се-

бѣ за честь бѣсѣдовать съ дѣвицею Скюдери. Коронованныя Особы совѣтовали своимъ дѣтямъ съ нею видѣться и пользоваться ея бѣсѣдами. Хрістина, Шведская Королева, которая желала быть ея другомъ просила ее принять свой портретъ и пенсію; со рвеніемъ слѣдовали всѣ примѣру сему, Кардиналъ Мазаренъ, Канцлеръ Бушеръ, оказали ей такое же благодѣяніе; и Людовикъ XIV, по прозьбѣ Гжи. Монтенонъ, приказалъ въ 1683 году, записать ее въ число Государственныхъ Пансіонеровъ, назначивъ ей двѣ тысячи ливровъ ежегодно. Наконецъ восторгъ, которой она внушала всѣмъ, до того простирался, что Королевская сестра однажды ей сказала: я представляю изъ себя любовника, потому что я въ васъ ищу тайно.

По смерти ученой Лукреціи Елены Корнаро, Академія Падуйская избрала дѣвицу Скюдери на ея мѣсто, прислав къ ней слѣдующее посланіе:

Милостивая Государыня!

Когда Академія наша избрала васъ въ свои Члены, не для того, чтобы возвысить ваше имя, прославленное вашими сочиненіями; но единственно для того, чтобы доказать всему свѣту, что она умѣетъ цѣнить ваши превосходныя достоинства; между тѣмъ за честь себѣ вмѣняетъ, имѣть васъ въ сочленахъ своихъ.

Скюдери, которую, сперва нужда, а потомъ и пріятная привычка къ трудолюбивой жизни, побуждали ежедневно обогащать себя новыми познаніями, она привыкла въ назначенныя часы заниматься учеными трудами, ведя одинаковый образъ жизни. Она никогда не огорчалась, подобно другимъ женщинамъ, что не родилась прекрасною; напротивъ того, часто сама шутила надъ своимъ безобразіемъ — и никогда не сердилась на тѣхъ, которыя надъ нею насмѣхались. Дѣвица сія была нравомъ тихаго; въ обществѣ пріятна; превосходствомъ ума своего ни-

когда не гордилась. Когда ужѣ она состарѣлась и ослабѣла отъ сильной боли, какую причинялъ ей ревматизмъ: тогда, видя, что не можетъ быть столь пріятною въ обществѣ, уменшила число своихъ друзей и только принимала тѣхъ, которыхъ она болѣе прочихъ уважала. Долго она составляла ихъ услажденія, стараясь какъ можно скрывать отъ нихъ чрезвычайную боль, которую она претерпѣвала. Наконецъ чрезвычайный насморкъ съ лихорадкою умножили ея мученія. Съ бодростію сопротивлялась она самой природѣ и не хотѣла лечь въ постелю. Въ одно утро, почуствовавъ большую слабость, сказала она хладнокровно: надобно умереть: и тогда она посвятила послѣднія минуты своей жизни Религіи и умерла 2 Іюня, 1701 года; 94 лѣтъ отъ рожденія.

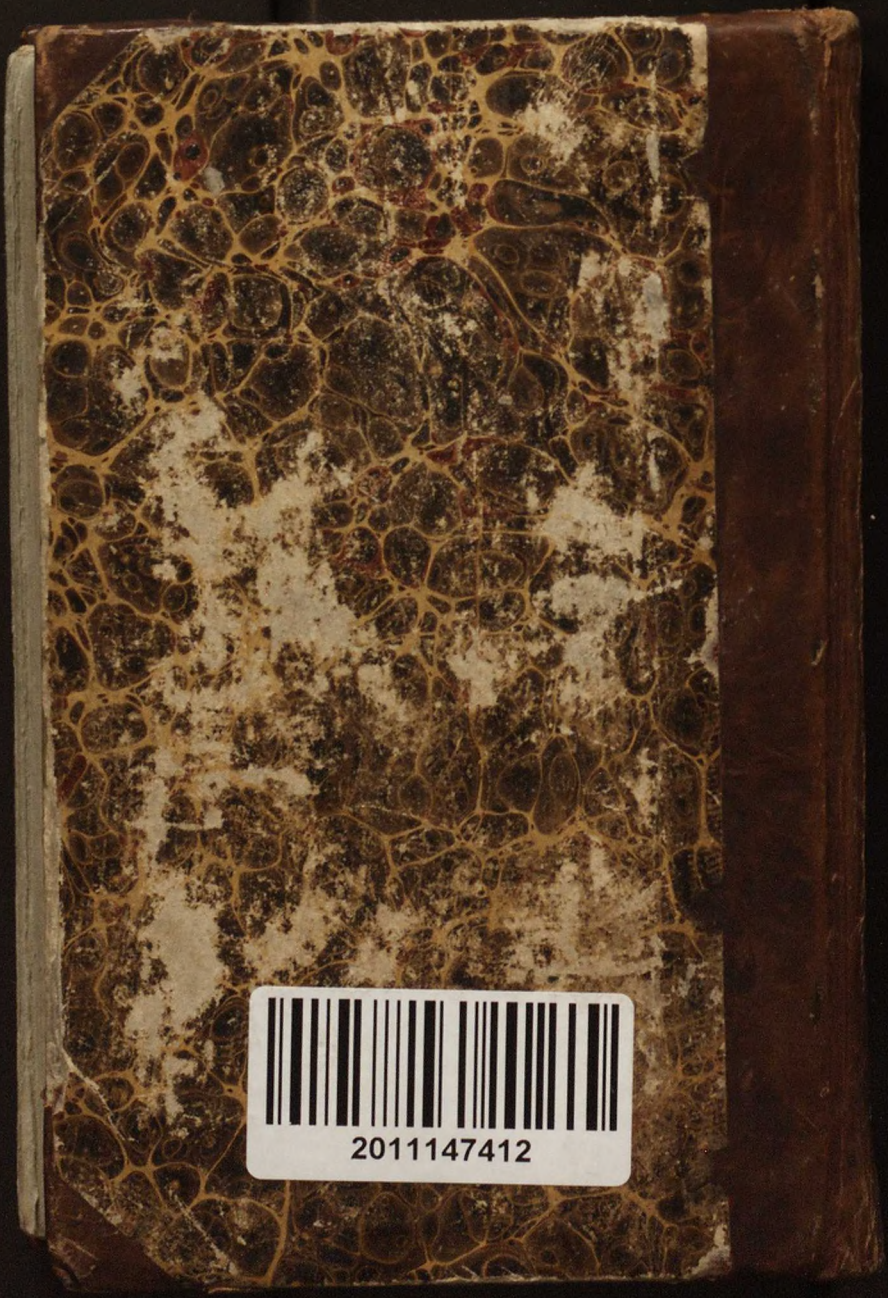
Въ продолженіи полвѣка, продолжался споръ, гдѣ погребсти сію знаменитую дѣвицу: въ церкви ли госпита-

ля красныхъ дѣтей (des Enfans rouges), или въ приходской ея церкви, Св. Николая. Кардиналъ Ноаль рѣшилъ въ пользу Прихода, гдѣ и была она похоронена 3 Іюня. Мы окончимъ жизнь дѣвицы Скюдери анекдотомъ, который доказываетъ прозорливость ея ума и справедливость ея сужденій. Однажды разговаривала она ласково съ слугами. Нѣкто увидя сіе, дивился етому, она ему сказала: „не дивитесь сему, я люблю разговаривать съ настоящими слугами; въ семъ состояніи они бываютъ хороши и послушны, но оставивъ свое состояніе и возвысясь на какой нибудь степень, они дѣлаются несносно горды и надменны.

Сочиненія дѣвицы Скюдери переведены почти на всѣ Европейскіе языки, и даже на нѣкоторые Восточные.

Конецъ второй Части.

Маргарита Анжуйская 3
Маргарита Валуа 26
Иоанна Д'Арангузенъ 33
Катерина Медичи 37
Мария Стюартъ 67
Елизавета Английская 81
Леди Иоанна Грей 103
Луиза Лабе 128
Герцогиня Рецъ 135
Госпожа Сталь 141
Девица де Монпансье 157
Госпожа де Ментенонъ 171
Госпожа Вилмаръ 182
Лукреция Елена Корнаро 196
Госпожа де ла Файетъ 201
Госпожа Бринвилье 218
Графиня Шатобріанъ 226
Девица Скюдери 233


2011147412